

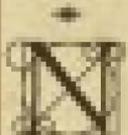

ПАТРИСИЯ

МОЙЕС

МЕРТВЕЦЫ НЕ КАТАЮТСЯ
НА ЛЫЖАХ
ПРИЗРАК УБИЙСТВА

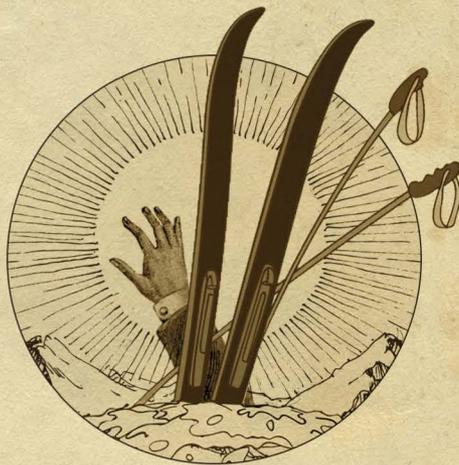
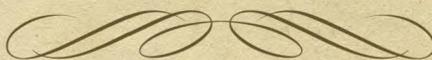
ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ПАТРИСИЯ

МОЙЕС

МЕРТВЕЦЫ НЕ КАТАЮТСЯ
НА ЛЫЖАХ

ПРИЗРАК УБИЙСТВА

ПАТРИСИЯ

МОЙЕС

Патрисия Мойес (в девичестве Патрисия Пэкенхем-Уолш) родилась в 1923 году в Дублине. В годы войны служила в Королевских ВВС, а после этого долгое время работала личным помощником знаменитого режиссера Питера Устинова. Мойес создала яркий образ инспектора Скотленд-Ярда Генри Тиббета, который уже знаком читателям по изданию в этой серии книг «Убийство от-кутюр» и «Кто подарил ей смерть».

ПАТРИСИЯ

МОЙЕС

МЕРТВЕЦЫ НЕ КАТАЮТСЯ
НА ЛЫЖАХ

ПРИЗРАК УБИЙСТВА

АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

М74

Серия «Золотой век английского детектива»

Patricia Moyes

DEAD MEN DON'T SKI

MURDER FANATICAL

Перевод с английского

И. Дорониной («Мертвецы не катаются на лыжах»),

М. Левина («Призрак убийства»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения литературных агентств

Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

Мойес, Патрисия.

М74 Мертвецы не катаются на лыжах ; Призрак убийства : [романы] / Патрисия Мойес ; [пер. с англ. И. Дорониной, М. Левина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 544 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-100960-1

Италия, Доломитовые Альпы, маленькая уютная деревенька в горах. Что может быть лучше для зимнего отдыха? Инспектор Генри Тиббет с женой отправляются в отпуск, чтобы отдохнуть от городской суеты и научиться кататься на лыжах. Но спустя пару дней пребывания в Санта-Кьяре в их идиллическое времяпрепровождение вмешивается смерть. В одном из кресел канатной дороги на нижнюю станцию подъемника спускается труп. А через несколько дней еще один. Потенциальных подозреваемых не так много, но все осложняется тем, что почти у каждого из них есть мотив...

Семья Мансайпл всегда отличалась экстравагантностью. Но соседи уже привыкли к странным ирландцам и давно перестали их обсуждать. Вот только труп Реймонда Мейсона на подъездной дорожке их дома спровоцировал новую волну слухов. Случайная ли это пуля со стрельбища Джорджа Мансайпла? Стоит ли принимать во внимание показания единственного свидетеля — девяностолетней старушки, увлекающейся спиритизмом? Имеет ли к случившемуся отношение сын покойного? Генри Тиббету в очередной раз предстоит восстановить картину произошедшего и объяснить ряд странных событий, случившихся в доме Мансайплов.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

© The Beneficiaries of the Literary Estate
of Patricia Moyes, 1959, 1967

© Перевод. И. Доронина, 2016

© Перевод. М. Левин, 2016

ISBN 978-5-17-100960-1

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

МЕРТВЕЦЫ НЕ КАТАЮТСЯ
НА ЛЫЖАХ

Действующие лица:

Генри Тиббет. Главный инспектор Скотленд-Ярда, 48 лет. Совмещающая отдых с рабочим заданием, находился на горнолыжном курорте, когда там произошло убийство. Считает себя довольно заурядной личностью, но добросовестным и наблюдательным полицейским, обладающим хорошо развитой интуицией.

Эмми Тиббет. Жена Генри, 40 лет. Ее уравновешенность и доброжелательность зачастую служат мужу надежной опорой.

Джимми Пассденделл. Сын английского лорда, слегка необузданный, но обаятельный.

Роджер Стейнз. Хорош собой, «мечта дебианток» и друг Джимми. В его прошлом есть тайна, и он совершенно не способен говорить правду.

Кэролайн (Каро) Уиттакер. Очень хорошенькая и кокетливая подруга Джимми, решительно настроенная выйти замуж за Роджера.

Фриц Хозер. Этот «толстый немец-коротышка» родился неподалеку от горнолыжного курорта, где происходят события. Имел врачебную практику в Вене, Берлине и Риме. На местном курорте частый гость, хотя на лыжах не катается.

Баронесса фон Вюртбург. Предпочитает, чтобы ее называли Мария Пиа. Итальянка по происхождению, состоит в несчастливом браке с австрийским бароном **Германом фон Вюртбургом**, который появляется на сцене позже остальных.

Лотти и Ганси фон Вюртбург. Их дети.

Герда Браун. Няня при детях Марии Пиа. Из тех, о ком говорят: в тихом омуте черти водятся.

Франко ди Санти. Смуглый молодой итальянский скульптор из Рима, который, судя по всему, неравнодушен к баронессе, как и она к нему.

Альберто Россати. Владелец отеля. Как ни странно, на лыжах не катается.

Пьетро Веспи. Красив даже по меркам горнолыжных инструкторов. Его брат **Джулио** недавно погиб, катаясь на лыжах.

Марио Веспи. Отец Пьетро, оператор кресельного канатного подъемника.

Роза и Мария Веспи. Его жена и дочь. Держат универсальный магазин.

Полковник Бакфаст и его жена Розамунда. Он — на вид типичный хвастливый британец, но на лыжах катается весьма недурно. Его жена предпочитает вязать и жаловаться. Позже у нее обнаруживаются и другие интересы.

Семейство Зигфрида Книпфера. Немцы. Муж занимается экспортом-импортом в Гамбурге. Он, похоже, единственный среди постояльцев, кто хорошо относится к Хозеру. Семья держится обособленно. Дочь, **Труди**, не слишком преуспевает в обучении лыжному мастерству, но со зрением у нее все в порядке.

Капитан Спецци. Местный полицейский, горячо приветствует участие инспектора Тиббета в расследовании и панически боится, что виновным окажется человек, которому он симпатизирует.

Анна. Буфетчица и горничная.

Беппи. Посыльный в отеле.

Карло. Помощник Марио на канатной дороге.

Глава 1

В девять часов холодного пасмурного январского утра такси главного инспектора Генри Тиббета остановилось у неприветливого вокзала Виктория, с виду напоминающего пещеру. Полчища офисных служащих, вывалившихся из пригородных поездов, нервно устремились через контрольные турникеты к автобусам и входу в метро — люди с бледными, напряженными лицами, постоянно спешащие и постоянно опаздывающие. Но здесь, у бокового входа, который вел в помещение, напоминающее склад, набитый впечатляющим количеством грузовых весов, собралась группа, выглядевшая в этот час в этом месте так же парадоксально, как выглядела бы труппа профессиональных исполнительниц эротических танцев в древнегреческом храме Афины. Не все они были молоды, с облегчением отметил про себя Генри, хотя средний возраст, конечно, едва переваливал за тридцать; однако все — молодые и средних лет, мужчины и женщины — были едины в вызывающей экипировке: слишком тесные брюки, слишком яркие свитера, тяжеленные ботинки и самые дурацкие вязаные шапки, какие только можно было придумать. Лица у всех были бледные, но — Генри отметил это с замиранием сердца — агрессивно веселые и лишённые малейших признаков напряжения, а голоса звучали неестественно громко и дружелюбно. В целом это сомнительное сборище напоминало шумную студенческую вечеринку по поводу окончания семестра.

— Дорогой, расплатись с таксистом, пока я разберусь с багажом? — Бодрый голос жены отвлек инспектора от дурного предчувствия.

— Да-да, конечно. Нет, не поднимай тяжести... Я позову носильщика...

Такси с урчанием отправилось своей дорогой, а Генри с удовлетворением увидел, что коротышка-носильщик с лицом злобной обезьяны, который праздно подпирал стену, с раздражающей сосредоточенностью катая в пальцах папиросу, направляется к ним, чтобы предложить свои услуги.

— Санта-Кьяра, сэръ? А где же ваши лыжи, которые нужно сдать в багаж? — Носильщик едва сдерживал улыбку.

— У нас нет лыж, — сказал Тиббет. — Возьмем напрокат на месте. Мы просто...

Но носильщик моментально утратил к ним всякий интерес и переключил внимание на только что подъехавшее такси, в котором явно имелись лыжи для сдачи в багаж. Из машины вышел мужчина с гладким красным лицом и безошибочно угадываемой военной выправкой, за ним показался целый лес лыж и лыжных палок, а следом — крупная женщина с недовольным выражением лица. Пока тощий носильщик умело укладывал лыжи и палки на свою тележку, Генри успел разглядеть бирку, на которой крупными буквами значилось: «Полк. Бакфаст, гостиница «Белла Виста», Санта-Кьяра, Италия. Через Инсбрук».

— Они — в тот же отель, что и мы, — жалобно пробормотал он, обращаясь к Эмми.

— Не бери в голову, — улыбнулась она. — Вон та симпатичная компания — тоже.

Генри повернулся и увидел группу из трех молодых людей, которые, судя по шикарному внешнему виду, представляли высшие круги общества. Девушка была лет двадцати, как показалось инспектору, с коротко стриженными волосами и простодушным взглядом блестящих голубых глаз. Один из юношей обладал выдающейся внешностью — светловолосый, сероглазый, с очень красивыми руками, — он выглядел одновременно и мужественным, и чувственным («Где-то я видел его фотографию», — шепнул жене Генри). Другой молодой человек не дотягивал до физического совершенства своих спутников — он был высок, худ, с носом, напоминающим клюв, и темными, слишком длинными волосами, — но недостатки его внешности восполняло великолепие костюма. Брюки, обтягивающие его

ноги, как вторая кожа, были бледно-голубыми, как у руританского¹ офицера из музыкальной комедии; свитер — цвета яичного желтка с ярко-красным оленем, охватывавшим грудную клетку до самых подмышек; а шерстяная шапочка, напоминающая вершину кремового торта, — ярко-синей. Теперь же молодой человек хохотал во все горло, похлопывая себя бамбуковой лыжной палкой по тонкой ноге.

— Господи помилуй, — сказал Генри. — Это же Джимми Пассденделл — младший сын старого Рейвна. Он... — Тиббет запнулся, потому что сама мысль показалась ему абсурдной, — ...он член совета «Ллойда»².

В этот момент какой-то дюжий носильщик, решивший, видимо, что пора освободить тротуар для вновь прибывающих, бесцеремонно подхватил вещи Тиббетов, сунув по чемодану под мышки, без усилий взяв еще два в руки, и с воплем «Куда, сэр?», не дожидаясь ответа, исчез в здании вокзала.

Генри и Эмми рысцой припустились за ним и очутились возле гигантских весов, на которые были навалены лыжи.

— Что в багаж? — лаконично спросил носильщик, поигрывая несессером Эмми в своей огромной руке.

— Боюсь, я не совсем понимаю... — начал Генри, чувствуя себя практически дураком. Остальные явно все понимали.

— То, что сдается в багаж, здесь проходит таможеню, и вы не увидите этих вещей аж до самого Инсбрука, — снисходительно пояснил носильщик.

— Мы сдаем два больших чемодана, — твердо сказала Эмми.

Потом Генри рысью бегал между багажом, носильщиком и билетной кассой, как суетливая, заботливая насадка, вознамерившаяся утолить голод своего выводка червяками, — в роли червяков в данном случае выступали загадочные бумажки, которые железнодорожные служащие, качая головами, с восторгом штамповали, компостировали и скрепляли. Наконец формальности были соблюдены, таможня пройдена, и Тиббеты с двумя маленькими чемоданчиками благополучно водворились на угловые сиденья, забронированные для поездки в Дувр.

Генри откинулся на спинку, облегченно вздохнув, но так и не избавившись от дурного предчувствия. Пока в купе они оставались одни, шум багажного отделения сменился приглушенными звуками, всегда предшествующими отправлению поезда дальнего следования.

— Надеюсь, Ярд знает, что делает, — заметил инспектор, — потому что я — нет. Я бы предпочел, чтобы мы катались на лыжах в каком-нибудь другом месте.

— Ерунда, — отозвалась Эмми. — А мне нравится. И пока я не увидела никого хоть мало-мальски подозрительного, кроме таксиста и взвинченного носильщика.

Генри посмотрел на жену укоризненным взглядом, говорившим «у стен есть уши», и развернул «Таймс», приступив к разгадыванию кроссворда.

Тиббет не был похож на великого детектива. В сущности, по собственному же заключению, он и не был великим детективом, а был всего лишь добросовестным и наблюдательным полицейским, иногда в ходе расследования проявляющим интуитивное чутье, которое называл «нюхом». Мало кто из начальников не был готов прислушиваться и предпринимать соответствующие действия, когда Генри вдруг говорил: «Нюх подсказывает мне, что мы взяли неверный след. Почему бы не пощупать в другом направлении?» Нос Генри Тиббета, обладающий этим самым нюхом, был такой же симпатичной — и ничем не примечательной — частью его внешности, как и все остальное. Невысокого роста, с седеющими волосами, почти бесцветными бровями и ресницами, он провел большую часть

¹ Руритания — вымышленная страна из романов Э. Хоупа, небольшое государство, где процветают придворные интриги. — *Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*

² Известный рынок страхования, называемый иногда (ошибочно) страховой компанией.

своих сорока восьми лет, стараясь — на удивление, безуспешно — избегать неприятностей.

— Не моя вина, — жалобно заметил он как-то в разговоре с женой, — что у меня под ногами все всегда взрывается.

Следствием этого была его широко известная и незаслуженная репутация человека отчаянного, авантюриста, скрывающего собственную лихость под маской кротости; и его многократно повторяемые заверения в том, что единственное, чего он хочет, это вести спокойную жизнь, естественно, лишь раздували пожар слухов.

Эмми, разумеется, знала, каков Генри на самом деле, и понимала, что истина лежит где-то между безрассудной личностью, проживающей в воображении его подчиненных, и мягким, тихим как мышь человеком, каким он выставлял себя перед окружающими. Она также знала — и это утешало и ободряло ее, — что мужу, как воздух и вода, необходимы ее уравновешенность и доброжелательность. Ей исполнилось сорок, она уже не была так стройна, как прежде, но сохранила приятность форм, а лицо у нее было милое и умное. У Эмми была необыкновенно красивая кожа, светлая и чистая, очаровательно контрастирующая с курчавыми черными волосами.

Она посмотрела на часы:

— Вот-вот отправляемся. Интересно, кто будет нашими соседями?

Последнее выяснилось довольно скоро. Задолго до того как миссис Бакфаст, словно военный корабль под полными парусами, всплыла в купе, ее недовольный голос зазвучал с дальнего конца коридора. Место ее, естественно, не устроило. Ей якобы определенно дали понять, что у нее будет угловое у окна, лицом по направлению движения.

— Единственное, что я могу сказать, Артур, — она обращалась к мужу, при этом сверля взглядом инспектора, — что для некоторых людей предварительное резервирование абсолютно ничего не значит.

Генри с сожалением уступил ей свое место. Миссис Бакфаст посмотрела на него так, словно впервые увидела, потом снисходительно приняла предложение.

Вскоре веселая суета в коридоре оповестила о прибытии Джимми Пассденделла и его компании. («Семеро в одном купе — это уж слишком», — высказалась миссис Бакфаст, ни к кому конкретно не обращаясь.) Девушка сразу погрузилась в чтение последнего номера «Татлера». Полковник коротко кивнул молодому красавцу и сказал:

— Значит, в этом году снова туда же? У меня было предчувствие, что вы можете опять поехать.

В ответ молодой человек выразил надежду, что снег в этот раз будет таким же хорошим, как в прошлом году, затем стал умело рассовывать багаж и даже заслужил кислую улыбку миссис Бакфаст тем, что затолкал огромное количество ее мелких коробок на багажную полку. Но Джимми Пассденделл тут же совершил большую ошибку, достав губную гармошку и предложив всем хором спеть популярную песенку «Милые старые друзья».

— В конце концов, — радостно заметил он, — мы ими скоро станем. Ведь все мы едем в Санта-Кьяру, не так ли? В «Белла Висту»? — И после короткой паузы воскликнул: — Ураа!

Хорошенькая блондинка захихикала; красивый молодой человек явно испытал неловкость; Генри и полковник еще надежнее укрылись за своими респектабельными газетами, а Эмми простодушно рассмеялась, достала жестяную коробку полезного для пищеварения печенья и стала всех угощать. Молодые люди с радостными возгласами набросились на печенье, и на время разговор, слава богу, сменился довольным жеванием. Поезд медленно отошел от вокзала Виктория и углубился в туман.

Канал был серым и холодным, но спокойным. Лыжники в своих тяжелых гулких ботинках бодро протопали вверх по трапу и дружно бросились в тепло и покой салона, столовой или бара — в зависимости от предпочтений. Когда пароход медленно отошел от причала и миновал узкую горловину бухты, Генри и Эмми остались на палубе одни.

Облокотившись о перила, супруги наслаждались тишиной и смотрели на знакомые очертания прибрежных утесов, таявших в дымке.

— В Санта-Кьяру больше никто не едет, — сказала наконец Эмми. — А среди тех, кто здесь уже есть, — какими бы недостатками они не обладали — ни один не кажется мне похожим на мелкого торговца наркотиками.

— Возможно, все это лишь охота на призраков, — согласился Генри. — Надеюсь, так и есть. Видит бог, я не хочу неприятностей. Хочу всего лишь научиться кататься на лыжах. В конце концов, мы на отдыхе.

— В самом деле? — Эмми печально улыбнулась. — Значит, это простое совпадение, что мы едем в отель, который Интерпол считает логовом контрабандистов?

— Это место я выбрал случайно, — жалобно ответил Генри. — А когда сэр Джон услышал, что мы туда собрались, у меня не было возможности отказаться держать ушки на макушке.

— Стало быть, Интерпол знает, что ты там будешь, правильно?

— Да. Неофициально. У них пока нет никаких доказательств — только подозрения. Они собирались послать в «Белла Висту» кого-нибудь из своих ребят под видом обычного отдыхающего, но когда сэр Джон сообщил им, что я все равно туда направляюсь...

У них за спиной раздался знакомый пронзительный голос:

— Ясно же, что мы должны плыть на пароходе первым классом...

— Пойдем выпьем чего-нибудь, — поспешно предложил Генри, увлекая Эмми в бар.

Там было тесно, накурено и весело. Инспектор с трудом пробился между молодыми атлетами к стойке и взял два скотча и две сотни сигарет за смешную сумму. К тому времени, когда он с таким же трудом пробрался обратно к Эмми, она уже устроилась за последним свободным столиком и дружески болтала со светловолосой девушкой, спутники которой тем временем, устремившись за беспощинным коньяком, штурмовали бар.

— О, Генри, молодец! Познакомься с мисс Уиттакер.

Казалось, Эмми по какой-то причине намеренно подчеркнула фамилию. Господи, подумал Генри, наверное, это кто-то, кого я должен знать. Девушка улыбнулась подошедшему лучезарной улыбкой и сказала:

— Как-то по-дурацки звучит: «мисс Уиттакер». Пожалуйста, зовите меня просто Каро.

Тиббет ответил: «Буду счастлив» и протянул Эмми ее скотч. Спустя минуту, вырвавшись из давки, царившей возле барной стойки, появился красивый молодой блондин, нагруженный бокалами и бутылками. Каро засуетилась, представляя всех друг другу:

— Это милый Роджер... то есть Роджер Стейнз, умопомрачительный лыжник, который посрамил всех... да, посрамил... а это — Генри и Эмми Тиббеты, и они тоже направляются в «Белла Висту»... то есть в тот же самый отель... ну не счастливое ли это совпадение, Роджер дорогой?

Потом прибыл «дорогой Джимми» со своим набором бестамуженной выпивки, и вечеринка завертелась, между тем как серые морские мили проплывали под килем и чайки целеустремленно кружили над бурлящей струей в кильватере корабля.

В Кале пришлось преодолеть толчею носильщиков, весьма поверхностный таможенный досмотр, длиннющий марш по пристани — и наконец все пятеро путешественников водворились в вагон Е6 сверкающего железнодорожного состава; на вагоне, ближе к тамбурам для курения, красовались эффектные таблички «Особый лыжно-спортивный». Ручная кладь была аккуратно уложена на полку над дверью, и первая бутылка бренди откупорена рукой Джимми. Огромный поезд издал шипящий выдох и плавно отошел от станции, взяв курс на юг.

— Ну вот, — сказал молодой Пассденделл, — это наш дом до завтрашнего дня. Давайте выпьем.

Франция, оставаясь позади, проплывала мимо окон в уже сгущавшихся сумерках. Генри разгадывал свой кроссворд, Эмми дремала; Джимми очередной раз прикладывался к бутылке; Каро читала журнал, а Роджер задумчиво смотрел в окно; его безупречный

профиль портило лишь угрюмое выражение лица, свидетельствующее о дурном настроении. Маленький человечек в кожаной безрукавке, с красной повязкой на рукаве, на которой желтыми нитками было вышито «Ски-спортс, Лтд.», просунул голову в купе.

— Я — Эдвард, ваш проводник, — сообщил он жизнерадостно, моргая сквозь очки с толстыми линзами. — Если что-нибудь понадобится, обращайтесь ко мне.

— Хотите бренди? — предложил Джимми.

Эдвард нервно хихикнул, отказался и удалился. Было слышно, как он открывает дверь соседнего купе.

— Я — Эдвард, ваш проводник. Если что-нибудь понадобится...

— Разумеется, понадобится, любезный. — Мощный голос миссис Бакфаст с легкостью перекрыл ритмичный стук колес. Даже когда Эдвард зашел в купе и плотно закрыл за собой дверь, этот недовольный рокочущий голос был хорошо различим.

Несколько минут спустя Каро встала, вышла в коридор и, облокотившись на поручень под окном, стала смотреть на темнеющие поля, освещенные окна фермерских домов, крохотные станционные здания, пронесившиеся мимо и безжалостно отбрасываемые в прошлое ненасытным, пожирающим мили монстром, частью которого они сейчас были.

Когда Каро выходила из купе, Эмми открыла глаза, посмотрела ей вслед и снова уютно устроилась подремать. Роджер Стейнз тоже поднялся из своего углового кресла, вышел в коридор и с грохотом закрыл за собой дверь. Сквозь дверное стекло Генри видел две стоявшие рядом невыразительные спины, раскачивавшиеся в такт движению поезда: Стейнз что-то настойчиво говорил, Каро едва-едва ему отвечала. О чем они беседовали, Тиббет не слышал.

В пять часов в вагоне неожиданно включилось освещение, а в половине седьмого в конце коридора весело зазвенел колокольчик, зазывающий первую смену на ужин. Джимми сверился со своим билетом и обнаружил, что он как раз ужинает в первую смену; прихватив с собой Роджера и Каро, теперь расслабленно прислонившихся к двери купе, курящих и празднично болтающих друг с другом, он повел приятелей по коридору в вагон-ресторан. По дороге они громко переговаривались.

После их ухода стало очень тихо и пусто. Генри встал, аккуратно закрыл дверь и сказал:

— Роджер Стейнз... Никак не могу припомнить...

— А я вспомнила, где видела его фотографию, — в «Татлере», — пояснила Эмми. — Его там называли «мечтой дебютанток». Смотри...

И взяла журнал, оставленный Каро на своем сиденье. Он был открыт на одной из тех страниц, где рассказывалось о ночной жизни Лондона; на снимке Роджер и Каро чокались бокалами шампанского. «Мисс Кэролайн Уиттакер, очаровательная дочь сэра Чарлза и леди Уиттакер, со своим частым спутником, мистером Роджером Стейнзом, веселятся и пьют шампанское в одном из аристократических залов», — сообщала подпись к фотографии. Генри не меньше минуты задумчиво смотрел на снимок, потом снова произнес:

— Никак не могу припомнить... Раньше. Чутьочку раньше...

— Господи, как я проголодалась, — сказала Эмми. — Хочешь печенье?

Поезд стремительно приближался к швейцарской границе.

Ужиная в третью смену, Тиббеты оказались за столиком с полковником и миссис Бакфаст. Последняя, имея кучу времени, чтобы сделать фарш из бедняги Эдварда, пребывала в сравнительно хорошем расположении духа и согласилась выпить бокал сотерна под рыбу; она даже объявила ужин съедобным. Ободренный таким непривычным смирением, полковник разговорился за кофе.

— Вы впервые едете кататься на лыжах? — спросил он; его гладкое красное лицо излучало любезность.

— Да, боюсь, я совершенный новичок, — ответил Генри. — А вот моя жена уже бывала на зимних курортах и каталась.

— Всего два раза, — вставила Эмми. — Лыжница я никакая.

— Это лучший в мире вид спорта, — сообщил полковник и воинственно огляделся, словно ожидая возражений. Миссис Бакфаст хмыкнула, но промолчала.

— Моя супруга не катается, — доверительно сообщил Бакфаст. — Ее занятия спортом заключаются в том, чтобы из года в год сопровождать меня. Я это ценю. Разумеется, я бы понял, если бы она захотела остаться дома и отпустила меня одного...

В его голосе послышалась мечтательная интонация.

— Горный воздух мне полезен, — решительно пресекла полковника жена. — У меня есть свои способы проводить время. Было бы несправедливо с моей стороны отпускать бедного Артура в такую поездку в полном одиночестве.

— Я всегда говорил тебе... — начал было Артур, но супруга оборвала его, попросив передать ей сахар таким тоном, что любая дальнейшая дискуссия казалась невыносимой. После короткой паузы полковник сделал вторую попытку завязать разговор.

— Вы прежде бывали в Санта-Кьяре?

— Нет.

— Интересно, что вас в ней привлекло, если вы не являетесь страстным лыжником? Это место не всякому придется по душе — отель совершенно обособлен, лепится к верхней площадке канатной дороги. После наступления темноты, знаете ли, даже в деревню никак не спуститься.

— Нам сказали, что катание на горных лыжах — это чудесно, — ответила Эмми. — К тому же мы больше всего хотели побыть именно в тихом, уединенном месте.

— Тогда вы выбрали то, что надо, — кисло заметила миссис Бакфаст. — Рискну предположить, — продолжила она с плохо скрываемым любопытством, — что ваш муж очень много работает. Вероятно, его работа требует большой отдачи сил.

— Не больше, чем работа любого другого делового человека, — отозвался Генри. — Весь вопрос — в темпераменте, полагаю. Мы всегда предпочитаем тихий отдых, вдали от проторенных дорог.

— Значит, вы бизнесмен, если я правильно поняла? Как интересно. Вы работаете в Сити?

— Не совсем, — уклончиво ответил инспектор. — Я работаю в Вестминстере.

Миссис Бакфаст, недовольная тем, что ее попытка выведать профессию Генри не достигла цели, продолжила:

— В этом году в Санта-Кьяру направляется весьма избранное общество. Кэролайн Уиттакер, в честь которой в прошлом году устраивался грандиозный бал в «Клэридже», и distinguished Джимми Пассденделл, — ее голос упал чуть ли не до шепота, — сын лорда Рейвна, знаете ли. Немного необузданный, но милый... очень милый...

— Другой молодой человек тоже кажется весьма приятным, — заметил Генри. — Роджер Стейнз. Его лицо кажется мне знакомым.

— О нем я ничего не знаю, — безапелляционно заявила миссис Бакфаст и повторила: — Совершенно ничего.

Когда Генри с Эмми вернулись в вагон Е6, трехъярусные спальные полки были уже застелены, однако никто из спутников, судя по всему, не собирался ложиться. Джимми открыл очередную бутылку бренди, и компания под его предводительством распевала песенки разной степени пристойности. Тиббеты с благодарностью приняли по стаканчику на ночь и сказали, что займут две верхние полки, чтобы никому не мешать.

— Не обращайтесь на нас внимания, — добавила Эмми. — Пойте как угодно громко. Мы с удовольствием послушаем.

— Очень любезно с вашей стороны, — ответил Джимми. — Выпейте еще по стаканчику, прежде чем забираться на такую опасную высоту.

Два последних слова он повторил дважды, чтобы убедиться, что до попутчиков дошел смысл. Каро улыбалась, сидя в углу. Они с Роджером держались за руки.

Пение продолжалось еще полчаса, после чего компания решила отдохнуть. Каро заняла одну из средних полок, Роджер и Джимми — две нижние. Вскоре в купе воцарились тишина и темнота, если не считать крохотного синего ночника, горевшего под потолком, тихого посапывания спящих да ритмичного стука колес. В конце последнего вагона, в своем крохотном купе, Эдвард, перебирая список пассажиров, беспрестанно и от всей души честил миссис Бакфаст; пассажиры извивающегося состава на всем протяжении от паровоза до купе проводника мирно спали.

На следующее утро, посмотрев во время завтрака в окно, путешественники увидели, что пейзаж чудесным образом изменился: они оказались в окружении гор. То есть само железнодорожное полотно стелилось по довольно широким зеленым долинам, напоминающим высохшие озера, но вокруг горделиво возвышались горы, на склонах которых свежая зелень сменялась серыми скалами, потом вечнозеленой растительностью и наконец — высоко вверх — сверкающим белым снегом. Настроение у всех поднялось, голоса зазвучали громче. Сияло солнце, и снег обрел невероятно соблазнительную притягательность невероятного чуда освобождения. Скоро, скоро...

Австрийскую границу миновали в половине десятого, около одиннадцати поезд уже мчался по широкой зеленой долине реки Инн, окаймленной величественными горами; примерно в одиннадцать двадцать паровоз с шипением остановился, и с перрона кто-то выкрикнул в морозный, пронизанный солнцем воздух: «Инсбрук! Инсбрук!»

Глава 2

В Инсбруке компания лыжников, державшихся вместе с самого вокзала Виктория, вмиг распалась: гостиничные автобусы или маленькие горные поезда увезли их на разные австрийские курорты. Осталась только группа, направляющаяся в Санта-Кьяру, внезапно ощутившая себя брошенной и какой-то неуместной здесь в своих кричаще-ярких свитерах. Эдвард, в пути навлекший на себя не слишком комплиментарные высказывания пассажиров вагона Е6, теперь показался им последним — но, увы, вероломным — другом, который, быстро сдав отчетность, заспешил домой.

Как всегда в таких ситуациях, «чужаков» охватило чувство товарищества. Джимми принес миссис Бакфаст чашку кофе, полковник поднес чемоданчик миссис Тиббет до подземного перехода, Роджер (командуя на превосходном немецком языке) собрал все сданные в багаж вещи, а Эмми и Каро вместе отправились на поиски дамской комнаты. Генри, чувствуя себя немного не у дел, довольствовался тем, что купил достаточное количество английских журналов в книжной лавке, чтобы всей компании было чем занять себя до вечернего чаепития, ко времени которого им предстояло прибыть к месту назначения. В конце концов все семеро попутчиков вместе с багажом собрались на нужном перроне, чтобы сесть в экспресс Мюнхен — Рим, который должен был доставить их к предпоследнему пункту путешествия.

Очевидно, охотников сменить бодрящую солнечную погоду Инсбрука на сомнительные радости римского января было немного, потому что никто больше не ждал поезда, кроме пожилой четы, которая, как догадался Генри, приезжала в Инсбрук за покупками и, вероятнее всего, следовала не далее приграничного городка Бреннер. Однако за несколько минут до прихода поезда группа носильщиков с солидным багажом вынырнула из подземного перехода в сопровождении высокого и очень худого господина, одетого в норфолкский пиджак из ярко-зеленого твида с меховым воротником и темно-серые чрезвычайно узкие брюки. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, которые выдавали нетерпимость характера, казалось по-лисий хитрым. Зеленая тирольская шляпа в сочетании с такой физиономией выглядела несуразно. С мужчиной была девушка поразительной

красоты: с лицом рафаэлевой флорентийской мадонны и локонами цвета старого золота. На ней были серые лыжные брюки, явно скроенные мастером, и маленькая серая куртка с воротником из меха снежного барса, который окутывал ее шейку, словно облако. Косметика — в итальянском стиле — подчеркивала восхитительные темные глаза и медового оттенка кожу, прелестные губы лишь чуть-чуть были тронуты нежно-розовой помадой.

— Очень, очень дорого, — шепнула Эмми на ухо мужу, когда кортеж носильщиков проследовал мимо.

Миссис Бакфаст уставилась на вновь прибывших с откровенным любопытством; Каро казалась оробевшей, внезапно осознав, как выглядят ее измятые брюки, в которых она спала; мужчины невольно повернули головы в восхищении и были вознаграждены злобным взглядом из-под тирольской шляпы.

Когда поезд, строго по расписанию, подошел к перрону и компания расположилась в пустом вагоне, Тиббеты подошли к окну, чтобы бросить последний взгляд на Инсбрук. К их пущему удивлению, Тирольская Шляпа, судя по всему, никуда не ехал, он прощался с мадонной, которая стояла у двери купе первого класса, холодная и прекрасная. Поцелуи, заверения в любви, суэта вокруг багажа — все это девушка воспринимала скорее с вынужденным смирением, нежели с энтузиазмом. В какой-то момент, когда ее сопровождающий вступил в пререкания с носильщиком, Генри поймал ее взгляд: красавица смотрела на Тирольскую Шляпу со смешанным выражением презрения и неприязни, таким пронзительным, что по спине детектива пробежал холодок. Наконец раздался свисток, и поезд тронулся. Последним, кого путешественники видели в Инсбруке, оказался этот мужчина, как-то жалко махавший вслед поезду зажатой в длинной тонкой руке тирольской шляпой.

В Бреннере, после краткого и дружелюбного общения с итальянской таможней, вся компания гуськом отправилась по коридору в вагон-ресторан. Молодежь оккупировала отдельный столик на четверых, Бакфасты — столик на двоих. Генри и Эмми, прибывших последними, улыбочивый официант проводил к самому дальнему столу, рассчитанному на четверых, но за ним сидела только одна пассажирка — мадонна из Инсбрука. Она сделала заказ на беглом итальянском языке. Девушка вела себя раскованно, непринужденно и оживленно — совсем не походила на холодную красавицу из Инсбрука. «Как девочка-школьница», — подумалось инспектору.

На протяжении восхитительного обеда, начавшегося с *fettucini*, продолжившегося *fritto misto con fagiolini*³ и закончившегося сливочным сыром *bel paese*, все были больше сосредоточены на еде, чем на разговорах. Но за кофе на путников, приятно сытых, снова снизошло расслабленное настроение; первый шаг сделала красавица, поинтересовавшись у Генри и Эмми на превосходном английском, из Лондона ли они и является ли целью их визита в Италию отдых. Тиббеты ответили на оба вопроса утвердительно.

— Вот и я тоже, — сказала девушка с очаровательной, совершенно счастливой улыбкой. — Видите ли, я итальянка. Но муж — австриец, и приходится жить в Инсбруке.

— Завидую вам, — сказал Генри. — Должно быть, это красивый город.

— Да, — лаконично ответила девушка. Потом с улыбкой продолжала: — А куда именно вы направляетесь. В Рим? В Венецию? Во Флоренцию?

— Вообще-то мы едем кататься на лыжах, — пояснила Эмми.

— О! Я тоже.

— Возможно, мы даже направляемся в одно и то же место, — предположил Тиббет.

— Уверена, что нет, — возразила красавица. — Вы-то наверняка в Кортину. Все англичане и американцы ездят туда.

— Нет, — сказал Генри. — Мы едем в маленькое местечко под названием Санта-Кьяра.

³ Дословно «жареная смесь со стручковой фасолью», готовится из ломтиков курятины, бычьих мозгов или зобных желез, куриной печени, цветной капусты, кончиков аспарагуса (спаржи), почеч артишоков, рисовых или макаронных крокетов.

Отель «Белла Виста».

К его удивлению, улыбка девушки вмиг померкла, по лицу пробежала тень настоящей паники.

— Санта-Кьяра, — повторила она почти шепотом. — Я... я тоже туда еду.

— Чудесно, — быстро подхватила Эмми. — Нам следует представиться: Генри и Эмми Тиббет.

— А я... — Красавица явно колебалась. Потом встряхнулась, как щенок, вышедший из воды, и на ее лице снова расцвела улыбка. — Я — баронесса фон Вюртберг. Но вы должны звать меня Мария Пиа. Когда я в Италии, то забываю, что стала австрийкой. — Она сделала короткую паузу и продолжила: — Мои дети уже в «Белла Висте» с няней. Ганси — восемь лет, а Лотти — шесть. Вы с ними познакомитесь.

— Буду ждать с нетерпением, — откликнулась Эмми, едва удержавшись от уже готового вырваться замечания о том, что баронесса выглядит неправдоподобно молодо для женщины, имеющей восьмилетнего сына.

— Как жаль, — рискнула заметить она, — что ваш муж не сможет побыть с семьей.

И снова паника читалась в огромных карих глазах.

— У него очень много дел. Он позволяет мне... то есть с радостью отпускает меня на родину каждый год, но сам Италию не любит.

«Ничуть не сомневаюсь, что не любит», — подумал Генри, припомнив грубые черты лица под тирольской шляпой. Ему стало жаль баронессу, но он не знал, как дать ей почувствовать свою симпатию, не показавшись дерзким, поэтому быстро оплатил счет и с дружескими заверениями в скорой встрече повел Эмми к выходу из вагона-ресторана. К собственному удивлению, инспектор почувствовал, что прекрасные глаза смотрят ему вслед. У двери он обернулся и встретил спокойный насмешливый взгляд баронессы. Глядя ему прямо в глаза, она едва заметно вздернула подбородок, как будто с вызовом. Генри, немного смущенный, улыбнулся и шагнул в раскачивающийся коридор.

В Кьюзе сделали последнюю пересадку. Огромный экспресс умчался на юг, к Вероне, оставив восьмерых путешественников на маленькой станции, освещенной солнцем. Со всех сторон горизонт был изломан очертаниями Доломитовых Альп с их нежно-розовыми вершинами — плоские и остроконечные скалы, обточенные ветрами и снегами до первозданных форм устрашающей мощи и долговечности, существовавшие с незапамятных времен и пребудущие до времен немислимых.

От величия гор отвлек и вернул путешественников к реальности пронзительный гудок. На другом пути стоял самый очаровательный в мире поезд. К паровозу — крохотному, 1870 года выпуска, с высокой стройной трубой и сияющими медными деталями, — было прицеплено всего два вагона, сделанных из светлого, украшенного резьбой дерева, со смотровыми площадками на обоих концах, огороженными перилами фигурного литья. На готических окнах одного из вагончиков, обозначая его принадлежность к первому классу, висели занавески из вошеного ситца. Сиденья были сделаны из деревянных планок, над ними имелись полки для лыж.

Молодые англичане с восторженными криками с чемоданами бросились к поезду; непосредственно за ними следовали Генри и Эмми. Миссис Бакфаст заметила, что давно пора пустить по этой дороге современные поезда, деревянные сиденья — это просто позор. Баронесса в сопровождении всех носильщиков, имеющих на станции, — следовавших за ней по пятам, — медленно перешла по настилу на другую сторону полотна, на лице ее сияло выражение абсолютного умиротворения. Когда багаж был загружен, поезд издал пронзительный гудок, и последний этап путешествия начался.

По прямой от Кьюзы до Санта-Кьяры — около двадцати миль, но поскольку железнодорожное полотно петляет между гор, реально получается больше тридцати. Тридцать миль мучительного, извилистого пути с разворотами на краю обрывов, задымленными тоннелями — каждый пятый с крутым уклоном — и с самыми захватывающими в мире видами. Почти сразу же они пересекли границу, за которой земля

между соснами была покрыта снегом. Вскоре Кьюза уже виднелась внизу как горстка розовых и бледно-желтых домиков. Долины расстились во всем своем великолепии, дома утрачивали итальянский облик, постепенно становясь все более альпийскими — с деревянными балкончиками и снежными «бровями», свисающими с крутых, далеко выступающих карнизов. Пыхтя и фыркая, паровозик тащил вагоны все выше и выше, к заснеженным полям и розовым пикам. На деревенских остановках женщины в белых фартуках забирались в вагоны с корзинками яиц и чудесных зеленых овощей. Потом появились первые лыжники. Из-за крутого поворота показался тянувшийся вдоль железной дороги сверкающий спуск для начинающих, усеянный крохотными фигурками. Волнение росло как на дрожжах. Поезд взбирался все выше, через три курортные деревушки, пока наконец в поле зрения не всплыл розовый луковичный купол церкви, стоявшей среди маленьких домиков.

— Санта-Кьяра, — объявила баронесса.

Все вытянули шеи и приникли к окнам. Деревня располагалась в конце длинной долины, расположенной на высоте более пяти тысяч футов над уровнем моря. Полукругом ее окаймляли горы, одновременно и защищающие, и грозные. Заброшенная в эту белую высь деревенька казалась очень маленькой и очень храброй.

Вокзала в строгом смысле слова здесь не было. Демонстрируя признаки усталости, поезд лязгнул и медленно остановился посреди заснеженной площади перед церковью: здесь, под небольшим зеленым навесом, носильщики из разных отелей со своими большими грузовыми санями ждали его прибытия, между тем как лыжники, возвращавшиеся в деревню к чаю, свободно переезжали через пути.

Едва баронесса вышла из поезда, на склоне вдруг поднялась небольшая суматоха, и двое миниатюрных лыжников ринулись вниз, пересекли железнодорожный путь и, идеально выполнив разворот на параллельных лыжах, подняв фонтаны снега вокруг себя, остановились как вкопанные возле поезда.

— Мама! Мама! — закричали они, и баронесса, выронив прямо в снег свой белый чемоданчик из свиной кожи, бросилась обнимать детей. Встреча была шумной, нежной и трогательной; не прошло и нескольких минут, как Генри заметил стройную темноволосую девушку в черном, которая подъехала к поезду вслед за детьми спокойно, но чрезвычайно мастерски и теперь стояла в нескольких шагах от них, молча наблюдая за изливанием чувств. Гувернантка была очень бледна, составляя резкий контраст с окружающими ее бронзовыми лицами, и совсем не пользовалась косметикой. Ее можно было бы счесть красивой, подумал инспектор, если бы она предприняла хоть элементарные усилия, чтобы выглядеть таковой; нынешний же ее вид, казалось, преследовал единственную цель — держаться в тени.

Когда с первыми приветствиями было покончено, баронесса, обняв детей за плечи, лучезарно улыбнулась темноволосой девушке и заговорила с ней по-немецки. Потом, обратившись к Эмми, сказала:

— Мы с Гердой и детьми идем пить чай. Носильщик проводит вас в «Белла Висту». Увидимся за ужином.

Она быстро по-итальянски дала указания дюжему носильщику в черной шапочке с вышитым на околыше золотыми нитками логотипом гостиницы «Белла Виста», а потом, смеясь и поддразнивая, стараясь не отставать, побежала вслед за детьми, медленно съезжавшими по склону к деревенской улице. Черноволосая Герда подождала, пока они доберутся едва ли не до низу, а потом с восхитительной плавностью движений поехала вперед и, постепенно набирая скорость, преодолела склон превосходно выполненной змейкой и остановилась как вкопанная; к тому моменту, когда остальные достигли подножья, она уже ждала их, молчаливая и неподвижная, как прежде.

Пока носильщик грузил его багаж на сани, полковник Бакфаст впервые после Инсбрука, насколько помнил Генри, заговорил с ним.

— Взгляните, — и он указал наверх.

Оба подняли головы. За железнодорожной линией горы возвышались во всем своем

великолепии: к тому времени солнце уже ушло из деревни, но еще освещало розовые пики и снежные шапки у самых вершин. Высоко-высоко, там, где лес редел, на линии, разделявшей свет и тень, виднелось одинокое строение, на фоне окружающего пейзажа напоминающее муху, тонущую в молоке.

— «Белла Виста», — сообщил полковник почти благоговейно.

Мужчины помолчали.

— Я и не представляла себе, что отель так высоко, — тихо вымолвила наконец Эмми. — Как мы туда будем добираться?

— Добираться туда, — вступила миссис Бакфаст, — мы будем на дьявольской штуковине, которая называется кресельным подъемником. Каждый год даю себе обещание, что никогда больше не сяду на него, и каждый год Артуру удается уговорить меня снова. От одной мысли об этом меня начинает мутить. Идемте.

Канатная дорога «Монте Качча», как подчеркивается во всех рекламных буклетах, — одна из самых длинных в Европе. Подъем занимает двадцать пять минут, в течение которых кресла, подвешенные к прочному толстому тросу, плавно и безопасно ползут вверх — порой в каких-нибудь двадцати футах от земли, между соснами, которыми поросли крутые склоны, но чаще над узкими ущельями и лощинами, которые извиваются и обрываются вниз на сотни футов. Примерно раз в минуту мощный металлический кронштейн, соединяющий кресло с тросом, издает громкий лязгающий звук, проходя над платформой очередного массивного стального пилона, опирающегося на четыре огромных бетонных куба и оборудованного противопожарной системой и лопатой для снега — на случай чрезвычайной ситуации. Для удобства лыжников маршрут подъемника располагается над трассами скоростного спуска, чтобы пассажиры имели возможность с высоты птичьего полета оценить их сложность. Это один из самых холодных видов путешествия, известный человеку.

Генри был удивлен разнообразием реакций участников компании (в том числе и собственной реакцией), оказавшихся перед необходимостью воспользоваться подъемником, — новичков особенно потрясло то, что кресла вообще не останавливаются, а постоянно движутся по замкнутому кругу вверх, потом вниз, и человек должен успеть запрыгнуть в свое кресло, пока оно проплывает мимо него.

Полковник проделал это мастерски и, воспарив к небу, весело помахал спутникам рукой; миссис Бакфаст заняла свое место умело, но с видом вынужденного смирения и, ворча, приняла яркий красный плед, предложенный служащим. Каро, взглянув на кажущийся бесконечным транспортер, уходящий ввысь, заметно побледнела и призналась, что не предполагала, каково здесь будет на самом деле, и что у нее от высоты кружится голова.

— Не волнуйся, ты очень скоро привыкнешь, — бодро заверил ее Роджер. — Тут совершенно нечего бояться. Я поеду в кресле сразу за тобой. Просто опусти страхующую перекладину, расслабься и наслаждайся видом.

Каро не выказала никаких признаков удовольствия, однако без возражений заняла следующее кресло, опустила перекладину, с некоторым испугом уцепилась за вертикальную металлическую штангу, словно нервный ребенок на карусели, и кресло заскользило вверх. Роджер, прежде чем непринужденно усестись в кресло и, не опуская страхующей перекладины, отправиться вверх, успел перекинуться шуткой со служащим-итальянцем, узнать, что того зовут Карло и что подъемник заканчивает работу в семь часов вечера. Джимми, громко выдав какое-то остроумное замечание насчет игры со смертью, которое навело Генри на мысль, что юноша на самом деле побаивается, тем не менее игриво прыгнул на свое место; горлышко бутылки торчало у него из кармана брюк. Ожидание показалось инспектору вечностью, однако кресла двигались так быстро, что не прошло и минуты с момента отправления полковника, как он — лишь отчасти ободренный улыбкой Эмми — оказался первым в очереди, следя за спускающимся креслом, которому здесь, под навесом, предстояло обогнуть гигантское нижнее колесо транспортера. Секунда-другая — и момент настал, Тиббет ощутил под коленями край сиденья, и подъем начался.

Здесь, наверно, по дороге к «Белла Висте», было очень холодно, и, проплывая над

некоторыми особенно глубокими ущельями, Генри предпочитал смотреть в точку, к которой стремился подъемник, а не вниз на заснеженные скалы. Но была и какая-то магия в этом медленном, ровном, беззвучном парении — беззвучном, если не считать металлического клацания, сопровождавшего прохождение каретки через контакты каждого очередного пилона. Однако нервирующий звук уравнивался мимолетным ощущением безопасности, поскольку, осмотрев платформу пилона, проплывавшую в каких-нибудь восемнадцати дюймах под его болтающимися ногами, Генри заметил металлическую лестницу, которая спускалась от нее на землю, и испытал пылкую надежду на то, что, если подъемник вдруг сломается, то произойдет это в момент прохождения пилона, а не тогда, когда он, инспектор, будет висеть над глубоким ущельем.

Справа, на расстоянии футов десяти, тянулся трос, по которому вереница пустых кресел с исполненной достоинства меланхолией опустевшей карусели следовала вниз, к долине. Изредка кресло на спуске оказывалось занятым — чаще всего какой-нибудь дамой неопределенного возраста в мехах и неспортивной обуви. По наблюдению Тиббета, процесс напоминал езду на эскалаторе в лондонской подземке, когда, поднимаясь, ты на миг оказываешься лицом к лицу с тем, кто едет вниз, прежде чем неумолимый механизм унесет тебя дальше. Впрочем, если обратиться к окружающим видам, сходство исчезало. Вместо кричащей рекламы, которую лондонские транспортные компании размещают для развлечения пассажиров, здесь открывался вид на снежные просторы, горы и облака, на сосновые леса и розовые скалы, на туманные долины и освещенные солнцем пики. Наконец впереди, на открытой снежной площадке, окруженной деревьями, показалась маленькая будка-станция. Низенький худой мужчина с каштаново-коричневым лицом стоял, готовый подать Генри руку; он помог прибывшему неуклюже спрыгнуть с кресла за миг до того как оно, с лязгом обернувшись вокруг маховика, заскользило вниз.

Эмми безмятежно прибыла в следующем кресле, изящно покинула его, подошла к мужу и встала рядом.

— Ну вот мы и на месте, — сказала она. — Разве здесь не замечательно?

Далеко-далеко внизу виднелась Санта-Кьяра, напоминающая игрушечную деревеньку, выстроенную на полу детской комнаты: миниатюрные домики, разбросанные вокруг абрикосово-розовой церкви. Впереди, на склоне, где кончалась трасса подъемника, до следующей горной гряды раскинулось снежное поле, формой напоминающее неглубокое блюдо. А справа, за поворотом окаймленной сугробами тропы, располагалась гостиница «Белла Виста». Остальные гости уже направлялись туда, останавливаясь через каждые несколько ярдов, чтобы привлечь внимание друг друга ко все новым местным красотам. Генри и Эмми последовали за группой не спеша, держась за руки и пребывая в умиротворенном расположении духа.

Глава 3

Одна из обаятельных особенностей горной архитектуры — ее постоянство. Сильно выступающие карнизы крутых двускатных крыш, деревянные балконы и окна со ставнями веками отличали жилища, расположенные в горах выше определенного уровня, — просто потому, что все это функционально обеспечивает наибольший комфорт и безопасность для людей, живущих среди снегов. Вот и «Белла Виста» выглядела точно так же, как любое другое горное шале — с аккуратной мозаикой дров, уложенных в поленницу, прислоненную к одной стене, с балконом-верандой и светлыми деревянными ставнями с вырезанными в них окошками-сердечками.

В холле — со стенами и полами из навощенной сосны цвета меда — мужчина в светло-синем пиджаке, пухленький, как каплун, с редкими тронутыми сединой волосами, тщательно

зачесанными, чтобы скрыть лысину, приветствовал гостей сочным голосом:

— Позвольте представиться... Россати, Альберто... добро пожаловать в «Белла Висту», *meine Herrschaften*⁴... о, рад снова видеть вас, полковник Бакфаст... господин Стейнз... не будете ли вы любезны расписаться в книге регистраций... вот здесь, *bitteschoen*⁵... ваши паспорта, пожалуйста.

Один за другим гости расписывались в книге регистраций, сдавали паспорта и получали ключи. К этому времени привезли багаж, доставленный наверх в одной из двух грузовых гондол, прицепленных к канатному подъемнику. Наконец все были устроены по номерам, и Генри с Эмми оказались одни в своей спальне. Как и во всем здании, стены здесь были светлого дерева, пол — без ковра, но теплый благодаря огромной пышущей жаром батарее под окном. На массивной резной кровати вместо шерстяных одеял лежали два огромных пуховых — белых, пышных, стеганых, толщиной не меньше фута, но легких как перышко. Обстановку довершали вместительный платяной шкаф, простой туалетный столик из ели, умывальник и два стула с прямыми спинками.

Из разговора с горничной по-итальянски удалось выяснить, что ванная комната здесь, конечно, имеется, но ванну можно принять только за 500 лир.

— Это больше пяти шиллингов, — возмутился Генри.

— В горах принять ванну всегда стоит страшно дорого, — непринужденно сообщила Эмми. — Я никогда не рассчитываю больше чем на один раз в неделю. Но в данный момент даже фунт не показался бы мне слишком высокой платой.

Они оба позволили себе роскошь принять ванну, переоделись во все чистое и в четверть восьмого были готовы к встрече с внешним миром и к аперитиву.

Бар представлял собой помещение, тянувшееся вдоль всего здания. Одна его стена полностью состояла из окон, выходящих на веранду. Снаружи было темно — луна еще не взошла, — лишь снег тускло поблескивал под чернильно-черным небом. Обстановка состояла из маленьких столиков, покрытых льняными скатертями в красно-белую клетку, молочно-белых деревянных стульев и длинной хромированной стойки с табуретами, обитыми темно-красной кожей. Кофемашина «Эспрессо» шипела и пытела на стойке, словно котел со змеями. Тиббеты влезли на табуреты, и смуглая улыбчивая девушка подала им кампари с содовой. Кроме них, в баре находился только один посетитель — мужчина, сидевший за столиком в дальнем углу и вертевший в руке бокал с томатным соком.

Едва заметным движением головы указав на незнакомца, Эмми шепнула:

— По-моему, он совсем не похож на лыжника.

Генри полуобернулся и увидел маленького человека лет за пятьдесят; все в нем было округлым — от толстых небольших пальцев, ласкавших ножку бокала, до коротких пухлых ступней, форму которых не могли скрыть замшевые туфли с острыми мысами. Лицо у мужчины было розовым, круглым и доброжелательным, за толстыми линзами очков моргали маленькие глазки.

Несколько минут спустя в бар вошел синьор Россати, хозяин. Быстрым шагом он направился к человеку, сидевшему в углу, и тихо заговорил с ним по-немецки. Мужчина приветливо кивнул, опорожнил бокал, и, продолжая оживленно беседовать, оба вышли из бара. Они пересекли холл, и Генри услышал, как щелкнул замок закрывшейся за ними двери служебного кабинета Россати. Голоса смолкли.

— Кажется, наш хозяин двуязычен, — заметила Эмми.

— В этих краях почти все двуязычны, — ответил Генри. — Мы ведь отъехали всего ничего от австрийской границы, и эта провинция до тысяча девятьсот девятнадцатого года была частью Австрии. Сейчас официальный язык здесь итальянский, но для значительной части населения немецкий остается гораздо более привычным — особенно в небольших

⁴ Господа (нем.)

⁵ Здесь: прошу (нем.)

селениях.

— Интересно, вызывает ли это недовольство у местных жителей — то, что их произвольно передали Италии?

— Официально — нет. Неофициально — да, разумеется. Но это не принято демонстрировать. Ничто не должно отрицательно влиять на приток туристов. — Генри повернулся к барменше. — Вы говорите по-английски — *parla Inglese?* — спросил он.

Та фыркнула, покачала головой и сказала — нет.

— *Tedeschi?*⁶

Ее лицо осветилось.

— *Ja, ja.*

Хлынул быстрый поток немецкой речи, но Генри лишь улыбался и отрицательно качал головой. Затем объяснил жене:

— Видишь? Я сделал вид, что не понимаю. Не хочу, чтобы наши английские друзья знали, что я говорю по-немецки и по-итальянски. Но ты слышала, что она сказала?

— Для меня она говорит слишком быстро, — призналась Эмми. — Ты же знаешь, мой немецкий не настолько хорош. Самое большее, что о нем можно сказать, так это то, что он лучше итальянского.

— Она сказала, что немецкий — ее родной язык, и она была бы счастлива общаться с нами на нем, если мы не знаем итальянского. Это было бы для нее большим облегчением, — перевел Генри.

Внезапно холл за дверью бара наполнился итальянской речью и бодрым топотом ботинок.

— Лыжи... лифт... финиш, — с трудом подбирая английские слова, объяснила барменша.

В открытую дверь инспектор увидел баронессу, вслед за Гердой и детьми поднимавшуюся по лестнице. Мужской голос произнес: «Мария Пиа...» — и она остановилась, отстав от шедших впереди. Смуглый молодой итальянец в чрезвычайно элегантных темно-синих брюках появился в поле зрения Генри. Стоя у подножья лестницы, он положил ладонь на руку баронессы, удерживая ее, и заговорил настойчиво, но тихо. Та мягко освободила руку и покачала головой, но он снова поймал ее запястье и потянул баронессу вниз, к себе. В этот момент за поворотом лестницы возникла Герда с бесстрастным выражением лица. Молодой человек резко отпустил руку Марии Пиа, сделал какое-то шуточное замечание и взбежал по лестнице мимо обеих женщин, перескакивая через две ступеньки. Герда что-то сказала баронессе, и они пошли дальше вместе. Тем временем Тиббет с любопытством заметил, что в холл вместе вошли полковник Бакфаст и Роджер Стейнз, в полном лыжном снаряжении, с налипшим на ботинки снегом.

— *Signori Inglese!*⁷ очень много *лыжи* ... уже сегодня, — стараясь изо всех сил, сказала барменша. — Пол-ков-ник Бак-фаст, он... *лыжи molto!*⁸ вы не кататься?

— Пока нет, — ответил Генри.

— На третьей трассе ужасное скольжение, ледяной наст, — говорил полковник. — Вы очень благоразумно выбрали первую.

— Первое, что я сделаю утром — это отправлюсь именно по третьей, — возразил Роджер. — Просто я подумал, вечером там освещение будет обманчивым.

— Очень разумно, — повторил полковник. — Не зная броду, не суйся в воду, — наставительно произнес он и, понизив голос, добавил: — Этот тип, Фриц Хозер, снова здесь. Помните? Я видел его в конторе у Россати, когда выходил. Не нравится мне этот парень.

— Хозер? Ах да, тот немец, коротышка... был здесь в прошлом году. В толк не возьму,

⁶ Здесь: а по-немецки? (*ит.*)

⁷ Господа англичане (*ит.*)

⁸ Здесь: много (*ит.*)

зачем он приезжает, если не лыжник...

И они направились вверх по лестнице.

Ужин начался довольно приятно. Баронесса в умопомрачительных черных бархатных брюках и белой шелковой блузке сидела одна, но оживленно и громко переговаривалась со смуглым молодым итальянцем, тоже сидевшим за отдельным столиком. Герда, вероятно, ужинала наверху с детьми. Бакфасты (миссис Бакфаст облачилась в сиреневый креп) устроили целое представление из усаживания за «свой обычный» стол, который ничем не отличался от остальных, но якобы подчеркивал их превосходство. Генри и Эмми, следуя настойчивому приглашению Джимми, присоединились к троице молодых англичан за большим столом в центре зала. За другим центральным столом сидела явно немецкая семья: уютная пухлая блондинка лет за сорок, мужчина с землистым лицом, прямой спиной и глубоким шрамом на щеке и пышущая здоровьем девушка, предположительно их дочь, без малейших признаков косметики, с прической, которая совершенно не шла ей, — косами, закрученными на манер наушников. Девушка молчала. В углу в одиночестве ужинал Фриц Хозер, он ел быстро и сосредоточенно.

Роджер был переполнен впечатлениями после первой в нынешнем сезоне вылазки.

— Снег еще трудный, — тоном знатока заявил он. — И его пока недостаточно, к сожалению, — в прошлом году в это время было куда лучше. Тем не менее — ничего сложного, если вы знаете, как вести себя на такой трассе.

— Я, например, уж точно не знаю, — откликнулся Генри, — поэтому для начала собираюсь завтра же утром записаться на инструктаж.

Джимми и Каро поддержали его.

— Я пойду с вами, — пророкотал от своего стола полковник Бакфаст, который не мог позволить Роджеру перетянуть одеяло на себя. — Разумеется, лишь для того, чтобы вас представить. Я знаком со всеми. Чудесные ребята. Хорошо бы вам попасть к Джулио — это лучший здешний инструктор. Его брат Пьетро послабее будет. Оба — сыновья старика Марио, того, что управляет подъемником на верхней станции. Он сам когда-то был первоклассным инструктором, пока не доездили.

С умиротворенно любезным видом полковник откинулся на спинку стула, довольный тем, что продемонстрировал свою осведомленность в местных делах.

Прежде чем кто-нибудь успел вымолвить хоть слово, Мария Пиа тихо произнесла:

— Джулио погиб.

— Что?! — Роджер со стуком уронил ложку в тарелку с супом и, резко развернувшись, посмотрел на баронессу. Затем, почувствовав, что его собственные приятели с удивлением уставились на него, пробормотал: — Просто я довольно хорошо знал его. Джулио учил меня кататься, когда я приезжал сюда в прошлом году.

— Ну и ну... Мне чертовски жаль, — сказал полковник, лицо которого приобрело цвет красной смородины. Он выглядел искренне огорченным, однако Генри не мог бы сказать с уверенностью, по какой именно причине: то ли из-за смерти Джулио, то ли потому, что кто-то узнал о ней раньше, чем он.

— Как это случилось? — спросил полковник. — Он ведь был совсем еще юношей.

— Несчастный случай во время спуска на лыжах, так мне сказали в деревне, — ответила баронесса и после паузы добавила: — На прошлой неделе.

— Он был очень... безрассудным молодым человеком, — присоединился к разговору смуглый итальянец, тщательно произнося слова, отчасти потому, что говорил с глубокой искренностью, отчасти — из-за того, что затруднялся говорить по-английски. — Это неудивительно. Если бы не лыжи, то что-нибудь другое... Он и на автомобиле гонял как бешеный... никаких тормозов... он был обречен погибнуть.

— Джулио должен был участвовать в имменфельдской гонке. Имменфельд здесь рядом, сразу по ту сторону австрийской границы, — продолжила баронесса. — Там очень опасная трасса, и гонка наверняка была запрещена из-за состояния снежного покрова. Но именно потому, что это не было дозволено, Джулио не мог не попробовать. Таким он был.

Его нашли на дне расселины. Одна лыжа осталась у него на ноге. Другую, как и палки, вообще не нашли.

Повисла неловкая пауза.

— Бедный старик Марио, — произнес наконец полковник, вытирая усы салфеткой.

Послышался стук дерева о дерево: это Фриц Хозер приподнялся и переставил стул поближе к столу. Только он и немецкое семейство казались совершенно не взволнованными этим разговором. «Может быть, они не понимают по-английски», — подумала Эмми.

Закончив ужинать, Хозер подошел к столу, за которым сидели немцы, что-то тихо сказал девушке и через весь зал направился к выходу. У двери он задержался, словно принял какое-то решение. Потом развернулся и, обращаясь ко всему залу, заявил на хорошем английском:

— Этот идиот Джулио мертв. И это его собственная вина. Он не подчинился установленному порядку. Пусть это послужит предостережением для других лыжников.

И, коротко отвесив забавный кивок, вышел.

— Злобный коротышка, — сказала Каро.

— Тем не менее то, что он сказал, справедливо, — ответила баронесса. — Если человек ведет себя разумно, опасаться нечего. Только глупость приводит к беде.

— Именно так я всегда и говорю, — произнесла миссис Бакфаст неожиданно и очень твердо. — Всегда требуется соблюдать осторожность.

Генри вдруг охватило необычное ощущение всеобщей напряженности, будто каждая произнесенная фраза таила некий скрытый подтекст, и все говорившие посылали какой-то намек — кому? Всем? Кому-то одному? Он огляделся. Каро, уставившись в тарелку, выглядела так, словно ей было неуютно. Роджер отодвинул еду и, похоже, был искренне расстроен. Полковник, опустив подбородок на грудь, о чем-то размышлял. Но так же быстро, как пришло, тревожное ощущение рассеялось и показалось нелепым. Баронесса заметила, что это большая трагедия, но такое случается, так что событие не должно омрачить им отдых, и добавила: поскольку лед теперь сломан, она хотела бы представить всем Франко ди Санти (смуглого итальянца) — скульптора из Рима, с которым познакомилась здесь в свой предыдущий приезд.

— Так что мы давние друзья, — сообщила она с ослепительной улыбкой.

Это вернуло разговор в нормальное русло, и когда все заверили, что счастливы познакомиться с Франко, Роджер спросил полковника, собирается ли он опробовать Галли — трассу, которая, как он объяснил остальным, является самым прямым, но также и самым крутым спуском к деревне. Полковник раздраженно ответил, что навел справки на этот счет, и оказалось: эта трасса закрыта до дальнейших распоряжений из-за чрезвычайно опасного состояния снежного покрова. Побоявшись, что это известие вернет разговор к гибели Джулио, Эмми поспешила спросить Роджера, как гости «Белла Висты», находясь в полной изоляции, обычно проводят вечера. Роджер просиял и ответил, что в баре имеется чертовски хорошая радиолка и почему бы им всем не пойти туда потанцевать?

— Как насчет этой бедной немочки? — спросил Джимми вполголоса, указывая на стол, где сидело немецкое семейство. — Давайте пригласим ее с нами.

— Да, давайте, — подхватила Каро драматическим шепотом. — Бедняжка, похоже, запугана так, что и говорить не решается.

Генри понадеялся, что немецкое семейство не понимает по-английски: разумеется, по их виду невозможно было догадаться, понимают ли они, что речь идет о них, потому что те продолжали флегматично есть сыр и поглощать корнишоны.

— Роджер, старик, спроси ты, — сказал Джимми. — Ты ведь мастер зубы заговаривать.

— Да, Роджер, дорогой, давай, — подхватила Каро.

С некоторой неохотой тот встал и направился к соседнему столу. Каро и Джимми видели, что молодой человек, излагая приглашение, мобилизовал все свое незаурядное обаяние, однако получил решительный отказ. Не успела девушка и рта раскрыть, как ее отец коротко проскрежетал что-то, и все трое, поднявшись из-за стола, чеканным шагом покинули

столовую. Роджер вернулся к своей компании удрученный и сердитый.

— Очень мило, ничего не скажешь, — заметил он, плюхаясь на стул.

— Что этот старый боров тебе сказал? — озабоченно спросила Каро.

— Пробубнил, что об этом не может быть и речи, и потащил несчастную девочку прочь, не дав ей и слова сказать, — ответил Стейнз.

— Дева в беде... прелестно. — Джимми был чрезвычайно доволен собой, и его заговорщицкая улыбка оказалась заразительна. — Мы должны вырвать ее из когтей дракона. Кто знает, где ее комната?

Каро охотно сообщила, что видела, как девушка выходила из номера напротив ее собственного на верхнем этаже.

— Моя комната находится в глубине дома, значит, ее должна располагаться над входной дверью.

— Отлично, — сказал Джимми. — Подождем, пока они улягутся, а потом мы с Роджером заберемся к ней на балкон и споем серенаду...

— Не говорите глупостей, вас все услышат, — возразила мисс Уиттакер.

— Мы будем петь очень тихо, — не без сарказма пообещал Джимми.

— И тогда она уложит под одеяло валик, а сама тайком спустится по лестнице...

Продолжая с упоением развивать этот сюжет, все направились в бар.

— ...а если старый мерзавец явится и устроит сцену, — продолжал молодой Пассденделл, — обещаю, что я...

И осекся на полуслове. Из бара доносилась мелодия сентиментальной неаполитанской песни о любви, которую исполнял роскошный тенор под аккомпанемент гитар; и в проеме двери они увидели «деву в беде», степенно вальсирующую с Фрицем Хозером, между тем как ее родители, сидя за столиком, потягивали кофе с итальянским бренди.

Эмми расхохоталась.

— Вот вам и «дева в беде», — сказала она.

На беднягу Джимми обрушился град добродушных подтруниваний, которые тот воспринял с обычной невозмутимостью. Вскоре танцевали все. Баронесса, потанцевав один раз с Роджером и несколько раз с Франко, объявила, что очень устала и хочет завтра пораньше встать, чтобы кататься на лыжах, после чего ушла; Генри и Эмми тоже решили, что пора спать, и Франко с ними согласился. Когда ушли и они, Роджер и Каро исполнили для Джимми ча-ча-ча; полковник Бакфаст между тем заказал еще бокал бренди — скорее всего, последний на сегодняшний день, а миссис Бакфаст пожаловалась, что итальянцы никогда не научатся варить хороший английский кофе.

Лежа в постели и протянув руку, чтобы выключить свет, Эмми заметила:

— Бедный Джимми. В роли сэра Галахада ему сегодня не повезло.

— Да. — Голос Генри был уже совсем сонным. — Хотя кто знает... возможно, ему еще раз доведется выступить в этой роли...

Эмми приподнялась на локте.

— Ты имеешь в виду, что ей не очень понравилось танцевать с Хозером?

— А тебе бы понравилось?

— Не знаю. Он кажется весьма разумным парнем, хоть и коротышка. Дорогой...

— М-м-м? — Генри уже спал.

— Дорогой, ты думаешь, что баронесса приехала сюда для тайной встречи с Франко ди Санти? Он потрясающе привлекателен и, я уверена, влюблен в нее...

— Ох, спи уже, — пробормотал Тиббет, уткнувшись в подушку.

В наступившей тишине снизу доносился слабый звук радиолы, ритмичный и назойливый. Последней мыслью Эмми перед сном была мысль о незнакомом молодом человеке по имени Джулио, одиноко лежащем на дне ледяного ущелья с лыжей, все еще пристегнутой к ноге.

Глава 4

На следующее утро полковник Бакфаст доказал, что держит слово, и отправился сопровождать новичков в лыжную школу.

— Школа в Санта-Кьяре, — объяснил он, — но поскольку вы забронировали места и все организовали заранее, попробую уговорить их каждый день присылать вам инструктора сюда, наверх. Сегодня вам лучше спуститься по канатной дороге, а я буду ждать вас внизу.

Роджер заявил, что намерен опробовать новый лыжный подъемник, который только в этом сезоне установили в другой долине, на противоположном от деревни склоне.

— Ах да, трассы для начинающих, — заметил полковник. — Очень благоразумно с вашей стороны изменить планы и отказаться от маршрута номер три.

Молодой человек одарил собеседника свирепым взглядом, но сказал лишь: «Увидимся за ленчем». Миссис Бакфаст устроилась на солнечной стороне веранды, ее плетеное кресло стояло в одном ряду с креслами немецкой четы и Фрица Хозера, который явился в темных очках с окулярами размером не меньше блюдца и щегольских ботинках из леопардовой шкуры.

Полковник прикрепил лыжи и, прокричав: «Боже мой, какое чудесное утро! Встречаемся внизу!», помчался по спуску, в начале которого стоял столб со стрелкой и крупной цифрой «1». Остальные гурьбой затопали по тропинке к подъемнику.

Лыжники уже поднимались наверх. Не все кресла подъемника были заняты, но людей прибывало достаточно, чтобы Марио не зевал. Наблюдая за маленьким добродушным человечком, сновавшим между лыжниками, Генри удивился, что накануне не заметил его явной хромоты, предположительно и являвшейся результатом того, о чем полковник сказал: «Доездили». Марио очевидно был личностью популярной. Все прибывающие по канатной дороге лыжники знали его, и он почти каждого приветствовал по имени, в самой веселой манере сетуя на прискорбный недостаток снега. Если он и страдал из-за своего увечья, то ничем этого не показывал, и Тиббет понимал, что как человек, всю жизнь проведенный на лыжах, старик научился воспринимать сопровождающий это занятие риск с философским фатализмом, а также усвоил код поведения, принятый в тех местах, процветание которых зависит от туризма: никогда не демонстрировать на публике личные неприятности — шоу должно продолжаться.

Генри ожидал, что спуск будет еще более головокружительным испытанием, чем подъем, но ошибся. На самом деле маленькое путешествие оказалось восхитительным: эдакое олимпийское ощущение бесшумного скольжения меж вершин деревьев вниз, к деревушке — должно быть, именно так Аполлон или Меркурий спускались на землю, чтобы вмешаться в мелкие дела смертных. К тому же сейчас, когда солнце припекало, было гораздо теплее. Навстречу им кресла подъемника одно за другим плыли вверх — теперь пустых мест не было, — и инспектор заметил, что все сидевшие в них отстегивали лыжи и клали их на колени поперек кресла вместо страхующей перекладины.

Внизу Карло помог им сойти на землю и принял плату за проезд, а за турникетом, взвалив лыжи на плечо, сияя и с восторгом вдыхая чистый горный воздух, уже ждал полковник.

— Ну, вперед! — бодро протрубил он. — Все на месте? Все в порядке? Отлично. Первая остановка — лыжная база.

Бакфаст оказался человеком чрезвычайно знающим и полезным. Прежде всего он препроводил компанию англичан в маленькую темную мастерскую, где пахло горячим воском и сосновым деревом, там всем подобрали лыжи и палки, а для Тиббетов также и ботинки.

После этого все направились к маленькому выкрашенному голубой краской строению, располагавшемуся на деревенской улице, где проверили их предварительную запись в

лыжную школу и приняли плату за услуги инструктора на неделю вперед. Эмми, с ее большим опытом, определили во второй класс (она скромно отказалась от более высокой ступени, пока немного не попрактикуется, чем заслужила одобрительный кивок человека за стойкой регистрации). Это означало, что ей придется каждое утро спускаться на занятия в деревню либо на лыжах, либо на подъемнике. Что касается новичков, то, поскольку в отеле их оказалось сразу четверо (включая, как выяснилось, немецкую девушку, которую здесь, в лыжной школе, все почему-то называли «бедная фройляйн Книпфер») и сезон еще только начинался, а потому царило затишье, сошлись на том, что при отеле для них формируется отдельный класс и инструктор будет сам приезжать к ним каждое утро. Полковник — на чудовищном итальянском — убедительно попросил, чтобы этим инструктором был Пьетро Веспи, второй сын старика Марио. Поскольку тот оказался одним из немногих инструкторов, хоть чуточку говоривших по-английски, эту просьбу также удовлетворили.

— Пьетро будет ждать вас на первый урок в половине третьего, — сказал администратор, вручая им карточки учащихся лыжной школы.

Когда все формальности были благополучно завершены, полковник отправился обратно к подъемнику, чтобы до ленча совершить еще несколько спусков, а остальные решили ознакомиться с деревней и пройти по магазинам.

— Предупреждаю: английских сигарет вы здесь не найдете! — крикнул им Бакфаст из очереди на подъемник. — А единственный магазин, торгующий американскими, — это *Generi Misti*⁹, напротив отеля «Стелла». В нем заправляет Роза Веспи... жена Марио... очень приятная женщина... скажите, что это я вас прислал. — И полковник исчез за турникетом.

Санта-Кьяра мало чем отличается от любого другого альпийского курорта. Деревенская улица тянется от массивного белого основания отеля «Стелла» на одном конце до кажущейся невесомой в силу своей архитектуры церкви абрикосового цвета — на другом. Продуктовые и винные магазины, хозяйственный и магазин бытовой химии — маленькие и темные, поскольку предназначены для местных жителей. В противоположность им витрины двух роскошных современных спортивных торговых центров демонстрируют соблазнительную роскошь: в них выставлены красивые свитера, шелковые шарфы и анораки, итальянские модели которых исключительно хороши; обрамляют это восхитительное изобилие ряды сияющих разноцветных лыж и лыжных палок. Во всех магазинах, независимо от того, чем они торгуют, имеются стеллажи с красочными открытками — глянцевыми, имитирующими старинные фотографии, по двадцать лир за штуку или (неестественно-яркие цветные) — по тридцать.

Компания англичан с восторгом бродила по главной улице, глаза на витрины и покупая открытки. Вскоре они обнаружили, что в это время дня — была половина двенадцатого — вся жизнь деревни сосредоточивалась в барах и кафе. Их было бесчисленное множество. Оформление по последней моде — в лиловых и оранжевых тонах — и миланская мебель черного дерева отличали фешенебельный бар «Олимпия»; красный плюш и свечи в птичьих клетках источали дух старой Вены в баре «У Альфредо»; потрепанная обстановка в стиле «арт нуво» с мебелью из хромированных труб помещала кафе «Палома» в нижний разряд иерархии; между тем как не только выскобленные деревянные столы и стулья, но и само название бара — «Шмидт» — делали его практически недоступным для посторонних посетителей. Здесь местные накачивались своим пивом и вермутом и откровенно высказывали то, что думали о приезжих. Лишь когда какому-нибудь гостю удавалось установить по-настоящему доверительные отношения с деревенскими жителями, его иногда приглашали в *sanctum sanctorum*¹⁰, которая являлась истинным сердцем Санта-Кьяры и откуда исходили все сплетни. В конце концов английские туристы устроились выпить кофе в «Олимпии».

⁹ Букв.: разные товары (*ит.*)

¹⁰ Святая святых (*лат.*)

— Наверняка тут баснословно дорого, — сокрушался Джимми.

Так и оказалось. Зато там было очаровательно, и кофе — выше всяких похвал.

Как все члены небольшой группы поняли по одиночеству, в котором оказались на вокзале в Инсбруке, англичане и американцы еще не открыли для себя Италию как страну зимних видов спорта. «Олимпия» была полна нарядных итальянок и француженок, которые предпочли провести утро в праздной болтовне друг с другом, пока их мужья катались на лыжах; кое-где можно было заметить более скромных на вид немцев и австрийцев. Многие при звуках английской речи повернули головы — появился свежий повод почесать языками.

За соседним столиком сидели две молоденькие итальянки, загадочно-прелестные, явно богатые и избалованные. Наслаждаясь кофе, Эмми уловила в потоке итальянской речи у себя за спиной имя баронессы фон Вюртбург. Она толкнула мужа ногой под столом и почти незаметно кивнула назад. Когда девушки ушли, миссис Тиббет сказала, что ей нужно купить сигарет, и Генри пошел с женой в магазин Розы Веспи, пока остальные позволили себе выпить еще по чашке кофе.

На улице Эмми схватила мужа за руку.

— Ну давай, колись. Что они говорили? Я умираю от любопытства.

— Я всегда считал, что ты не интересуешься сплетнями, — укоризненно заметил Генри.

— Не занудствуй. Рассказывай.

Тиббет ухмыльнулся.

— Ладно. Ты не единственная, кто не считает Марию Пиа пай-девочкой, — сказал он. — Из их разговора можно было понять, что они хорошо знали ее в Риме, до замужества. И Франко ди Санти они тоже знали. Скорее всего, у него — ни гроша, и они думают, что баронесса ходит по краю пропасти: судя по всему, с ее мужем шутки плохи.

— Я это сразу поняла. Стоило только взглянуть на него... — Эмми едва заметно передернула плечами. — Бедная Мария Пиа.

— Интересно, почему она вышла за него, если так ненавидит? — задумчиво произнес Генри.

— Может, на самом деле она его и не ненавидит...

— Нет, ненавидит! Ты видела ее лицо там, в Инсбруке?

— Да, но...

— Мы пришли, — сообщил Генри.

Они остановились перед маленьким тесным магазином, над которым красовалась вывеска «Разные товары». Товары действительно были очень разными. Огромные упаковки спагетти и макарон всех форм и цветов теснились рядом с гирляндами детских туфель, связанных наподобие луковых плетенки; красочные открытки (куда без них) делили прилавки с миндалем в сахаре и сыром; пармская ветчина источала соблазнительный аромат рядом с наваленными кучей солнцезащитными очками; изящные бутылки кьянти свисали на крюках вперемешку с салями, мортаделлой и ботинками-снегоступами. В магазине стоял густой смешанный запах чеснока, пыли, сыра и лакричных конфет. И нигде ни малейшего признака сигарет.

Коренастая женщина за прилавком, в белоснежном, без единого пятнышка фартуке, взвешивала мясистые черные оливки на медных, начищенных до блеска весах. Ее волевое загорелое лицо было изрезано смешливыми морщинками, и она безостановочно болтала с покупателем — маленьким мальчиком в рваной полотняной кепке.

— *Eccoli!*¹¹ — Роза Веспи бросила еще пару оливок на и без того уже полную чашу весов и ловко скрутила бумажный кулек, из которого начал вытекать черный сок, как только мальчик сжал его своими маленькими пальчиками.

— Синьора Веспи? — сказал Генри.

¹¹ Здесь: ну вот (*um.*)

— *Si, Signore* .

— *Non parlo Italiano*¹², — решительно вставила Эмми.

— *Ah, Inglese?*¹³ — просияла хозяйка магазина. — *Sigarette Americano, no?*¹⁴

— Да, пожалуйста, — ответил Генри.

Волна черных нижних юбок колыхнулась над прилавком, когда Роза Веспи, нырнув своим крупным торсом под него, стала шарить в темных недрах. Раскрасневшаяся, с победным видом, она возникла вновь, словно Афродита из пены морской, с четырьмя пачками «Кэмела».

Генри протянул пятитысячную банкноту, которую недавно поменял в отеле. Роза закудала над ней и стала рыться в обшарпанном выдвижном ящике, служившем кассой, словно курица, раскапывающая червяка в пыли. В конце концов, не сумев наскрести достаточно бумажек и блестящих медных монет, она бодро улыбнулась покупателям, несколько раз повторила: «*Momento, signore*» и скрылась за дверью позади прилавка, которая вела в семейное жилое помещение.

Через открытую дверь Тиббету была хорошо видна гостиная — небольшая комната, загроможденная обшарпанной тяжеловесной мебелью красного дерева с набивкой из конского волоса и щедро украшенная пластмассовыми статуэтками шести или семи разных святых. Его внимание, однако, привлекли два других предмета. Первым была новенькая и явно дорогая радиолка, неуместно засунутая под замусоленную оконную занавеску. Вторым — что-то вроде алтаря, искусно сооруженного из черного крепа и черных лавровых листьев и занимающего центральное место на каминной полке; по обоим краям мерцали две маленькие свечки, а посередине стояла черно-белая чуть выцветшая фотография исключительно красивого молодого человека с иссиня-черными волосами, дерзко взиравшего изнутри петли четок, висевших поверх портрета. Этим молодым человеком мог быть только Джулио, трагически погибший инструктор по горным лыжам, сын Розы. Генри невольно задумался: является ли эта демонстрация скорби — столь же не вяжущаяся с очевидно бодрым настроением синьоры Веспи, — не более чем благочестивой декорацией, просто символом родительского горя, или она выражает истинную, глубоко скрытую душевную боль, которую семья не может позволить себе выставить на публичное обозрение.

Минуты через две Роза вернулась со сдачей и тщательно закрыла за собой дверь. Генри и Эмми поблагодарили, пообещали вскоре навестить снова и вышли из магазинного полумрака на солнечную, ослепительно сияющую деревенскую улицу.

Джимми ожидал их перед входом в «Олимпию». Каро, как он им сообщил, в конце концов не устояла перед соблазном итальянских свитеров и исчезла со своими дорожными чеками в недрах одного из роскошных спортивных магазинов.

— А это означает, друзья, — сказал молодой человек с мрачной серьезностью, — что у чертовой девчонки отныне и до конца пребывания не будет ни гроша, и догадайтесь, кому придется платить за все ее проклятые штучки.

С этими словами он зашагал на поиски заблудшей Каро в надежде остановить шопинг; синяя вязаная шапочка нелепо подпрыгивала над его тощей фигурой.

Когда они шли от подножья холма к подъемнику, Эмми сказала:

— Удивительно, что Джимми тревожится о деньгах, — он должен быть богат.

— Ему разрешается обменять денег не больше, чем любому из нас, — напомнил ей Генри.

— Я знаю, но...

— Эй, вы там! — закричал кто-то сверху. Тиббеты подняли головы и посмотрели туда,

¹² Я не говорю по-итальянски (*ит.*)

¹³ А, вы англичане (*ит.*)

¹⁴ Американские сигареты, да? (*ит.*)

где лыжня выныривала из леса, чтобы пересечь последнее снежное поле перед подъемником. Человек энергично махал лыжной палкой, и они узнали мистера Бакфаста — узнали лишь благодаря одежде, потому что не было практически ничего общего между грузным нескладным полковником, с которым они недавно познакомились, и этой легкой фигурой, стремительно мчавшейся им навстречу с изяществом стрижа в полете. Это был совершенно неожиданный Бакфаст — полковник, который не просто напоминал, а действительно превратился в птицу. Наблюдая за ним, Тиббеты понимали причину его лыжного фанатизма. Каждый год на несколько коротких недель полковник попадал в свою стихию: освобождался от повседневной рутины, от жены, окружения, собственных ограничивающих жизненных правил...

Грациозная фигура, взметнув гигантский снежный веер, сделала вираж, остановилась возле них и сразу стала узнаваемой: сверхэнергичный, дородный, оперирующий штампами мужчина средних лет. Страхивая снег с лыж, он тут же принялся отпускать прискорбно предсказуемые шутки.

Все вместе они отправились к подъемнику, чтобы не опоздать на ленч.

Роджер, похоже, с утреннего катания вернулся рано, потому что, войдя в холл, компания увидела его сидящим в баре и болтающим с Фрицем Хозером, единственным, кроме него, посетителем. Когда остальные разбрелись по своим комнатам, Генри заметил, что Каро подошла к открытой двери бара и остановилась как будто в нерешительности — войти или не стоит.

К тому времени, когда все спустились в бар, Хозер исчез. Каро и Роджер сидели у стойки и пили чинзано, а Книпферы устроились в углу с большими бокалами пива. Ни Мария Пиа, ни Франко видно не было — они уехали рано утром, прихватив сухой паек, — но дети затеяли какую-то шумную и сложную игру посреди комнаты отдыха. Фройляйн Герда сидела тут же, невозмутимо читая книгу и лишь через определенные промежутки времени отрывая от нее взгляд, чтобы сказать: «Ганси... Лотти...» — бесстрастно, но так непререкаемо, что по крайней мере на полминуты после этого наступала тишина.

Во время ленча полковник предложил Роджеру покататься вместе: судя по всему, в нынешнем приступе дружелюбия ему хотелось загладить вину за свои язвительные замечания по поводу третьего, сложного маршрута. Молодой человек согласился, и они вдвоем отправились в лыжный сарай, обсуждая преимущества всевозможных лыжных мазей для нынешних условий. Когда они вернулись, Генри отметил, что у обоих в карманах — маленькие коробочки с воском разных цветов и, прежде чем отправиться на трассу, оба долго и усердно натирали скользящие поверхности своих лыж.

Миссис Бакфаст объявила, что положительно не собирается еще три часа провести в обществе Книпферов.

— Они ничего не делают, — шепотом поведала она Тиббету. — Только едят. Отвратительно. Мистер Хозер довольно приятный человек, но ему пришлось отправиться в Кьюзу по делам. Так что я полежу немного, а потом на подъемнике спущусь в деревню выпить чаю.

Эмми отправилась на канатной дороге в Санта-Кьяру на занятия своей группы, а Генри, Джимми, Каро и фройляйн Книпфер остались на террасе; их лыжи стояли рядом у стены в ожидании прибытия Пьетро и начала первого урока. Точно в половине третьего они увидели инструктора в великолепном красном анораке, вышедшего из-за поворота тропы, ведущей от подъемника.

Для инструкторов по горнолыжному спорту это традиция — быть красавцами. Но Пьетро был выдающимся красавцем даже среди инструкторов: высок ростом и строен, с идеальными классическими чертами лица, с загорелой кожей цвета ореха, с глазами темно-синими, как сапфиры; когда он улыбался — а улыбался он часто, — белоснежные зубы сверкали. Генри сразу отметил его фамильное сходство с несчастным Джулио, но если у последнего волосы были черными, то у Пьетро — светлыми, как у боттичеллиевского

ангела. Сейчас, на солнце, они блестели и отливали золотом.

— Добрый день, — заговорило это видение на недурном, кстати, английском. — Я — Пьетро, ваш инструктор. Не откажите в любезности дать мне свои карточки, чтобы я мог выучить ваши имена.

Так начался первый урок. Для начала Пьетро заставил их трудолюбиво подниматься на небольшую возвышенность лесенкой, горизонтально впечатывая одну лыжу все выше и выше и приставляя к ней другую, пока у всех не заболели икроножные мышцы. Потом он показал, как сохранять равновесие на лыжах, как сгибать колени и бросать вес тела вперед. А после этого предложил, следуя за ним, спуститься по невысокому пологому склону. Один за другим новички трогались, набирали скорость, яростно молотили палками по воздуху и... садились на снег — все, кроме Джимми, который сохранил вертикальное положение не столько благодаря естественным способностям, сколько благодаря исключительной врожденной осторожности, не позволявшей ему разогнаться сверх меры. Этим он отличался от Каро, которая бросилась вперед безоглядно и секунды три на большой скорости держала хорошую стойку, прежде чем отважно рухнуть головой вперед. Фройляйн Книпфер, которая к тому времени уже целую неделю брала уроки катания, представляла собой комок нервов и ненавидела каждую минуту этого занятия.

— Смелее, фройляйн! Быстрее! Быстрее! — подбадривал ее Пьетро по-немецки. Бедняжка всаживала палки в снег в отчаянной попытке оттолкнуться и увеличить скорость, но тут же падала. Генри начинал сочувствовать Пьетро, чье терпение, казалось, было на исходе. Никто из его учеников не демонстрировал никаких успехов, но, в конце концов, это ведь первое занятие, подумал Тиббет. Ему уже сейчас было ясно, что к завтрашнему дню они обойдут фройляйн просто потому, что бедняжка панически боялась даже попробовать научиться.

Еще после нескольких попыток стало очевидно, что Каро с ее бесшабашной удалью станет звездой их класса.

— Bravo, мисс Каро! — крикнул Пьетро, когда девушка на гораздо большей скорости, чем остальные, преодолела спуск и, попытавшись сделать разворот вниз, кувыркнулась в снег.

— Немного терпения, мисс Каро. Этому мы будем учиться завтра.

Пьетро явно был в восторге.

Джимми оставался воплощением осторожности.

— Вам нужно добавить немного смелости, мистер Джимми, — посоветовал инструктор, чем привел молодого человека в ярость.

— Меня и близко нельзя сравнивать с этой девчонкой Книпфер, — сердито прошептал он в ухо Генри. Джимми был совершенно уверен, что ничего сложного в катании на горных лыжах нет, что для этого требуется лишь желание, остальное с легкостью приложится. Но пока не получалось.

— Согните колени! — кричал ему Пьетро. — Наклонитесь вперед, мистер Джимми... Нет, нет, нет, не откидывайтесь назад...

— Я научусь, даже если это убьет меня, — заметил молодой человек, выныривая из сугроба, в который только что воткнулся головой. Он был похож на снеговика. Джимми упорно практиковался в спуске, между тем как остальные уже осваивали повороты.

Генри оказался твердым середнячком.

— Чуть-чуть больше *corragio*,¹⁵ чуть-чуть больше сосредоточенность — и мы сделаем из вас вполне приличный лыжник, мистер Генри, — сказал Пьетро, оценивая возможности ученика, как догадался Генри, выше, чем они того заслуживали. И все снова поднялись на невысокую насыпь, чтобы совершить очередную попытку.

Итак, в первый день катания случилось чудо, уже ставшее обыкновенным явлением.

¹⁵ Смелость (*ит.*)

Обладатели трех пар ног (увы, включить фройляйн Книпфер в их компанию было невозможно), которые в начале урока не сомневались, что никогда, никогда эти огромные неповоротливые дощечки не станут ничем иным, кроме как острыми и скользкими ловушками, к четырем часам научились воспринимать и использовать свои лыжи как практичное и восхитительное продолжение собственных ступней; каждый из новичков испытал, пусть всего мгновение, скромный триумф гладкого, стремительного безмолвного скольжения вниз.

По окончании урока все в приподнятом настроении вернулись в отель, уже чувствуя себя опытными горнолыжниками.

— Я, — объявила Каро, набив рот булочкой с кремом, — безумно влюбилась в Пьетро.

— Не будь такой предсказуемой. Тебе это не идет, — ехидно откликнулся Джимми. — Это очень провинциально — влюбиться в своего лыжного инструктора. И кроме того, думаю, он слишком самодоволен.

Девушка тут же приняла воинственную позицию.

— Почему тебе непременно нужно высмеять любого, кто мне нравится? — горячо воскликнула она. — Ты тоже был бы самодовольным, если бы был столь же красив, как он, так же божественно катался на лыжах и... — Она вдруг оборвала себя на полуслове и совсем другим тоном спросила: — А где Роджер?

— Поехал кататься с полковником Бакфастом, — ответил Генри. — Полагаю, они скоро вернутся.

— Полковник уже вернулся, — сказала Каро, вставая и подходя к окну. Полковник с лыжами на плече направлялся к лыжному сараю позади отеля.

— Ой, ради бога, Каро, не впадай в панику, — легкомысленно заметил Джимми. — Роджер умеет позаботиться о себе.

Ничего не ответив, девушка продолжала стоять у окна, наблюдая за тем, как силуэт полковника растворяется в сумерках.

Спустя несколько секунд появились Эмми и миссис Бакфаст, вместе приехавшие на подъемнике.

— Чудесно! Чудесно! — сказала Эмми, плюхаясь на стул. Щеки у нее разругались, в коротких черных волосах блестели еще не растаявшие снежинки. — Дорогой, оказалось, я катаюсь немного лучше, чем думала. Завтра меня переводят в группу третьей ступени. Мы дважды спустились по первому маршруту, и во второй раз я упала только однажды. А как твои дела?

— Я упал двадцать пять раз, — ответил Генри с оттенком гордости. — Я считал.

— Черт, а я забыл сосчитать, — сказал Джимми. — Но все равно уверен, что мой результат лучше.

— А Каро — вундеркинд в нашем классе, — сообщил Генри. — Она будет по-настоящему хорошей лыжницей.

— И представьте себе, — добавил Джимми, — она влюбилась в...

— Не говорите, дайте сама догадаюсь... в вашего инструктора! — Эмми рассмеялась. — Каро, как вы могли!

Девушка отвернулась от окна.

— Лучше бы вам всем заткнуться, — сказала она, стремительно направилась к двери и почти врезалась в полковника Бакфаста. Ко всеобщему удивлению, Каро схватила его за руку и воскликнула:

— Полковник Бакфаст, где Роджер?

— Молодой Стейнз? Неплохой лыжник. Совсем неплохой. В былые времена я взял бы его в команду — ну, после небольшой тренировки, конечно. Одержим скоростью, разумеется, как все молодые. В конце мы предприняли попытку съехать по третьему маршруту... не совсем удачно, но съехали.

— Но где же он? — не унималась Каро.

— Я могу сказать вам, где он, — вставила Эмми. — Пьет чай в «Олимпии».

— Один? — спросила девушка чуточку чрезмерно громко.

Эмми бросила взгляд на мужа и ответила:

— Нет. С Фрицем Хозером. Должно быть, встретились в деревне. Стоя в очереди на подъемник, я видела, как они вместе вошли в бар.

— Ну вот видишь, дурочка, — сказал Джимми. — Твой бесценный дружок цел и невредим, хотя и в сомнительной компании.

Каро заметно побледнела, но сумела выдавить улыбку.

— Простите. Пойду, пожалуй, приму ванну.

И она взбежала по лестнице.

— Ну и девица, — заметила миссис Бакфаст. — Надеюсь, она не израсходует всю горячую воду.

Достав из своей необъятной сумки пачку цветных открыток, она принялась энергично писать.

Полчаса спустя на подъемнике прибыл Роджер, коротко поприветствовал всех и поднялся к себе переодеться. И только уже после семи Генри увидел Хозера, осторожно, как кошка, идущего по тропинке; видимо, он успел в последний момент, перед самым закрытием канатной дороги.

В тот вечер за ужином ощущалась неловкость — Каро с Роджером явно поссорились. Ни беззаботность Джимми, ни хорошее настроение Эмми не могли затмить того факта, что на красивом лице Роджера пролегли упрямые морщинки дурного расположения духа, а Каро хранила зловещее молчание. Баронесса и Франко ди Санти сидели теперь за одним столом и общались в той манере тесной дружбы, которой было достаточно, чтобы вызвать тревогу у любого, кто помнил суровое лицо под тирольской шляпой в Инсбруке. Только Книпферы, Бакфасты и Хозер, казалось, чувствовали себя непринужденно. Миссис Бакфаст была в своем репертуаре и последовательно критиковала холодный суп, жесткую телятину и сквозняк; полковник замкнулся в своем коконе молчания, с удовольствием вспоминая дневные занятия спортом. Хозер ел, быстрыми движениями разборчиво разделяя еду на тарелке, — как птица, выскивающая зерна, — и ни с кем не разговаривал. Под конец он снова ангажировал фройляйн Книпфер в качестве партнерши для вечерних танцев в баре.

Роджер и Каро после ужина исчезли. В девять часов Джимми сказал:

— Чем, черт возьми, эти двое занимаются? Пойду поищу их.

Он вышел из бара и через несколько минут вернулся, ведя обоих, словно на буксире. К облегчению Тиббета, молодые люди, казалось, были в лучшем настроении, чем за ужином.

— Чем вы занимались? — с улыбкой спросила Эмми. — Тайно практиковались в катании на лыжах? Или чем-нибудь предосудительным?

— Разумеется, нет, — лаконично ответил Роджер.

— Могу поручиться, — сказал Джимми. — Все совершенно невинно. Когда я нашел их, они сидели за столом и играли в какую-то игру с карандашами и бумагой.

Каро посидела в баре недолго — выпила чашку кофе и отправилась спать. Джимми налегал на бренди и пытался на чудовищном итальянском флиртовать с Анной, барменшей. Роджер беседовал с полковником о лыжном спорте, миссис Бакфаст мирно вязала. Мария Пиа и Франко устроились за столиком в углу и лишь изредка переговаривались. Даже когда Герда, гувернантка ее детей, в простом черном платье спустилась в бар и Роджер пригласил ее на танец, баронесса, похоже, даже не обратила на это внимания. Тиббеты, уединившиеся за отдельным столиком, обменялись многозначительными улыбками.

— Есть зацепки, мистер Холмс? — спросила Эмми.

— Все слишком просто, — ответил Генри. — Но мне кажется, что-то должно вот-вот случиться. А пока давай забудем обо всем и будем просто радоваться отдыху.

Так они и поступили.

Вскоре жизнь в «Белла Висте» вошла в приятную рутинную колею. Завтрак в девять, лыжные занятия с десяти до двенадцати, ленч с разговорами о лыжах — до половины

третьего, снова катание до половины пятого. Потом — чаепитие в «Олимпии» (через несколько дней даже новички худо-бедно, спотыкаясь, на разъезжающихся лыжах, научились спускаться по маршруту номер один в деревню), а вечером — аперитив в баре отеля, ужин и танцы.

На четвертый день вечером пошел снег, и на свежем, легком, пушистом покрытии даже ученики первого класса лыжной школы почувствовали себя увереннее, словно на пути к высшему мастерству. Они освоили торможение «плугом» — сближая концы лыж для уменьшения скорости перед остановкой — и разворот в этой позиции с перенесением центра тяжести тела на ту или другую ногу и уже испытывали чудесное, заставляющее покалывать мышцы ног ощущение при диагональном спуске с крутого склона («Отклоняйтесь в противоположную сторону... в сторону долины, мистер Генри!.. Смотрите, как это делает мисс Каро... и сгибайте колени!..»). Теперь они тренировались выполнять боковое скольжение — боком спускались по обледеневшему склону на плашмя поставленных лыжах, отрицая, как им казалось, все законы природы и гравитации тем, что отклонялись наружу, в сторону долины, чтобы сохранить равновесие. Этот маневр оказался самым трудным из всех, ими до сих пор освоенных, и каждый падал по многу раз («Это не боковое скольжение, мистер Джимми... это какое-то заднее скольжение...») — смеялся Пьетро, стараясь использовать свой небогатый репертуар английского юмора).

Фройляйн Книпфер после долгого и честного разговора с Пьетро, случившегося после очередного дня занятий, покинула — к великому облегчению остальных — лыжный класс и вернулась к частным урокам с унылым инструктором средних лет по имени Джованни. Теперь каждый день можно было видеть их плохо сочетаемые фигуры на пологих склонах близ отеля: Джованни спускался вниз черепашьими шагами, с выражением лица, напоминавшим усталого бладхаунда, а девушка — негнущаяся, одеревеневшая от тревожности — страдальчески-неуклюже ковыляла следом.

В пятницу вечером, на пятый день занятий, компания англичан, перейдя после ужина в бар, с приятным удивлением обнаружила там Пьетро. Тот за бокалом вина болтал с Фрицем Хозером, который всегда ужинал рано; после появления англичан немец-коротышка, оставив инструктора, присоединился к Книпферам. Пьетро сиял.

— Я поел дома и приехал сюда, пока не закрыли подъемник, — объяснил красавец. — Сегодня полнолуние, так что я смогу спуститься обратно на лыжах, когда захочу.

Вежливо потанцевав с Эмми, он на весь остаток вечера монополизировал Каро. Девушка пребывала в приподнятом настроении и совершенно очевидно купалась в лестном внимании молодого инструктора. Роджер, явно отставленный, скрылся наверху и минут десять спустя вернулся с протестующей Гердой, которую уговорил все же составить ему компанию для танцев.

Мария Пиа и Франко, по обыкновению, рано отправились спать, не сделав даже попытки примкнуть к танцующим, они просто сидели за дальним столиком и о чем-то серьезно беседовали. Генри показалось, что оба чрезвычайно встревожены, даже напуганы. Тиббет заметил, что они часто бросали взгляды в сторону Хозера.

Все остальные, однако, пребывали в отличном настроении и допоздна веселились в баре. Фриц Хозер активно танцевал с фройляйн Книпфер, а старшие Книпферы поразили всех, выйдя на танцпол и продемонстрировав исключительно искусное исполнение венского вальса. Роджер танцевал с Гердой, лишь раз или два бросив свирепый взгляд на Каро и Пьетро, которые кружились, прижавшись друг к другу щеками и не замечая ничего вокруг. Вскоре после часу ночи Хозер и Книпферы все же отправились спать, но танцы продолжились. Генри, как и все остальные, переусердствовал с граппой и радовался тому, что не ему, а Пьетро предстояло под луной спускаться в Санта-Кьяру в половине третьего утра. Выйдя проводить инструктора, все оказались на жгучем холоде.

Было нечто тревожное, но захватывающе прекрасное в горах, мерцавших в ледяном лунном свете, но тревогу рассеивали огни деревни, приветливо подмигивавшие из долины. Подъемник, соединявший отель и деревню, казался прерывистой цепочкой фонарей, потому

что после наступления темноты на каждом пилоне зажигали лампу, отбрасывавшую теплый круг света на голубовато-белый снег. Пристегнув лыжи, Пьетро ринулся вниз. Приходилось напрягать зрение, чтобы разглядеть его грациозную, стремительно несущуюся фигуру, которая то исчезала за деревьями, то ненадолго возникала вновь там, где лыжня пересекала пространство под канатной дорогой, и наконец полностью скрылась из виду в нижнем лесу.

Следующим утром все проснулись, испытывая небольшое похмелье, и вследствие этого катались хуже, чем обычно. В остальном не чувствовалось никаких признаков надвигающейся беды. Что было странно.

Глава 5

День прошел, как всякий другой, и был отмечен незначительными происшествиями, которые приобрели значение — заслуженно или нет — лишь в свете того, что случилось потом.

За завтраком Хозер послал за синьором Россати и попросил счет. Он сообщил, что отбывает сегодня вечером последним поездом, но уже утром уедет в Санта-Кьяру и не предполагает возвращаться в отель. Баронесса, по обыкновению, завтракала у себя в комнате, но, идя за лыжами, Генри увидел ее с Хозером в опустевшем баре, они разговаривали очень быстро и сопровождали свою речь эмоциональными жестами. Когда инспектор проходил мимо двери, Мария Пиа посмотрела на него, и в этом взгляде он снова уловил то паническое выражение, которое заметил еще в поезде. Спустя секунду из кухни вышел Франко ди Санти с двумя упакованными в коробки ленчами под мышкой и позвал баронессу. Генри натирал лыжи мазью, когда они вошли в сарай, взяли со стойки свои и, не произнеся ни слова, удалились.

Когда ученики собрались на занятия, Пьетро разговаривал с Марио на верхней площадке подъемника. Увидев их, он коротко, жестом на удивление покровительственным, обнял отца за плечи, после чего направился к ученикам со своим обычным приветствием:

— *Bon giorno... come stai?*¹⁶ Надеюсь, сегодня все хорошо? Не слишком много граппы вчера вечером, мистер Генри?

— О, слишком, слишком много, — сокрушенно признался Тиббет.

— Тогда начнем с легких упражнений... прежде всего боковой спуск.

— О, нет! — застонали все хором.

— Мисс Каро первая показать нам, так ли хорошо она выполнять боковой спуск, как танцевать, — сказал Пьетро с ослепительной улыбкой. — За мной.

И он ринулся вниз.

Роджер и полковник Бакфаст, проходившие мимо, приветственно помахали рукой. Пользуясь преимуществом хорошего снежного покрова, они решили опробовать Имменфельдский спуск, который только что был официально объявлен открытым. Этот длинный и трудный маршрут должен был привести их через австрийскую границу в маленький горнолыжный курорт Имменфельд, откуда им предстояло вернуться на поезде.

Герда с детьми отправилась на третий маршрут. Эмми села на подъемник, чтобы присоединиться к своему классу, отправлявшемуся на весь день к спуску с Альпийской розы — он находился на другом краю деревни. Миссис Бакфаст с предельной сосредоточенностью вязала, усевшись на террасе «Белла Висты» как можно дальше от Книпферов, жевавших молочный шоколад без тени улыбки. Их дочь, вихляя на своих дорогуших пекановых лыжах, умудрилась дважды упасть на дорожке от отеля до подъемника, где ее ждал Джованни. Снег

¹⁶ Добрый день. Как дела? (*ит.*)

сверкал на солнце. Стояло абсолютно обычное утро.

Ко времени ленча Генри понял, что ему нужно в деревню.

— Я поем в Санта-Кьяре, — сказал он, — и присоединюсь к вам позднее. Если запоздаю, не ждите меня. Я сам вас найду.

Купив сигареты, бритвенные лезвия и почтовые открытки в магазине синьоры Веспи, он, набравшись отваги, зашел в бар «Шмидт», где был встречен холодными и любопытными взглядами местных жителей. Съев свой ленч, Тиббет сел на автобус, направляющийся в Монтелунгу, маленький городок, расположенный в дальнем конце долины. В половине пятого, когда вся компания явилась в «Олимпию» пить чай, он уже ждал их там, поглощая эклеры. Инспектор кротко извинился за свою лень.

— Вы пропустили божественный день, — мягко упрекнула его Каро. — Мы дважды спустились по первому маршруту, и это было изумительно.

— Все сделали большие успехи, — сообщил Пьетро, который, как обычно, пришел вместе с ними. — Замечательная группа.

— Пьетро сказал, что завтра мы можем начать осваивать поворот на параллельных лыжах, — добавила Каро.

— Не завтра, а в понедельник, — поправил ее Джимми. — Завтра воскресенье, и занятий нет. Спасибо, с удовольствием съем еще пирожное. Еще кофе, Каро, красавица моя?

— Через минутку, — отозвалась Каро. — Мне нужно припудрить носик.

Она направилась в дамскую комнату, а Пьетро — к бару, купить сигарет.

Оставшись с Генри наедине, Джимми спросил:

— Как вы находите поведение Каро?

— Что вы имеете в виду? — уточнил Генри.

Джимми слегка кивнул в сторону бара.

— Пьетро, — сказал он. — Она выставляет себя на посмешище, если хотите знать мое мнение.

— Не думаю, что это серьезно, — ответил инспектор. — В конце концов, она же совсем юная.

Молодой человек помолчал, затем продолжил:

— У нее просто талант связываться не с теми людьми.

Прежде чем он успел развить тему, к столу вернулись Каро и Пьетро. Они заказали еще кофе с пирожными, и разговор переключился на фройляйн Книпфер.

— Мы видели ее сегодня утром с Джованни, — сказал Джимми. — Честно признаться, эта девица — сплошная катастрофа. Вы только подумайте: две недели тренировок, а она даже стоять на лыжах не научилась. Лучше бы ей забыть о лыжах и заняться бёрдвотчингом¹⁷.

Пьетро сухо улыбнулся.

— Это печально, но я с вами согласен.

— Мне ее ужасно жалко, — сказала Каро. — Ее комната находится напротив моей, и я часто сталкиваюсь с фройляйн, направляясь в ванную. У бедняжки всегда такой несчастный вид... Должна сказать, — добавила она, — меня это ничуть не удивляет, я бы тоже была несчастна, если бы пришлось все вечера проводить в обществе Фрица Хозера.

— Не понимаю, за что вы все так ополчились на этого коротышку, — возразил Джимми. — Он не так уж плох. Осмелюсь предположить, девица Книпфер души в нем не чает.

— Не говори глупостей. Никто не может «души в нем не чаять», — осадила его Каро.

— Так или иначе, — вставил Генри, — теперь она свободна. Он уехал.

Без четверти пять к компании присоединилась Эмми. Она была в чудесном настроении, в волосах у нее блестели снежинки.

¹⁷ Наблюдение за птицами (англ.).

— Мы провели великолепный день на Альпийской розе, — объявила она. — Ленч у нас был в ресторане на самой вершине. Вид оттуда фантастический. А потом мы спустились по очень трудному маршруту. Сколько раз я падала — не сосчитать, но это было восхитительно. Божественно, — прибавила она, увидев себя в зеркале. — О, мне нужно что-то сделать с волосами. Закажи мне чай с лимоном, пожалуйста, Генри. Я вернусь через минуту.

В пять часов Роджер и полковник Бакфаст, стряхнув снег с ботинок и повесив в гардероб свои анораки, тоже смогли расслабиться за чашкой ароматного горячего шоколада.

— Этот Имменфельдский спуск очень коварен, — рассказывал полковник. — Скрытые расселины на последнем этапе на каждом шагу — именно там погиб молодой Джулио. — Он вдруг осознал, что за столом сидит Пьетро, и сделался пунцовым, но инструктор оживленно беседовал с Джимми и, похоже, не услышал упоминания о брате.

— Наверное, там ужасно опасно, — сказала Каро.

— Ерунда, — возразил Роджер. — Если держаться лыжни, ничего страшного. А кроме всего прочего, мы ехали медленно. Полковник не одобряет больших скоростей.

— Чуть, — весьма грубо перебил Бакфаст. — Просто не хочу сломать себе шею, вот и все.

— Роджер всегда рискует, — сказала Каро. — Он обожает опасности.

— Это неправда, — заметил Стейнз. — Я всегда точно знаю, что делаю.

— А в сущности, — вставил Пьетро, — что за жизнь без риска?

— Полагаю, в вашем случае это очень уместное ощущение, — вступил Джимми. — Я имею в виду... катание на горных лыжах как профессию. Боже, как я вам завидую! Жить здесь, все время кататься на лыжах!.. Это, должно быть, чудесная жизнь.

— Думаете? — Лицо итальянца вдруг стало мрачным и решительным. — Вы бы не говорить так, если бы сами здесь жить. В этой деревушка... нет никаких перспектив для молодой человек. Ни для кого из нас. Все мы учим кататься на лыжах, лазать по скалам и этим немного зарабатываем себе на жизнь... А потом старимся, и остается лишь управлять подъемником, как моему отцу. Я не собираюсь дожидаться такого конца. Когда-нибудь я разбогатеть. И знаете, что я тогда сделать?

— Что, Пьетро? — спросила Каро.

Красавец одарил ее улыбкой.

— Я поехать в Америка, — сказал он. — Это страна, где делают деньги. Я поселиться в Нью-Йорке, ездить на большом «кадиллаке», а на лыжах кататься — только по выходным, для развлечения.

— Насчет Нью-Йорка я ничего не знаю, — заметил Джимми, — но готов биться об заклад, что там нет таких пирожных с кремом, как эти. Я бы съел еще десятка два. Кто-нибудь хочет составить мне компанию?

В двадцать минут шестого, когда все уже собирались уходить, в бар, словно на волне веселых голосов, всплыла баронесса с детьми. Ганси и Лотти прижимали к себе новые свитера, которые мама им только что купила. Спустя несколько секунд вошедших догнала Герда. Когда она сняла свой анорак, на ней поверх неизменных черных брюк-форлагеров оказался белый свитер, который делал девушку еще бледнее, чем обычно. Она заказала чашку кофе, отказалась что-либо съесть и сидела молча, слушая возбужденную болтовню подопечных. Генри заметил, что Мария Пиа нервно и с ожиданием каждые несколько секунд поглядывает на дверь, и, разумеется, не прошло и пяти минут, как вошел Франко ди Санти.

Он сразу направился к баронессе и что-то сказал ей по-итальянски. Ее лицо озарилось радостной улыбкой, и Генри услышал, как та ответила:

— Чудесно. О, как чудесно! Просто не могу в это поверить.

Пьетро спросил Марию Пиа, хорошо ли она покаталась сегодня, и, поскольку разговор стал общим, Роджер и Франко сдвинули два стола, и все сделали еще заказы — кто кофе, кто шоколад, кто чай. Баронесса и Франко излучали такое веселье, что оно оказалось заразительным, а инспектор, памятуя их мрачные лица предыдущим вечером в баре, восхитился переменчивостью итальянского характера.

На часах, висевших над барной стойкой, было пять минут седьмого, когда Герда, перебив Пьетро на середине истории о том, как он однажды оказался единственным выжившим под лавиной, тихо напомнила, что детям скоро нужно будет готовиться ко сну; это положило конец застолью — все решили, что пора возвращаться в отель.

Компания тепло распрощалась с Пьетро.

— *Arrivederci*¹⁸, — сказал инструктор. — До понедельника.

— Пьетро, а почему бы вам снова не прийти в «Белла Висту» сегодня вечером? — предложила Каро. — Луна еще полная...

— Сегодня луна не будет, мисс Каро, — с улыбкой ответил Пьетро. — Смотрите: идти снег.

Снег падал крупными мягкими хлопьями и ложился на землю пушистым покрывалом, когда они вышли из кафе и свернули на деревенскую улицу. Компания почти дошла до турникета канатной дороги, когда Эмми сокрушенно воскликнула:

— Мои лыжные очки! Я забыла их в «Олимпии». Черт возьми, придется возвращаться.

— Я пойду с тобой, — вызвался Генри.

Когда они снова объявились в кафе, Пьетро все еще был там. Он пил граппу в баре и пригласил Тиббетов составить ему компанию. Они не спеша выпили по бокалу ромового грога, вдоль уже темной улицы дошли обратно до подъемника и купили билеты. Пустые кресла с лязгом проплывали мимо, Карло притопывал ногами и дул на пальцы, чтобы согреться.

Часы с белым циферблатом в его будке показывали без восемнадцати минут семь, когда Генри, приготовившийся запрыгнуть в кресло, к великому удивлению, заметил, что кто-то спускается по канатной дороге вниз — съездившийся силуэт высветила лампа первого пилона. Мужчина поднял меховой воротник куртки, чтобы защититься от снега, и его голова утонула в складках пышного воротника, но не узнать щегольские ботинки из леопардовой шкуры было невозможно.

— Хозер оставил себе времени в обрез, как бы не опоздал на поезд, — заметил Тиббет, обращаясь к жене.

Когда кресло приблизилось, Карло вышел вперед, чтобы помочь Хозеру спрыгнуть, хотя Генри ранее уже отметил, что в результате продолжительной практики малорослый немец прекрасно научился справляться с этим самостоятельно. Но на этот раз он не казался ловким, как обычно. Когда Карло взял его за руку, Хозер дернулся в сторону, а потом неожиданно наклонился вперед и, упав лицом в снег, остался лежать. Карло — длинная сильная фигура под резким светом единственной лампы, горевшей в маленькой будке, — закричал по-немецки и рухнул на колени. Генри и Эмми быстро подбежали.

— Герр Хозер, — неуверенно произнес Карло, — герр Хозер... *er ist krank* ...¹⁹

Опустившись на колени прямо в снег, Тиббет осторожно перевернул Хозера на спину и, подняв голову, сказал по-немецки:

— Он не болен, Карло. Он мертв.

Эмми навсегда запомнила эту сцену — нечто в духе Эль Греко. Длинная фигура Карло с мертвенно-бледным лицом, изрезанным вертикальными морщинами, в резком свете голой лампочки из будки; скелетоподобные силуэты пустых кресел, с лязгом проплывающие мимо; съездившаяся фигура, неподвижно лежащая на желтоватом утоптанном снегу; и все это затянута белой пеленой падающих снежных хлопьев.

Генри поднялся на ноги.

— Остановите подъемник, — скомандовал он.

Словно обрадовавшись, что у него появилось конкретное дело, Карло вскарабкался

¹⁸ До свидания (*ит.*)

¹⁹ Он болен (*нем.*)

наверх и перевел ручку рубильника, прекратив подачу электричества. Как только механизм подъемника смолк, наступила тишина, и в этой тишине пронзительно зазвонил телефон в будке.

— Это Марио, — сказал Карло. — Хочет узнать, почему остановился подъемник.

— Я поговорю с ним, — ответил Генри.

Он снял трубку, коротко переговорил с Марио, потом сообщил Карло:

— Марио пока останется наверху, в «Белла Висте». Все постояльцы уже в отеле. Соедините меня с полицейским участком Монтелунги, я хочу поговорить с капитаном Спецци.

Повернувшись к жене, он сказал:

— Возвращайся в «Олимпию», дорогая, и выпей что-нибудь, хотя бы кофе. Мы с Карло побудем здесь.

— Лучше я останусь с вами, — предложила Эмми.

— Хозер застрелен, — очень тихо сообщил жене Тиббет. — Я хочу, чтобы ты посмотрела и запомнила, кто сейчас находится в «Олимпии». Как только смогу, я к тебе присоединюсь.

Он ободряюще сжал ей руку и легонько подтолкнул в направлении улицы.

Миссис Тиббет шагала механически, в каком-то болезненном оцепенении. Внезапная смерть Хозера сама по себе была шоком, но теперь придется еще разбираться, самоубийство это или убийство... у Эмми появилось безумное желание бежать со всех ног... куда угодно, только бы подальше от запаха смерти.

«Ну-ка, соберись, детка», — строго приказала она себе и нашла некоторое утешение в мысли, что, вернувшись в «Олимпию», она, по крайней мере, сможет очистить от подозрений всех тех, кого там увидит.

Толкнув распашную дверь, Эмми прошла в оранжево-сиреневый альков и села за кованный железный столик. У стойки бара увидела Пьетро в окружении еще нескольких инструкторов, которых тот угощал, размахивая толстым бумажником, набитым банкнотами. Оглядевшись в поисках других знакомых лиц, Эмми, к своему удивлению, заметила в углу синьора Россати. Владелец отеля сидел за столиком, удачно скрытым за сложной конструкцией современного мобайла²⁰ из жестяных деталей, скрепленных шнурами, и, казалось, испытывал неловкость бóльшую, нежели предполагало созерцание этого объекта. Постоянно поглядывая на часы, он с некоторой нервозностью помешивал свой кофе.

«Ждет кого-то», — отметила про себя миссис Тиббет. Стрелки часов над барной стойкой показывали без пяти семь. Эмми заказала черный кофе и бренди; не успела официантка поставить их перед ней, как случились две вещи.

Пьетро заметил ее и подбежал к столику.

— Синьора Тиббет, подъемник сейчас остановят... вам надо спешить...

Инструктор наклонился над столиком, красивое смуглое лицо выражало искреннюю озабоченность. И в тот же миг дверь кафе властно распахнулась, и в высшей степени недовольный голос проскрипел по-немецки:

— Всего пять минут восьмого. Почему подъемник уже остановили?!

Взглянув поверх плеча Пьетро, Эмми встретилась взглядом с парой черных глаз, сверкавших из-под зеленой тирольской шляпы.

Внезапно наступила тишина. Барон прошагал через зал и стукнул кулаком по барной стойке.

— Я должен быть в «Белла Висте» сегодня вечером. Почему не работает подъемник?

Зал вмиг загудел, все начали энергично жестикулировать. Эмми встала и, протиснувшись сквозь толпу, оказалась лицом к лицу с бароном фон Вюртбергом.

— Думаю, я могу объяснить, — сказала она по-английски. — Произошел инцидент.

²⁰ Подвижный объемный муляж рекламируемого продукта.

— Инцидент? — Пьетро уже стоял рядом с ней. — Какой инцидент, синьора?

Миссис Тиббет сделала глубокий вдох, мысленно призвала на помощь все свое благоразумие и сказала:

— Герр Хозер.

Присутствующие в кафе лыжные инструкторы окружили ее, тараторя по-итальянски и по-немецки. Пьетро нервно перевел:

— Они хотят знать, что случилось. Подъемник сломался?!

— Нет, — ответила Эмми. — Герр Хозер... думаю, он заболел.

Коллеги Пьетро заметно расслабились, когда тот перевел им слова англичанки. Серьезная поломка подъемника могла повредить репутации курорта и поставить под удар их заработки, но поскольку проблема оказалась не в подъемнике, несчастье, случившееся с каким-то отдельным человеком, их мало заботило. Только Пьетро выглядел по-прежнему встревоженным.

— Герр Хозер... — повторил он и взял Эмми за руку. — Вы должны мне рассказать.

— Значит, подъемник снова заработает сегодня? Очень хорошо, — ледяным тоном произнес барон на безупречном английском. — Благодарю вас, мадам.

Он слегка кивнул, потом с тем же ледяным выражением лица повернулся к стойке и заказал себе выпить. Когда Пьетро вел миссис Тиббет обратно к ее столику, та бросила взгляд в угол, где сидел синьор Россати. Владелец «Белла Висты» неподвижно смотрел прямо перед собой, и на его пухлом лице играла едва заметная странная улыбка.

Пьетро сел напротив Эмми.

— Так что там — болезнь или несчастный случай? — напряженно спросил он. Не успев ответить, Эмми с огромным облегчением заметила, что Генри вошел в кафе и уже направлялся к ее столу.

— Идем, — сказал он.

Миссис Тиббет встала.

— Извините, Пьетро. Мне пора. Уверена, вы все узнаете завтра.

Генри взял жену за руку, и они вышли под продолжавшийся снегопад. Очутившись на улице, Эмми сообщила:

— Здесь барон. Муж Марии Пиа.

— Я видел, — ответил Генри. — Я ожидал его появления. Когда он прибыл?

— Не знаю, когда он прибыл в Санта-Кьяру, но в «Олимпии» появился вскоре после того, как туда вернулась я, и был жутко зол из-за того, что подъемник не работает. Синьор Россати тоже был там, сидел, затаившись в углу, и кого-то ждал.

Несколько минут они шли молча, потом Эмми спросила:

— Это самоубийство?

Генри покачал головой.

— Практически исключено. Точно узнаем, когда придет медицинское заключение, но, на мой взгляд, это совершенно не похоже на выстрел в упор.

На нижней станции подъемника царило оживление. Фотограф с лампой-вспышкой снимал тело, несколько карабинеров болтали, курили и отгоняли местных жителей и туристов, которые, почуяв сенсацию, уже толпились вокруг.

Завидев Тиббетов, от группы отделился высокий светловолосый человек в форме.

— Это моя жена, а это капитан Спецци, — представил их друг другу Генри.

Капитан поклонился и поцеловал Эмми руку.

— Очень рад, синьора, — запинаясь, произнес он по-английски. — Хотел бы, чтобы наше знакомство произошло при более благоприятных обстоятельствах. Это... — он красноречиво пожал плечами, — плохое дело.

— Я бы хотел как можно скорее подняться в «Белла Висту», — сказал Тиббет. — И есть еще несколько человек, застрявших здесь. Когда можно будет запустить подъемник?

В этот момент началась небольшая суматоха: санитары разворачивали носилки и укладывали на них тело.

— Теперь уже скоро — как только его унесут, — ответил капитан. Эмми содрогнулась при виде маленькой процессии, ковылявшей вниз по склону к тому месту, где стояла машина «скорой помощи». Одного карабинера послали в «Олимпию» сообщить барону и синьору Россати, что подъемник вот-вот заработает. Карло, с белым лицом, дрожащими руками запустил механизм, и кресла подъемника, скрипнув, начали движение.

Эмми очень замерзла, и подъем внушал суеверный страх, так что она возблагодарила бога, увидев мерцающий свет будки Марио на верхней станции. Помогая пассажирам сойти на землю, старик напоминал озадаченную обезьянку, с которой плохо обращались. Он попытался расспросить Тиббета на старательном итальянском, и тот отвечал ему успокаивающе. Когда они с Эмми уже шли по дорожке к отелю, Генри сказал:

— Бедный Марио. Он глубоко потрясен. Случилась ужасная вещь, и, думаю, он чувствует себя неким образом ответственным за это.

— А он знает... ну, что Хозер мертв? — спросила Эмми.

— Я сказал ему. Теперь уже вся деревня знает.

И они вошли в дом.

В баре было людно. Каро, Роджер и Джимми пили мартини и оживленно болтали. Бакфасты заняли маленький столик рядом с Книпферами: похоже, миссис Бакфаст снизошла до того, чтобы поддержать знакомство с немцами. Мария Пиа и Франко сидели за барной стойкой на небольшом расстоянии друг от друга, пили бренди и тихо переговаривались.

— Я собираюсь исполнить торжественный выход, — шепнул жене Тиббет. — Наблюдай за их лицами.

Он с мрачным видом вошел в бар и, когда все повернулись, чтобы поприветствовать его, произнес голосом, который ему и самому показался комически мелодраматичным:

— У меня очень серьезная новость. Инцидент. Фриц Хозер мертв.

Несколько минут стояла абсолютная тишина. Внезапно фрау Книпфер разразилась безумным пронзительным истерическим смехом.

— *Danke Gott! Danke Gott!*²¹ — визжала она. Никто и двинуться не успел, как ее муж вскочил и залепил ей тяжелую пощечину. Женщина обмякла, превратившись в бесформенную всхлипывающую массу. Герр Книпфер обвел присутствующих вызывающим взглядом.

— У моей жены нервный срыв, — объяснил он по-английски. — Прошу нас извинить. Ей нужно отдохнуть. Трудно... — Фройляйн Книпфер уже обняла мать за трясущиеся плечи и помогла ей встать. Герр Книпфер взял жену под руку с другой стороны, и они повели плачущую женщину сквозь настороженно затихший бар. В следующий момент дверь с грохотом захлопнулась за ними.

— Ну и ну, какая странная реакция, — сказал Джимми. — Кто-нибудь может мне сказать: старуха сорвалась от горя или от радости?

— Она твердила: «Слава богу», — сдержанно напомнил Роджер.

— И я бы сказала то же самое.

Это была Каро, ее голос прозвучал необычно резко.

— Заткнись, Каро, — угрожающе произнес Роджер.

— Не заткнусь! Никто из вас не знает... никто...

— Каро!

— Сам заткнись, Роджер. Я не собираюсь сплетничать. Единственное, что я хочу сказать, — слава богу, что он умер. Вот и все.

— Не волнуйся так, старушка, — озабоченным голосом призвал ее Джимми. — Согласен, Хозер не был мечтой любой девушки, но...

— Он был мерзким человеком... — Неожиданно Каро повернулась к Генри. — Вы ведь

²¹ Слава богу (нем.)

это знали, правда? — спросила она. — Все время знали... но ничего не предприняли. А теперь кто-то что-то сделал наконец. И я счастлива.

— Что ты имеешь в виду под этим «кто-то что-то сделал»? — Голос Роджера прозвучал как удар хлыста. — Генри сказал, что произошел инцидент, разве не так?

— Инцидент? С такими людьми, как Хозер, инцидентов не случается. — Каро смотрела инспектору прямо в глаза. — Его ведь убили, правда?

— Да, — ответил Генри. — Боюсь, что так.

Воцарилась тишина, вызванная всеобщим шоком. Потом Джимми неуверенно произнес:

— Ну молодчина, прямо в девятку. Подозреваемая номер один — мисс Кэролайн Уиттакер. Можете ли вы объяснить присяжным, мисс Уиттакер, откуда вы узнали, что покойный был убит, прежде чем кто-либо сообщил...

— Да замолчи ты, дурак! — Каро вскочила и побежала к двери.

Джимми бросился за ней.

— Каро, вернись... Я хочу с тобой поговорить... — Он схватил девушку за плечо, она стряхнула его руку и выскочила в холл. Молодой человек ринулся следом, продолжая увещевать ее, и оба скрылись наверху лестницы.

Тем временем Бакфасты поднялись из-за стола и присоединились к группе, собравшейся у барной стойки. Мария Пиа и Франко, побелевшие, держась за руки, не сдвинулись с места, но напряженно прислушивались. В холле хлопнула входная дверь, оттуда донесся шум, и Генри поспешно сказал:

— Баронесса... извините, из-за всей этой суматохи я совершенно забыл... сообщить вам, что ваш муж здесь. Должно быть, это он.

Мария Пиа печально склонила голову и ответила:

— Спасибо. Я ждала его.

Она соскользнула с табурета и вышла в холл с высоко поднятой головой — словно приговоренный на эшафот. Франко сделал было движение, чтобы последовать за ней, но передумал и придвинул свой табурет поближе к компании англичан, будто хотел затеряться среди людей.

— Вы сказали — убит? — Голос полковника прозвучал неожиданно дрожаще. — Плохо. Очень плохо. Что случилось?

— Его застрелили, — ответил Генри. — На подъемнике.

— Не верю! — категорически заявила миссис Бакфаст.

— Тем не менее боюсь, что это правда, — сказал инспектор. — Он был единственным пассажиром, ехавшим вниз, и его было нетрудно опознать по меховым ботинкам даже сквозь метель. Медицинское заключение еще не пришло, но я видел рану и готов биться об заклад, что пуля была выпущена справа, с расстояния около десяти футов, с точки, располагавшейся чуть выше или чуть ниже тела.

— То есть с одного из кресел, шедших вверх, — предположил Роджер.

Повисла пауза, показавшаяся бесконечной.

— Я видел его, когда ехал вверх, — сказал наконец полковник. — Кто еще тогда находился на подъемнике? Все мы, полагаю.

Генри окинул бар взглядом и ответил:

— Да, все здесь присутствующие за исключением миссис Бакфаст. Плюс мисс Уиттакер, мистер Пассденделл, баронесса, Герда и дети.

— А вы, мистер Тиббет? — ехидно вставил Роджер.

— Я — нет, — ответил Генри. — Моя жена забыла в «Олимпии» свои лыжные очки, мы вернулись за ними и выпили там с Пьетро, а у подъемника оказались как раз в тот момент, когда несчастный Хозер подъехал к нижней станции.

— На редкость удачно для вас получилось. — Роджер бросил на Тиббета тяжелый холодный взгляд. — Это означает, что вы двое, миссис Бакфаст и Книпферы — единственные постояльцы «Белла Висты», которые вне подозрения? Я прав?

— Да, — ровным голосом ответил Генри. — Правы.

Роджер встал.

— Понятно, — произнес он. — Ну что ж, даже осужденный убийца имеет право быть накормленным, насколько я знаю. Так что я иду есть. Франко, вы со мной?

— Я не голоден, — ответил итальянец, белый как мел.

— Как угодно, — сказал Стейнз и зашагал из бара в столовую.

— Должен сказать, вы это заслужили, Тиббет, — заметил полковник Бакфаст. — Можно было бы сделать все потактичнее, знаете ли.

— Прошу прощения, — извинился Генри. — Просто я думал, вы все захотите узнать, как обстоят дела, до того как приедет полиция и начнет задавать вопросы.

— Но они же не могут всерьез полагать, что кто-то из нас... — Незаконченный вопрос миссис Бакфаст повис в воздухе между тремя мужчинами, как облако дыма.

— Боюсь, что могут, — сказал инспектор. — В конце концов, они ничего не знают ни о ком из нас, да и мы знаем друг о друге ничтожно мало. Однако осмелюсь предположить, что очень скоро узнаем гораздо больше. Пойдем есть? — добавил он, обращаясь к жене.

Та кивнула, и вдвоем они молча направились к выходу сквозь почти осязаемое ощущение страха, клубившегося, как туман, среди домашнего уюта альпийского бара.

Глава 6

В половине девятого в отель прибыл капитан Спецци с полудюжиной карабинеров; подъемник был запущен на короткое время для единственной цели: доставить Его Величество Закон в «Белла Висту». Полицейские тут же приступили к бесплодным поискам оружия, между тем как Спецци с разрешения синьора Россати превратил его кабинет в допросную. Устроившись, капитан отпустил своего стенографиста — нескладного долговязого юношу, почти не открывающего рта, но записывающего все в аккуратный блокнот с точностью хорошо смазанного механизма. Потом Спецци попросил пригласить к нему Тиббета.

— Должен признать, инспектор, вы были правы сегодня днем, — начал он по-итальянски с грустной улыбкой. — Все случилось даже быстрее, чем вы предсказывали.

— Я виню себя, — сказал Генри. — Мне следовало прийти к вам раньше, но было слишком мало информации. Мне и в голову не приходило, что может случиться что-то подобное.

— Вам совершенно не в чем себя винить, мой друг, — горячо запротестовал капитан. — Напротив, это моя ответственность, потому что преступление совершено на моей территории.

Он вздохнул, несколько мелодраматично, и предложил Генри черную грубую сигарету из ярко-оранжевой пачки. Инспектор вежливо отказался. Несколько секунд в комнате царил тишина.

— Что ж, по крайней мере, теперь нет никаких сомнений, что Хозер был «нашим человеком», — наконец произнес Генри.

Спецци пожал плечами.

— В жизни, дорогой инспектор, всегда есть место для сомнений...

— В жизни — возможно, — ответил Тиббет. — Но не в смерти. По моему разумению, убийство Хозера ставит все точки над і.

— Он был плохим человеком. — Капитан снова вздохнул и с небрежным изяществом сел за стол Россати, вытянув ноги. — Согласен, он был глубоко вовлечен в распространение наркотиков. И, подозреваю, еще кое во что. Шантаж разного рода. Но общая картина все еще далеко не ясна.

— Думаю, — сказал Генри, — мы имеем дело одновременно с двумя проблемами. Первая — и во многих отношениях менее важная — состоит в том, чтобы выяснить, кто убил Фрица Хозера, человека, о котором, безусловно, можно сказать, что мертвый он лучше, чем живой. Вторая — в том, чтобы выявить и обезвредить организацию, которая провозит кокаин из Танжера в Европу. Хозер мог быть всего лишь звеном в этой цепи, а мог — и главой всего предприятия. Эти проблемы, возможно, связаны друг с другом, а возможно, и нет.

— После того как вы ушли сегодня днем, — сообщил Спецци, — я подготовил для вас полный отчет о том, что нам уже известно об этой наркоцепи. Хотите послушать?

— Конечно.

Капитан достал из портфеля пачку бумаг и полистал их.

— Думаю, я могу коротко резюмировать все это. Римской полиции известно все о частной яхте, перевозящей контрабанду из Танжера на Сицилию... Они в любой день могут арестовать судно, но банда быстро найдет другое. Я согласен с вами, что кокаин почти наверняка доставлялся из Рима в Санта-Кьяру в портфеле Хозера, а отсюда попадал в Австрию; зимой на лыжах, а летом — в рюкзаках скалолазов... Маршрут очевиден. Но нам не удалось выяснить, кто перевозил наркотики и каким образом, хотя мы тщательно проверяли всех лыжников. Затем, как известно вашим коллегам, эта дрянь добиралась также и до Лондона; и тут мы снова в полном неведении о том, как банда проводила свои операции, хотя у меня есть кое-какие соображения. Так или иначе, это объясняет, почему мы не действовали быстрее. Хотелось накрыть всю организацию и выявить ее руководителя. С этой точки зрения смерть Хозера — большая неприятность.

— Значит, вы полагаете, что с его смертью наркотрафик не прекратится? — уточнил Генри.

— Честно говоря, инспектор, не знаю. Если он был лишь наемной лошадкой — конечно, нет, но детали будут изменены, и нам придется все начинать сначала. Если же он был главой дела, — Спецци сделал многозначительный жест руками, — я бы предпочел видеть этого наркоторговца живым в тюрьме, а не мертвым в могиле, чтобы негодя осудили в назидание другим. Однако — перейдем к нашей текущей работе.

— Вы получили медицинское заключение? — спросил Тиббет.

Спецци пододвинул ему лист бумаги, плотно заполненный машинописью. Сквозь дебри медицинской терминологии довольно ясно вырисовывались простые факты. Хозер был убит пулей, выпущенной из пистолета тридцать второго калибра, выстрел произведен с расстояния около десяти футов справа и немного снизу от жертвы. Пуля пробила сердце, и смерть наступила мгновенно, это случилось менее чем за час до того, как тело осмотрел врач. Никаких других ран обнаружено не было.

— И никаких следов оружия, разумеется, — заметил Генри, рассеянно потирая затылок, что всегда служило у него признаком нетерпения.

— Разумеется, нет. Сейчас мои люди обыскивают отель, а завтра осмотрят всю трассу под канатной дорогой. Но это пустая трата времени. Револьвер, выброшенный с подъемника в расселину и мгновенно засыпанный снегом... Мы его до лета не найдем.

Тиббет кивнул.

— Что я на самом деле хотел бы узнать, — проговорил он, — так это как можно больше о самом Хозере: его биографию, все, что вам известно.

Спецци сделал глубокий вдох.

— Это все здесь, — он похлопал по стопке бумаг, — но я могу сразу сказать вам: наши сведения пока неполны. Естественно, мы начали собирать информацию об этом человеке, как только он попал под подозрение, но это было не так давно. Я все еще жду последний отчет из Рима. Вы, конечно, знаете, что он был итальянцем.

— Итальянцем?

— Он родился в тысяча девятьсот первом году в Санта-Кьяре.

— Здесь, в этих местах?

Капитан улыбнулся.

— Да. Разумеется, родился он австрийцем, но в тысяча девятьсот девятнадцатом году, как и все местные жители, стал гражданином Италии. Происходил из простой крестьянской семьи, но был умен — можно даже сказать, обладал выдающимися способностями. Окончив деревенскую школу, получил стипендию Венского университета, а за время учебы стал весьма состоятельным человеком — почти подозрительно состоятельным. Опуская все последующие события, — Спецци как бы отмел их движением руки, — которые трудно проследить достоверно, можно с уверенностью сказать, что в конце концов он попал под подозрение в нелегальном провозе наркотиков. До суда дело так и не дошло — скорее всего, не хватило доказательств. Но, так или иначе, Хозера явно спугнули. В тысяча девятьсот двадцать четвертом году он продал свою практику и уехал из Вены. Тут в наших сведениях наступает провал, который пока заполнить не удалось, — а может, никогда и не удастся. В следующий раз он объявился в тысяча девятьсот тридцать шестом году в Мюнхене.

— Это связано с политикой?

— А вот это как раз интересно. Похоже, что политических убеждений у него вообще не было.

— Как это возможно — в Германии, прямо накануне войны?

— Тем не менее. Скажем так: Хозер не был активным антифашистом, иначе он бы не выжил, не говоря уж о том, что не получил бы разрешения на работу, даже притом что отношения между нашими двумя странами, безусловно, были... сердечными... в то время.

Капитан помолчал, испытывая некоторую неловкость, потом быстро продолжил:

— В любом случае на публике Хозер старательно избегал любой политической определенности. До конца тысяча девятьсот тридцать восьмого года он практиковал в Мюнхене, потом переехал в Берлин. К тому времени он был уже человеком богатым, модным доктором. Большой дом, два автомобиля...

— И никаких связей с партией?

— Ничего такого, что можно было бы доказать. Среди его пациентов были нацисты, это само собой разумеется. Но врач едва ли может нести ответственность за политические взгляды своих больных. Никого из партийной верхушки он никогда не лечил. Его контингент разделялся на представителей старой аристократии, семей военных и мир богемы: актеров, актрис, музыкантов, кинорежиссеров. Гонорары у него были высокие, и жил он припеваючи.

— А что случилось, когда началась война? — спросил Генри.

— Он вернулся в Италию. За все эти годы Хозер никогда не менял своего итальянского гражданства. Переехал в Рим и открыл практику там.

— В Риме он был так же успешен?

— Друг мой, наши страны были тесно связаны между собой, а мир богемы интернационален. Со своими берлинскими рекомендациями он очень скоро оброс клиентурой в Риме. Когда Италия вступила в войну, пошел работать в большой госпиталь и тем самым избежал службы в армии.

— Он был фашистом? — поколебавшись, уточнил Тиббет.

Спецци пожал плечами:

— А кто не был? Уверяю вас, инспектор: если поговорить с любым из нас, итальянцев, теперь, можно подумать, что не было ни одного человека, который поддерживал Муссолини. Тем не менее очевидно, что таких людей было множество. Партия у власти — приходится соглашаться. Но большинство из нас хотели только одного: мирно прожить свою жизнь... а для этого надо было не участвовать в антифашистских демонстрациях. Как я уже говорил, Хозер политикой не интересовался... как и подавляющее большинство из нас.

— Понятно, — кивнул Генри.

Спецци поспешно продолжил:

— Еще четыре года назад у нас не было никаких сведений о его преступной деятельности — наши люди в Риме как раз сейчас работают над этим. Хозер уволился из госпиталя по окончании войны и по всем признакам был успешным законопослушным

врачом. Только когда вспыхнуло дело Карони, появился намек — всего лишь легкий намек — на подозрения в отношении него. Вы помните это дело?

— Конечно, помню, — подтвердил Тиббет. — И помню, какую сенсацию сделала из него пресса по всему миру. В скандал с торговлей наркотиками в Риме оказались вовлечены известные персоны. Умершая девушка была актрисой, не так ли? София Карони... Подождите минуточку. Актриса. Вы хотите сказать, она была пациенткой Хозера?

— Именно, — ответил Спецци. — Таким образом, на него пали подозрения, как пали бы они на любого врача, независимо от того, виновен он или нет. Доказательств не нашли — никаких. Но Хозер был — сама осмотрительность. Прежде чем дело дошло до суда, он объявил о своем намерении оставить врачебную практику и посвятить себя научным исследованиям. Он основал небольшую лабораторию, где проводил совершенно законные эксперименты, связанные с вирусными заболеваниями. Время от времени публиковал в некоем медицинском журнале ничем не примечательные статьи. Много путешествовал. В декларациях указывал, что его лаборатория финансируется благодаря инвестициям.

— Чего я не понимаю, — заметил Генри, — так это того, что он говорил только по-немецки и обращались к нему «герр Хозер» — даже не «доктор Хозер». Если он был итальянским гражданином и работал в Риме...

— Мой дорогой инспектор, — с улыбкой ответил Спецци, — разве у вас в Англии нет такого снобистского понятия, как «заграничный доктор»? Хозер работал в Австрии и Германии, и это был типичный прием — выдавать себя за знаменитого венского врача. Пациенты не просили его предъявить паспорт. Что же касается «герра Хозера», то им он был только в Санта-Кьяре, где, кстати, никогда не акцентировал внимания на своей профессии. В Риме он всегда был «доктором Хозером».

— Это его настоящая фамилия?

— О да. В здешних краях у многих до сих пор австрийские фамилии. Когда регион отошел к Италии, кое-кто фамилии сменил — так же, как были переименованы города и деревни. Монтелунга, например, раньше была Лангенбергом, а для некоторых людей остается им и по сей день.

— А что насчет остальных членов семьи Хозера — тех, которые не покидали здешних краев?

— Никого не осталось, — ответил Спецци. — Родители умерли много лет назад, а единственный брат погиб на войне.

— Понятно, — протянул Генри. — Так что именно впервые вызвало подозрения против Хозера в Риме — если не считать дела Карони?

— А никаких подозрений и не было еще несколько недель тому назад. Но тогда он совершил свою первую ошибку, вернее, кто-то совершил ее за него.

— И что это было?

Капитан помолчал.

— Существуют, — сказал он, — и всегда существовали молодые люди авантюрного склада ума, которые находят торговлю наркотиками неодолимо привлекательным занятием. Такие юные пираты в особо больших количествах появляются после войн. Они послужили в морском флоте... научились жить опасно, управлять судами... Эти люди получают доступ к какому-нибудь судну и перевозят контрабанду. Для многих из них Танжер становится подходящей стартовой площадкой.

— Мне ли не знать, — кивнул Тиббет. — Все начинается как веселая шалость — сигареты, бренди, а потом... — Он вдруг запнулся. Спецци посмотрел на коллегу и ухмыльнулся.

— Ага, инспектор, теперь понимаете?

— Роджер Стейнз, — медленно произнес Генри. — «Нэнси Мод». Три года тому назад. Это была его яхта...

— У вас прекрасная память.

— Память у меня паршивая, — раздраженно возразил англичанин. — Я должен был

сразу сообразить. Посмотрим, что я смогу вспомнить теперь. «Нэнси Мод» была арестована на Сицилии с грузом контрабандных сигарет. На борту находилось два матроса-итальянца. Стейнз лично привел яхту из Те-Солент²² в Танжер и гостил там у друзей. По его утверждению, судно украли — он не появлялся на нем десять дней и потому не знал о пропаже. Итальянцы же, со своей стороны, настаивали на том, что он специально нанял их, чтобы они совершили рейс, пока он сам будет оставаться на берегу. Правда, они зашли слишком далеко, утверждая, будто не знали, что за груз перевозят. Оправдание было весьма слабым, учитывая, что их взяли в момент, когда они в два часа ночи перевозили сигареты на лодке с яхты на берег какого-то заброшенного ручья. Полиция поверила Стейнзу, и итальянцы отправились в тюрьму. Я все правильно излагаю?

— Абсолютно. Не думаю, что вы запомнили имя парня, который заправлял там.

Генри покачал головой и признался:

— Тут вы меня поймали.

— Да это и неважно. Его звали Донати, в близком кругу он был известен под миленьким прозвищем Лупо — волк. Преступный тип, каковым он остается и поныне.

— Но ведь тогда речь шла лишь о сигаретах, — вставил Тиббет. — Это же не были...

— Разумеется, это были сигареты — тогда. Лупо Донати вышел из тюрьмы два года назад. Он вернулся на море, поступил на какое-то торговое судно, но служба была тяжелой, и он оставил ее. В прошлом году Лупо обзавелся собственным судном — симпатичным маленьким катером, который называется «Кариссима». Как вы понимаете, за катером велось пристальное наблюдение, особенно после того, как тот начал совершать регулярные рейсы в Танжер. Очевидно, что у самого Лупо не было денег на такой катер, — значит, кто-то финансировал его приобретение. Несколько недель тому назад мы получили твердые доказательства того, что «Кариссима» перевозит наркотики, но какой был смысл снова арестовывать Лупо? Мы хотели выяснить, кто стоит за ним. Поэтому, когда он прибыл в Рим, мы вызвали его на допрос. Сначала тот страшно испугался. Потом полицейские сумели убедить его, что верят его рассказам, и Лупо решил, что ему удалось всех провести, — молодой человек тщеславен. И вот, покинув полицейский участок, очень довольный собой, он проявил неосмотрительность: взял такси и поехал прямо в лабораторию Хозера.

— Неужели?

— Хозер сам открыл ему дверь. Он страшно разозлился, притворился, будто не знает Лупо, и прогнал его. Но этого было достаточно. Началось расследование. Римская полиция заинтересовалась частыми визитами Хозера в Санта-Кьяру. Возможно, в том, что он посещал свою малую родину, ничего предосудительного не было, а возможно, и было. И почему он останавливался именно в «Белла Висте», если не катался на лыжах? Картина начинала проясняться. И тут какой-то болван убивает его.

— Вы что-то говорили о шантаже... — начал Генри.

— Это только подозрение. В Риме выясняли источники его доходов. В лабораторию Хозера и впрямь поступает немало инвестиций. Но много денег приходит и на его личный банковский счет, всегда наличными, одинаковые суммы через одинаковые промежутки времени. А это может означать шантаж, разве нет?

— Нет, то есть я имею в виду — да, — ответил Тиббет.

— Ну вот, теперь вы знаете столько же, сколько и я.

— Спасибо, капитан.

Генри размышлял.

— Рим, Вена, Берлин... но не Лондон. А между тем связь с Лондоном должна существовать, потому что мы знаем: эта дрянь туда проникает... откуда-то. Может, и по другому каналу. В том, что касается нас, все очень неопределенно. В любом случае трудно заподозрить кого-либо из гостей здесь англичан в подобных делах — за исключением

²² Пролив в северной части Ла-Манша, отделяет остров Уайт от южного берега Великобритании.

Роджера Стейнза. Но почему-то я не думаю... Ладно, гадать нет смысла. Кстати, — добавил инспектор, — что насчет багажа Хозера?

— Его обнаружили в «Олимпии», — сообщил Спецци. — Я лично осмотрел вещи и не нашел ничего интересного, если не считать того факта, что замок на портфеле был сломан. Это могло случиться как давно, так и сегодня — кто знает? На вещах не обнаружено никаких отпечатков пальцев, кроме отпечатков бармена «Олимпии», который вносил их.

— А что было в портфеле?

— Незаконченный медицинский трактат о вирусных заболеваниях и несколько порнографических журналов, — ответил капитан с оттенком брезгливости.

— Не слишком щедрый улов, — улыбнулся Генри. — А в карманах нашлось что-нибудь интересное?

— Нет, — коротко ответил Спецци. — Ключи от квартиры, деньги, чековая книжка, носовой платок. Только то, что обычно носят в карманах.

— Ну что ж, — заключил Тиббет, — наверное, на большее надеяться и не стоило.

Он взглянул на часы.

— Уже поздно. Я должен вас покинуть и дать возможность провести опрос.

Спецци смущенно посмотрел на него.

— Я хотел бы попросить вас об одолжении. Как вы понимаете, нужно опросить всех, кто так или иначе связан с этим делом. А мой английский, — итальянец застенчиво улыбнулся, — не слишком хорош. Я был бы вам чрезвычайно признателен, если бы вы взяли на себя опрос английских постояльцев. Разумеется, я буду присутствовать, так же, как, надеюсь, вы будете присутствовать при моих беседах с остальными.

Генри сделался глубоко несчастным.

— Я понимаю, друг мой, — ласково произнес капитан, — вы уже подружились с этими лыжниками...

— И они не знают, кто я и зачем здесь нахожусь, — продолжил за него Генри. — Ну, ладно, полагаю, вызывать неприязнь — часть моей профессии. Хорошо, я это сделаю. А ваш парнишка, случайно, не умеет стенографировать по-английски?

— Боюсь, что нет.

— Тогда, может, вы не станете возражать, если моя жена тоже будет сидеть с нами и делать заметки для меня?

— Я буду в восторге, — галантно ответил капитан, невольно оглядываясь в поисках руки, которую следовало поцеловать.

Таким образом, Эмми и молодой карабинер были приглашены и посажены в противоположных концах комнаты на маленьких жестких стульях. У каждого в руках был блокнот. Капитан вольготно устроился во вращающемся кресле за столом Россати, а Генри присел на подоконник, мечтая оказаться за тысячу миль отсюда.

— С чего начнем? — спросил Тиббет.

— Прежде всего нам нужны факты. — Спецци подтянул поближе бювар со стопкой белоснежной бумаги и написал на первом листе: «Хронология событий». На Генри, склонного вести опросы свидетелей, полагаясь в основном на интуицию, это произвело впечатление.

— Предлагаю начать с синьора Россати, — сказал капитан.

Глава 7

Любого человека, оказавшегося на месте синьора Россати, можно было бы простить за излишнее волнение и недовольство. Смерть постояльца — событие неприятное для

владельца отеля в любой ситуации, не говоря уже об убийстве, в связи с которым большая часть гостей становится подозреваемыми; добавьте к этому унижение от того, что вас допрашивают в собственном кабинете, где вы вынуждены сидеть на краешке жесткого стула, между тем как самодовольный полицейский вальяжно развалился за вашим столом, — и почти любая степень беспокойства и раздражения покажется объяснимой и вполне простительной.

Внешне, однако, синьор Россати держал удар очень достойно. Он сидел, сложив вместе толстые красные ладони, и смотрел на капитана с выражением одновременно уважительным и настороженным.

Спецци говорил неторопливо и спокойно:

— Прежде всего мы хотели бы как можно точнее восстановить передвижения каждого из тех, кто находился в отеле, синьор Россати. Начнем с герра Хозера. Когда вы впервые увидели его сегодня?

— Сегодня... это было в девять часов, во всяком случае, близко к этому времени...

— Он уже позавтракал?

— Он как раз завтракал. Сам я обычно ем у себя в комнате и после этого перехожу в рабочий кабинет. Но сегодня Анну, буфетчицу, послали за мной с просьбой, чтобы я спустился в столовую.

— Вы всегда позволяете беспокоить вас в это время?

— Герр Хозер был важным клиентом отеля. Я всегда готов пойти на небольшие уступки.

— И чего он от вас хотел?

— Он попросил подготовить счет, так как собирался уехать из Санта-Кьяры на одиннадцатичасовом поезде, как он сказал, и, скорее всего, до отъезда уже не планировал возвращаться в отель.

— Кто-нибудь это слышал?

— Кто-нибудь? — Россати сделал выразительный жест. — Да все, *caro Capitano!*²³ Там же были все гости — разве не так? — Последний вопрос он адресовал Генри, чье присутствие, кажется, не вызвало у него никаких вопросов. Тиббет коротко кивнул.

— На каком языке он говорил? — вдруг спросил капитан.

— На немецком, конечно.

— Конечно. В деревне мне сказали, что и вы предпочитаете говорить по-немецки, синьор Россати. Это так?

— Я... — Теперь Россати явно был смущен. — Я говорю на обоих языках, как вы знаете, капитан. У меня нет политических взглядов — вообще никаких...

— Тем не менее вы предпочитаете говорить по-немецки?

— Ну я... для нас, жителей этого региона, капитан, эти два языка равно...

— Но вы-то не всю жизнь прожили в этих местах, верно, синьор Россати? — Голос капитана звучал спокойно и непринужденно. — Судя по вашему акценту, я бы предположил, что вы родом из Рима.

Последовала едва заметная пауза.

— Да, я родился в Риме, капитан.

— И у вас не было никаких связей с Австрией или Германией?

— С тех пор как я живу здесь, они неизбежны...

Спецци улыбнулся.

— Вы меня неправильно поняли, синьор. Я не имел в виду, что у вас есть какие-то связи с этими странами. Наоборот, я задался вопросом: почему римлянин, не говоривший по-немецки, в совершенстве овладел языком всего после нескольких лет... кстати, сколько точно времени вы живете здесь?

²³ Дорогой капитан (*ит .*).

— В марте будет три года... — Голос Россати упал почти до шепота.

— Всего три года — и такое знание языка, — продолжал Спецци, — что вы предпочитаете общаться по-немецки. Впрочем, вам, вероятно, сейчас не до дискуссий на эту тему. У нас будет для этого еще время. А в данный момент нам нужны факты.

В наступившей тишине красный, как свекла, Россати пухлым указательным пальцем ослабил ворот рубашки.

Капитан продолжил так же мягко, как прежде:

— Итак, Хозер по-немецки попросил подготовить счет в девять часов утра, в присутствии гостей, которые могли его слышать. Что он сделал потом?

— Закончил завтракать, и мы с ним вдвоем пошли сюда, — ответил Россати. Голос у него чуть заметно дрожал. — Я выписал счет, и он его оплатил.

— Чеком?

— Нет... вообще-то... наличными...

— Можно поинтересоваться, на какую сумму был выписан счет?

Как ни удивительно, этот вполне закономерный вопрос, похоже, привел Россати в смятение. После минуты сомнений владелец отеля сообщил:

— Большую часть счета Хозер оплатил уже на прошлой неделе.

— Что вы имеете в виду?

— Только то, что сказал, капитан. Он провел здесь три... Да, сегодня ровно три недели. Но в прошлые выходные он собрался было уезжать и оплатил счет. А потом передумал и остался...

— У вас есть соображения, почему он так поступил?

— Ни малейших. Ни малейших, уверяю вас. Он — человек... конечно, теперь следует говорить «был человеком» состоятельным, капитан, и ему нравилось жить в моей маленькой гостинице. Поэтому, наверное, и решил задержаться еще на неделю.

— Стало быть, сегодня утром он оплатил счет за одну неделю наличными. И после этого?..

Синьор Россати заметно расслабился, явно решив, что худшее позади.

— Герр Хозер отправился наверх — должно быть, собрать вещи. Я видел, как посыльный снес его багаж вниз около... думаю, было около половины одиннадцатого. Как раз в тот момент, когда Анна несла кофе миссис Бакфаст на террасу, а она всегда...

— Его багаж находился в кафе «Олимпия», — сообщил Спецци. — Когда его туда отправили?

— Не могу сказать. Перед ленчем, наверное. Посыльный скажет вам точнее.

— А когда вы в следующий раз увидели герра Хозера?

— Он звонил из моего кабинета около одиннадцати часов.

Спецци, заинтересовавшись, подался вперед.

— Куда? — спросил он.

— В Инсбрук, капитан. Больше ничего не могу вам сказать. Я, разумеется, оставил его одного, пока он разговаривал.

— Понятно. Видели ли вы его еще?

— Только сегодня вечером. — Теперь Россати отвечал легко и свободно, без колебаний. — Я предполагаю, он обедал в деревне, так как здесь его не было. На самом деле я думал, что он уехал окончательно, но, когда зашел в бар незадолго до пяти, чтобы проверить, все ли готово к возвращению лыжников, он оказался там.

— Вы с ним говорили?

— Перекинулись словечком, не более. Кажется, я сказал, что не ожидал увидеть его снова, а он напомнил, что уезжает только последним поездом. Я спешил, поскольку у меня была назначена встреча в деревне.

— Можно поинтересоваться — с кем?

— Конечно, капитан. С банковским управляющим. А после этого я собирался встретиться с другом в «Олимпии», но, к сожалению, тот не пришел. Я как раз ждал его там,

когда... когда синьора Тиббет пришла с этой вестью...

Специ, делавший заметки на бумаге в раскрытом бюваре, поднял голову.

— Прежде чем мы пойдем дальше, — сказал он, — я хотел бы получить точное представление о ваших собственных передвижениях в течение дня. Мы остановились на девяти часах утра, когда Хозер в этой комнате оплачивал свой счет. Что вы делали потом?

— Мои дни складываются рутинно, капитан. Это вам подтвердит весь мой персонал. Всегда одно и то же — или почти одно и то же. Когда герр Хозер оплатил счет, я вернулся к себе, допил кофе, потом пришел сюда, чтобы сделать записи в бухгалтерских книгах.

— Вы видели, как выходили лыжники?

— Честно говоря, нет, капитан. В холле в это время постоянно кто-то входит, кто-то выходит, а поскольку ведение учета требует сосредоточенности, я ни на что не обращаю внимания, если меня не отвлечет кто-нибудь, кому нужно со мной поговорить.

— А сегодня кто-нибудь вас отвлекал?

— Нет, капитан.

— Понятно. Что потом?..

— К десяти часам лыжники ушли на трассы. Я, как всегда, пошел на кухню согласовать завтрашнее меню и проверить, все ли в порядке с сегодняшней едой. Когда я возвращался к себе в кабинет, Анна несла кофе миссис Бакфаст, а Беппи, посыльный, нес по лестнице багаж герра Хозера. В кабинете я напечатал меню ленча и обеда, составил списки закупок. Вот когда я этим занимался, и пришел герр Хозер, чтобы позвонить.

— Ясно. И этим вы занимались вплоть до ленча?

— Да. Еще я разбирал почту. Марио доставляет письма из деревни, когда приезжает, чтобы запустить подъемник. Сегодня писем было немного — обычные счета, квитанции и парочка запросов о бронировании.

— В какое время вернулись лыжники?

— Около половины первого. Сегодня это были только те, кто посещает класс для начинающих, — кроме синьора Тиббета, его с ними не было.

— Совершенно верно, — вставил Генри, — я поел в деревне.

— И, конечно, бедная фройляйн Книпфер была здесь, — добавил Россати.

— Вы разговаривали с кем-нибудь из них?

— Я всегда захожу в бар перед ленчем, чтобы перекинуться словечком с гостями, капитан, — просто чтобы убедиться, что они всем довольны. Сегодня там были только мистер Пассденделл и молодая английская леди.

— И они были довольны?

— Думаю, да. Откуда я могу знать? Жалоб они не высказывали...

— А о чем они разговаривали?

— Ну о чем разговаривают все лыжники? — просиял Россати. — Снег... Утренние занятия... Каких успехов они добились... Об инструкторе.

— И никаких других тем?

— Нет, капитан.

— Что вы делали потом?

— Съел свой ленч в гостиной, как обычно.

— Тогда откуда вы знаете, кто присутствовал на ленче? Кто-то ведь мог появиться позднее.

— Знаю, потому что Анна приносит мне счета за подписью тех, кто присутствовал.

— Был ли сегодня среди них кто-нибудь, кто не живет в отеле?

— Нет, капитан. Иногда к нам заходят другие лыжники или те, кто поднимается сюда ради красивого вида, но для таких сезон еще не наступил.

— А после ленча?

— Ничего особенного, капитан. Я немного отдохнул у себя в комнате, почитал газеты. Вскоре после четырех Беппи позвал меня посмотреть одну из верхних комнат, где на потолке появилось сырое пятно. Отель — дело такое: все время что-то требует починки, вечные

расходы. Потом я снова пошел на кухню, убедиться, что все готово к обеду, и захватить новую бутылку бренди для бара. Когда я ее принес, то заметил герра Хозера, как уже говорил. После этого я на подъемнике спустился в деревню.

Спецци что-то отметил в своих записях и сказал:

— Благодарю, синьор. Вы нам очень помогли. Еще один-два вопроса. Герр Хозер часто бывал здесь прежде?

— О, много раз. С тех пор как я здесь, он приезжал по несколько раз каждый год.

— Он и раньше проводил здесь по три недели?

— Он... нет, обычно это была одна неделя или две...

— Ясно. Синьор Россати, у вас есть оружие?

— Оружие? — Россати снисходительно улыбнулся, словно разговаривал с ребенком. — Зачем мне оружие, капитан?

— Хозер был застрелен. У кого-то должно было быть оружие.

Улыбка Россати сделалась шире.

— Это очень просто, капитан. В этой гостинице оружие было только у одного человека, и этот человек — сам герр Хозер. Я много раз видел его пистолет.

— Он вам его показывал?

Небольшая заминка.

— Я... видел его. Такой маленький автоматический пистолет. Герр Хозер держал его в портфеле.

— Есть ли у вас догадки, зачем ему был нужен пистолет?

Россати пожал плечами.

— Откуда мне знать? Он много путешествовал. Вероятно, у него были враги... теперь ясно, что были, раз он убит.

Спецци сидел, подавшись вперед и слушая очень внимательно.

— Кто, кроме вас, знал про пистолет?

— Вы задаете вопросы, на которые невозможно ответить. Откуда мне знать? В таких отелях, как этот, среди постояльцев не принято запираеть двери комнат...

— И герр Хозер не запирает свой номер? — Спецци взглянул на Генри и вопросительно поднял брови. — Вы в этом уверены, синьор Россати?

— Не могу утверждать, что он никогда его не запирает, но не могу вспомнить и случая, чтобы он это делал. И зачем бы? Никто ведь не запирает.

Улыбка Россати стала совсем слащавой.

— Значит, кто угодно мог знать о пистолете и кто угодно мог его украсть?

— Si, капитан.

— Вы его украли? — Вопрос вылетел словно пуля, но Россати ничуть не встревожился.

— Я? А зачем? Герр Хозер был ценным клиентом...

— Когда вы в последний раз видели этот пистолет?

Россати подумал.

— Точно не помню, капитан. На этой неделе, на прошлой... Не могу сказать. Просто я знал, что герр Хозер всегда носит его с собой.

Спецци выглядел недовольным, но добиться более точного ответа не смог, поэтому капитан ограничился тем, что бросил на Россати сердитый взгляд и сказал:

— И последний вопрос. Каково ваше личное впечатление о герре Хозере как о человеке? Он вам нравился?

— Он был ценным клиентом.

— И поэтому нравился вам?

— Конечно. Другое отношение вредило бы бизнесу.

Спецци посмотрел на Генри.

— Есть ли у вас вопросы к синьору Россати? — спросил он, затем, повернувшись к хозяину отеля, объяснил: — Синьор Тиббет имеет отношение к английской полиции. Он помогает мне в расследовании.

Если для Россати это и было новостью, он никак того не продемонстрировал, лишь кивнул и перевел взгляд со Спецци на Генри.

— Только один, — сказал Тиббет. — Когда вы встречаетесь в деревне с друзьями, в каком баре это обычно происходит, синьор Россати?

— Это бывает очень редко, синьор. Я...

— Но в каком заведении?

— В... в баре «Шмидт», как правило, синьор. Видите ли, этот бар... этот бар скорее для местных жителей, чем для туристов...

— Однако вчера вечером вы ждали своего друга, который не пришел, в «Олимпии»?

— Мой друг — один из лыжных инструкторов, синьор, — поспешно пояснил Россати. — А они предпочитают «Олимпию».

— Понимаю, — сказал Генри. — Это все.

— Спасибо, синьор Россати, вы можете идти. — Спецци взглянул на кнопку звонка, встроенную в край стола. — Когда я позвоню, пожалуйста, попросите... — Он обернулся к Генри. — Кого из группы англичан вы предпочитаете видеть первым?

— Послушайте, — сказал Генри, — я не хочу вмешиваться в ваши планы, но уже почти десять часов, и если я начну опрашивать своих соотечественников сейчас, мы проторчим здесь всю ночь. Нельзя ли отложить это до утра?

— Как угодно. — Спецци, похоже, остался недоволен. — Итак, синьор Россати. Скажите гостям, что они могут отправляться спать, когда захотят, но им не разрешается покидать отель ни сегодня вечером, ни завтра утром. Мы начнем в половине десятого. Вы приготовили комнаты для моих помощников и для меня?

— Разумеется, *caro Capitano*. Я сам провожу...

Россати с удивительной живостью вскочил и снял два ключа с доски, висевшей на стене.

— Идите за мной, пожалуйста, — обратился он к помощникам капитана.

Когда двое полицейских были препровождены в их комнаты, владелец отеля вернулся в кабинет вместе с сержантом, отвечавшим за поиски пистолета. Тот мрачно доложил, что оружие не найдено.

— Не огорчайтесь, — произнес Спецци, — этого мы и ожидали.

Он распорядился, чтобы утром осмотрели трассу под канатной дорогой, после чего вызвал сонного Марио и велел тому запустить подъемник, чтобы доставить карабинеров в деревню.

— Еще кое-что, — заметил Генри. — На вашем месте я бы на несколько дней закрыл Имменфельдский спуск, если мы не хотим, чтобы кто-нибудь сбежал.

— Я это уже сделал, — не без самодовольства ответил Спецци.

Когда он и его помощник удалились в свои комнаты, Генри и Эмми переглянулись и обменялись улыбками.

— Пойдем, — сказал Тиббет. — Мне нужно выпить.

В баре были только Джимми, Роджер и Франко. Мужчины стояли в дальнем конце зала, облокотившись на стойку, сблизив головы и о чем-то серьезно беседуя. По другую сторону стойки Анна, зевая, натирала до блеска и без того сверкающий бокал. Было очень тихо. Когда вошли Генри и Эмми, все трое гостей подняли головы.

— Привет, — сказал Джимми. — Выпейте что-нибудь. Должен сказать, немало вы там пробыли. Что это было? Допрос третьей степени? Вы — главные подозреваемые?

— Я же сказал тебе, кто они, — кисло напомнил Роджер, залпом допивая бренди.

Джимми рассмеялся.

— Не обращайтесь внимания на Роджера, — сказал он. — Ему иногда приходят в голову самые экстравагантные идеи, к тому же он прилично набрался. По каким-то неясным причинам он считает...

— Я не считаю, я знаю, черт побери, — перебил приятеля Роджер. Отойдя от бара, он

нетвердой походкой направился к Генри. — Вы ведь — фараон, что, неправда?

— Да, — подтвердил Генри и добавил: — Уж извините.

— Тогда что вы здесь делаете? — спросил Джимми напряженным голосом.

— Провожу отпуск. Точнее, проводил.

— Чертов вун. — Роджер метнулся обратно к стойке и шваркнул об нее бокалом. — Еще бренди, Анна. Он же выслеживает... кого-то... спит и видит, как бы какого-нибудь бедолагу отправить на виселицу...

— Возьми себя в руки, старина, — несколько неуверенно предложил Джимми. — В конце концов, кто-то ведь убил нашего незабвенного друга Хозера, и лично я спал бы спокойнее, если бы этого человека поймали. Не очень приятно знать, что убийца на свободе и шастает где-то поблизости.

— Пожалуйста... О чем вы?.. Я не понимаю. — Франко переводил взволнованный взгляд с одного лица на другое, тщетно пытаясь вникнуть в суть разговора. Роджер повернулся к нему.

— Этот человек — английский полисмен, — сказал он по-итальянски.

— *Carabiniere*? — Напряжение на лице Франко сменилось улыбкой. — О, добро пожаловать, синьор. Это большая удача, правда?

— Нет, — мрачно ответил Роджер.

— Я очень рад, что вы так думаете, — печально сказал Генри, обращаясь к Франко. — Анна, можно нам два бренди?

— Я не знала, что вы так хорошо говорите по-итальянски, Роджер, — заметила Эмми.

— Просто я бил проклятых фрицев по всему побережью Италии. Есть возражения?

— Разумеется, нет.

Пока Анна наливала бренди в бокалы, все молчали, потом Франко вежливо извинился на вымученном английском и отправился спать. Джимми быстро допил свой бокал.

— Я тоже пошел, — сказал он. — Полагаю, веселье начнется завтра.

— Боюсь, что так, — ответил Генри. — Мы постараемся сделать все как можно безболезненнее.

— Очень любезно с вашей стороны, — сухо произнес Джимми. — Интересно будет наблюдать детектива в действии. Есть уже какие-нибудь зацепки?

— Еще слишком рано, — сказал Тиббет. — Кроме того, это совсем не мое дело — это дело местной полиции. Но они настояли, чтобы я провел опрос англичан, поскольку у них трудности с английским.

Несколько секунд Джимми смотрел прямо в лицо Генри, потом ухмыльнулся.

— Вы жалкая личность, — отрезал он. — Мне вас жаль.

И с этими словами вышел из бара.

Роджер уселся на табурет и стал разглядывать инспектора с выражением крайней неприязни.

— Отпуск, — проговорил он наконец. — Расскажите это моей бабушке. Какое странное совпадение: убийца появляется в тот самый момент, когда ищейка решает провести здесь свой отпуск. Вы не находите?

— Признаю, я совмещаю отпуск с небольшим делом, — невозмутимо сказал Генри. — Но это дело не касается убийства.

— Однако все это окажется так или иначе весьма полезным? — Роджер вдруг страшно разозлился. — Завтра вы собираетесь поджаривать нас на медленном огне. Ладно. Поберегите свой пыл до утра. И не думайте, что достаточно вам прийти сюда, выпить с нами — и мы поплывем. Я повидал много таких, как вы, и знаю одно: все, что они говорят, все, что они делают, все это — для одной-единственной цели: заставить человека оступиться и выдать себя. Но в данном случае это не сработает. Я иду спать.

— Мне жаль, что вы такого мнения, — ответил Генри, — потому что я пришел сюда для того, чтобы поговорить именно с вами.

— Да уж, кто бы сомневался.

— Когда я буду опрашивать вас завтра, там будет присутствовать итальянская полиция, а капитан достаточно хорошо понимает английскую речь. В любом случае допрос будет официальным, и Эмми будет все стенографировать.

— Как, и вы тоже «в деле»? — грубо бросил Роджер в сторону миссис Тиббет. — Жаль, вы мне весьма понравились.

— Поэтому я думал, — проигнорировав его замечание, продолжал Генри, — что это — последняя возможность поговорить с вами наедине.

— Ладно. Валяйте, говорите. Но не ждите, что я буду вам отвечать. Даю вам две минуты.

— Мне столько не нужно. Я просто хотел предупредить, чтобы завтра вы не совершили глупость. Поскольку вы в панике...

— Да как вы смеете!

— ...следите за тем, чтобы не потерять голову, иначе навлечете на себя реальные неприятности. Капитан Спецци знает все о «Нэнси Мод».

На несколько мгновений воцарилась мертвая тишина. Потом Роджер очень тихо произнес:

— Спасибо.

— Не за что. Вы же не предполагали, что эта история не всплывет?

— Это было давно. Я не думал, что возникнет необходимость вытаскивать ее на поверхность теперь...

— Тем не менее она будет упомянута. Так что, бога ради, говорите правду, вот и все. Идем, Эмми. Пора спать.

— Я тоже иду, — сказал Роджер.

Они покинули бар вместе и стали подниматься по крутой деревянной лестнице. У своей двери Роджер задержался и произнес:

— Только незачем растрезвонивать об этом... остальным.

— Конечно, — кивнул Генри. — Но я уверен, что... кое-кто из них уже знает, я прав?

— Нет, они не знают! — Роджер говорил очень темпераментно. — Никто не знает.

Он вошел в свою комнату и громко хлопнул дверью. Тиббеты услышали, как в замке поворачивается ключ.

Глава 8

Первое, что предстояло сделать Генри на следующее утро — составить телеграмму в Скотленд-Ярд, заместителю комиссара. Понимая, что для местной телеграфистки будет выше человеческих сил не поделиться с земляками содержанием такого документа — он не мог позволить себе понадеяться на то, что служащая не поймет английского текста, — Генри спросил капитана Спецци, нельзя ли начать опрос с итальянцев и немцев, чтобы Эмми успела съездить в Монтелунгу и отправить телеграмму оттуда.

Таким образом, англичане сидели на террасе в неловком молчании и пили кофе, между тем как Беппи, посыльного отеля, отправили к подъемнику подменить Марио. Несколько минут спустя Марио был препровожден в кабинет Россати. Спецци собирался начать утро с опроса баронессы, перед которой испытывал благоговейный трепет, но Герда лаконично сообщила ему, что хозяйка неважно себя чувствует и встанет лишь к ленчу. Спецци не стал спорить.

Марио с несчастным видом сидел на краешке стула, словно намокший воробей на телеграфном проводе, нервно скручивал в жгут свою шерстяную шапку шишковатыми пальцами и по очереди бросал испуганные смущенные взгляды на Генри, Спецци и

стенографа. Капитан был с ним очень мягок.

— Вы должны понимать, что мы ни в чем вас не обвиняем, — начал он, — но нам необходимо задать вам некоторые вопросы, чтобы выяснить правду о случившемся. Итак, ваше имя?

— Веспи, Марио, — выдавил старик.

— Марио, вы дежурили на верхней станции подъемника вчера вечером?

— Sì, Capitano. Я всегда там.

— Что вы можете нам рассказать о последнем спуске герра Хозера в деревню?

Это было Марио не по силам — с ходу составить складный рассказ. Он жалобно смотрел то на Спецци, то на Генри и молчал, словно язык у него прилип к небу.

— Ну, хорошо, скажите нам, в котором часу Хозер поехал вниз, — уточнил Спецци с легким раздражением.

— Это было... должно быть, минут в десять седьмого, капитан.

— Кто-нибудь еще ехал на подъемнике в это время?

— Нет. Было уже почти темно, поэтому никто из лыжников не поднимался.

— Но постояльцы «Белла Висты» еще не вернулись?

— Нет, капитан. Я еще подумал: что с ними случилось?

— Почему вы так подумали?

— Ну... Простите, капитан, это не мое дело, я знаю... господа поднимаются, когда пожелают, естественно, но...

— Думаю, Марио имеет в виду, — пояснил Генри, — что обычно мы возвращались в отель до половины шестого. Но вчера вечером мы все случайно встретились в «Олимпии» и засиделись там за чаем.

Марио послал Генри жалобно-благодарный взгляд.

— Ясно, — сказал Спецци. — Итак, приблизительно десять минут седьмого, подъемник пуст, постояльцы «Белла Висты» еще в деревне. Что случилось потом?

— Потом я увидел герра Хозера.

— Где?

— Он спускался по дорожке от отеля.

— Откуда вы узнали, что это он? Ведь было темно, и шел сильный снег.

Марио застыл от страха и нечленораздельно что-то пробормотал. Можно было разобрать только слово «ботинки».

— Какие ботинки?

— Ботинки герра Хозера, — чуть взбодрившись, пояснил старик. — меховые, — добавил он, — с черными пятнами. Я их хорошо знал; ну, и на дорожке был свет.

Потом он доверительно сообщил:

— Я его ждал.

— Ждали?

Марио вдруг снова испугался и быстро объяснил:

— Его багаж уже спустили вниз — перед ленчем, я сам его отправил... Беппи принес вещи из отеля и сказал, что никакой спешки нет, потому что герр Хозер уезжает только на последнем поезде. Поэтому я знал, что он сам тоже должен спуститься в деревню.

— Понятно. Герр Хозер вам что-нибудь сказал?

— Он, как всегда, сказал «доброй вечер», он был очень вежливым господином. — Взгляд Марио, устремленный на капитана, был полон надежды, что ответ того удовлетворил.

— Больше ничего?

— Нет, капитан. Я помог ему сесть в кресло и пожелал счастливого пути.

— Он выглядел как обычно? Был в хорошем настроении?

— Он был такой же, как всегда, капитан.

— И тогда вы видели его в последний раз?

— Sì, Capitano.

Спецци, хмурясь, изучил собственные заметки и спросил:

— Не можете ли вы поточнее указать время, когда герр Хозер отправился на канатной дороге вниз?

На лице Марио появились глубокие морщины.

— Простите, капитан... извините... я же не знал, что это важно...

Казалось, старик вот-вот расплачется.

— Не волнуйтесь, — успокоил его Генри. — Я могу назвать точное время. Спуск или подъем занимают двадцать пять минут, я это сам проверял. Когда Хозер достиг нижней станции, было без семнадцати минут семь. Так что, если вы хотите абсолютной точности, то он отчалил от верхней станции в... шесть восемнадцать.

— Благодарю вас. — Спецци с явным удовлетворением внес цифру в свои аккуратные записи.

— Только, капитан... — Марио, в попытке быть полезным, выдал дополнительную информацию: — Боюсь, это не совсем верно. Должно было быть шесть шестнадцать.

— Почему?

— Потому что подъемник остановился на две минуты вскоре после того, как герр Хозер сел в него, — сообщил Марио с триумфальным видом фокусника, доставшего яйцо из уха зрителя. — Предохранитель выбило, — добавил он.

— На вашем конце или на конце Карло?

— На моем, капитан. Бедный герр Хозер, он только начал спускаться, я видел, как он сидит в кресле. Ну, я постарался поменять предохранитель как можно быстрее, но это всегда занимает две минуты. Вы можете проверить в журнале, который я веду. И я знаю, что это правильное время, потому что записал его, посмотрев на часы у себя в будке. Они электрические, так что не врут, — добавил он с оттенком гордости.

— Благодарю вас, — сказал Спецци.

— Конечно, — продолжил Марио, воодушевившись, — это могло занять у меня немного больше двух минут. И тогда, значит, герр Хозер сел в кресло в... пятнадцать с половиной минут седьмого...

— Ладно, ладно, время определено уже достаточно точно, — брюзгливо сказал Спецци, чувствуя на себе насмешливый взгляд Генри, и подчеркнул цифру в своих записях. «Кое-кто, — словно бы говорило выражение лица капитана, — может сколько угодно ухмыляться по поводу точности деталей, но он еще убедится в подобной необходимости».

— Итак, — сказал Спецци после паузы, — что случилось потом?

— Ничего, капитан... пока не прибыли дамы и господа, живущие в «Белла Висте».

— И в какое время это было?

— Я... боюсь, что точно не знаю, капитан...

И снова на помощь пришел Генри.

— Думаю, я могу указать время, если вы действительно хотите его знать.

— Это совершенно необходимо, поймите вы наконец, пожалуйста, — язвительно заметил Спецци по-английски.

— Разумеется, — согласился Генри. — Так вот, мы сидели в «Олимпии», когда Герда заметила, что уже пять минут седьмого. Все расплатились и вышли. Скажем, потребовалось десять минут, чтобы дойти от «Олимпии» до подъемника. Значит, первый из нас сел в кресло в четверть седьмого... Прошу прощения, в восемнадцать минут седьмого, учитывая поломку.

— Ясно. — Спецци записал цифры.

— Таким образом, — продолжил Генри, — они должны были достичь верхней станции примерно тогда же, когда Хозер достиг нижней, и поскольку несколько секунд ушло у нас на то, чтобы осознать тот факт, что он мертв, и остановить подъемник, думаю, последний из нашей группы как раз вылез из кресла, когда подъемник остановился по моему указанию. Все так? — спросил он у Марио.

— Sì, sì, signor. Последней была фройляйн Герда, я помню. Она как раз шла по тропинке наверх, когда подъемник остановился.

— Вы можете припомнить, в каком порядке ехали постояльцы? — спросил Спецци.

На лице Марио появилась заискивающая улыбка.

— Это очень трудно, капитан. Столько народу ездит каждый день...

— Вы все же постарайтесь.

— Ну... Синьор Джимми был первым, это я помню. А потом, после него, все англичане. Последним из них, кажется, был синьор Роджер. Потом синьор ди Санти, баронесса, потом двое детей и фройляйн Герда. — Старик закончил перечисление с явным облегчением.

— Спасибо, это очень важно. Что было потом?

— Подъемник остановился.

— И что вы сделали? — подстегнул его Спецци, заметив, что поток речи Марио начал иссякать.

— Я позвонил Карло. Еще рано было останавливать подъемник, поэтому я подумал, что опять вылетел предохранитель. Ответил синьор Тиббет. Он сообщил мне, что случилось какое-то несчастье, и велел ждать у себя в будке, пока подъемник не запустят снова. Еще он спросил, все ли лыжники из отеля прибыли, и я сказал — да.

— А теперь, Марио, — закончив писать, Спецци откинулся на спинку кресла, — я хочу, чтобы вы попытались вспомнить, кто еще пользовался подъемником в тот день.

Лицо Марио омрачилось.

— Но, капитан... они же ездят весь день... сотни людей...

— Меня больше интересуют те, кто спускались. Например, герр Хозер раньше в тот день пользовался подъемником?

— Да, капитан. Он спускался незадолго до двенадцати часов.

— До или после того как отправили его багаж?

— До того, капитан. Багаж находился у меня в кабинке с половины одиннадцатого, — объяснил Марио, — но я был слишком занят, чтобы спускать вещи. Беппи сказал, что это не срочно...

— Хорошо, хорошо. Продолжайте.

— В двенадцать заканчиваются занятия в лыжной школе, все идут на ленч, и становится тише. Вот тогда я и отправил багаж вниз. Герр Хозер велел мне сказать Карло, чтобы тот отнес его в «Олимпию», когда подъемник остановят на обеденный перерыв.

— Минутку, — сказал Спецци. — Я хочу знать точно периоды работы подъемника. Когда его запускают утром?

— Без четверти девять, капитан, — к этому времени я прихожу и поднимаюсь наверх. Но никого не сажают на подъемник до девяти — чтобы я был уже наверху, когда туда приедут первые лыжники. Потом он работает до половины первого, когда его останавливают на перерыв.

— Вы обедаете дома?

— Sì, capitano.

— Как вы спускаетесь в деревню?

— На лыжах, капитан, — ответил Марио. — Моя нога не настолько плоха, чтобы я не мог одолеть простой спуск.

— Понимаю. А когда подъемник запускают снова?

— Тут все опять как утром: я поднимаюсь без четверти два, а в два подъемник снова начинает работать для лыжников и работает до начала восьмого.

— Что значит — до начала восьмого?

Марио, казалось, занервничал.

— После семи часов никому уже не разрешают пользоваться подъемником, капитан, — пояснил он. — Иногда люди заскакивают в кресла за несколько минут до семи, и тогда подъемник должен работать до того момента, пока все пассажиры не окажутся на верхней станции. Но в этих случаях мы с Карло связываемся по телефону. Если после половины седьмого на подъемник никто не сел — а часто так и бывает, — то мы заканчиваем работу ровно в семь. Поскольку вечером уже темно, я спускаюсь на подъемнике, и, когда

оказываюсь на нижней станции, мы останавливаем машину.

— Хорошо, — сказал Спецци, делая соответствующую запись. — А теперь давайте вернемся к герру Хозеру. В котором часу тот вернулся в «Белла Висту»?

— Где-то после полудня, капитан. Точнее не могу сказать... это было самое бойкое время.

Марио с надеждой посмотрел на Генри, но тот покачал головой.

— На этот раз, боюсь, я не смогу вам помочь.

— Жаль. Может, Карло вспомнит. Но в принципе, раз вы, по вашим словам, ждали, что герр Хозер поедет вниз, то вы должны были раньше видеть, что он поднялся?

— Да, капитан, но... — Марио безнадежно пожал плечами.

— А синьор Россати? Он спускался?

— Да, капитан. Около пяти... должно быть... начинало смеркаться. — Марио позволил себе улыбнуться, явно гордясь собственной неопровержимой логикой.

— Не могли бы вы вспомнить, еще кто-нибудь из отеля спускался в деревню?

— Не думаю, капитан...

— Хорошо, Марио, можете идти. И пожалуйста, — добавил он, — не распространяйтесь у «Шмидта» о том, какие вопросы вам задавали.

Марио был шокирован.

— Ну конечно же, не буду, капитан.

— Да, кстати, вы ни о чем не хотите спросить Марио? — Спыхватившись, Спецци обернулся к английскому коллеге.

На самом деле было очень много того, что Генри хотел бы еще узнать у Марио, но, решив задать свои вопросы в менее официальной обстановке, он просто покачал головой. Марио, хромя, поспешно вышел из комнаты, и его место занял посыльный Беппи — жизнерадостный здоровяк.

Беппи подтвердил, что синьор Россати велел ему утром отнести багаж герра Хозера к подъемнику, и сообщил, что выполнил поручение около половины одиннадцатого.

— Из чего состоял багаж? — поинтересовался Генри.

— Мы осматривали вещи, — вмешался Спецци. — Два чемодана из тисненой кожи, маленький саквояж с вещами первой необходимости и портфель.

— Точно, — подтвердил Беппи, сияя. — У герра Хозера всегда один и тот же багаж. Я хорошо это знаю.

— Когда вы забирали вещи, герр Хозер был в комнате?

— Sì, Capitano. Он стоял у окна, заложив руки в карманы, и смотрел наружу — вот так. У него было очень хорошее настроение.

— Откуда вы знаете?

— Он насвистывал, — объяснил Беппи. — Я пожелал ему удачного путешествия и сказал: надеюсь, мол, вы приятно провели тут время, а он мне ответил: «Не только приятно, Беппи, но и с пользой». Я ему сказал, что такого здорового климата, как у нас, больше нигде нет, а он ответил: «Да, точно. Он принес мне большую пользу».

— Это все, что он сказал?

— Еще он говорил, что хочет успеть на семичасовой поезд до Монтелунги и чтобы Карло отнес его багаж в «Олимпию». Больше ничего.

— А потом вы отнесли вещи к подъемнику?

— Да. Бедняга Марио был очень занят — он мне совсем не обрадовался, должен вам доложить. Но я сказал ему, что это не срочно.

— Вы еще видели герра Хозера в тот день?

— Видел днем. Около половины пятого, наверное. Я понес в бар стул, который чинил, и он был там с синьорой Бакфаст.

— Вы слышали, о чем они говорили?

Беппи как будто даже обиделся.

— Я не подслушиваю личные разговоры гостей, — сообщил он, потом широко

улыбнулся и добавил: — В любом случае они говорили по-английски, так что я не понял бы ни слова. А позже я видел герра Хозера, когда тот выходил из отеля.

— В какое время?

— Сразу после шести, капитан. Точно не помню. Я как раз проходил через холл, он попрощался со мной и вышел.

За Беппи последовал Карло, который представил правдивую, чтобы не сказать вдохновенную картину того, что произошло у подножия подъемника. Он также подтвердил сведения Марио о времени, когда разные постояльцы «Белла Висты» пользовались подъемником, но не смог точно назвать время, когда Хозер днем поднимался в отель.

После ухода Карло капитан Спецци вызвал Герду. Генри снова отметил внушающий странное беспокойство настороженно-бесстрастный вид фройлейн. Она была одета во все черное — черные брюки-форлагеры и черный свитер с высоким стоячим воротом, лицо, как обычно, отличалось бледностью. Грациозно усевшись на стул, девушка замерла в ожидании вопросов капитана. Все ее движения, казалось, были сведены к минимуму — она словно бы намеренно экономила энергию, что, по предположению Генри, свидетельствовало о глубоком резерве силы. Спецци смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Извинившись за то, что пришлось побеспокоить ее, он не без робости начал задавать вопросы по-немецки.

— Не будете ли вы любезны назвать нам свое полное имя, фройляйн?

— Герда Августа Браун.

— Вы работаете у барона и баронессы фон Вюртбург?

— Да.

— В каком качестве?

Герда чуть-чуть приподняла бровь. Этим едва заметным мимическим движением она безошибочно дала понять, что задавать вопросы, ответы на которые известны всем, — пустая трата времени. Спецци, открывавший новую страницу своего досье, этого не заметил.

— Я присматриваю за детьми, — ответила она.

— Есть ли у вас другие обязанности?

— Как бы это было возможно? У меня их и так достаточно.

Спецци взглянул на нее и немного покраснел, но на спокойном лице девушки не было ни малейшего признака надменности. Он продолжил:

— Пожалуйста, расскажите нам точно, что вы делали вчера.

После короткой паузы Герда поинтересовалась:

— В Италии принято вести допрос в присутствии публики?

И обратила на Генри спокойно-пристальный взгляд.

Спецци к этому времени уже весьма разволновался.

— Я веду расследование так, как считаю нужным, — сказал он и бросил на стол карандаш, остро заточенный грифель которого сломался с тихим треском. — Это не ваше дело, но я поясню: герр Тиббет имеет отношение к британской полиции...

— А-а! — Герда снова посмотрела на Генри, на этот раз с выражением, которое можно было истолковать как удовлетворение. — В таком случае я очень рада его присутствию.

От Спецци не укрылся тончайший оттенок язвительности. Он вспыхнул, но ничего не сказал, хотя вид у него был весьма удрученный.

— Вчера я встала, как обычно, в семь часов утра, — начала Герда, — и одела детей. Мы позавтракали в половине девятого и к половине десятого были готовы встать на лыжи. Сначала мы с детьми съехали в деревню по маршруту номер три, потом поднялись по канатной дороге на Альпийскую розу. Мы проделали три спуска: один утром и два днем. Ленч у нас был с собой, и мы съели его на террасе гостиницы «Роза» на вершине горы. Там в солнечном свете было очень красиво, — неожиданно добавила девушка.

— А потом?

— В пять часов мы закончили последний спуск и, как договаривались, встретились с баронессой в спортивном магазине — она хотела купить детям новые свитера. Совершив покупки, мы отправились в кафе «Олимпия», где присоединились к синьору ди Санти и

группе англичан.

Специ слушал этот пунктуальный доклад, произносимый тихим голосом, со смешанным выражением восхищения и раздражения. Когда Герда сделала паузу, он спросил:

— Видели ли вы в тот день герра Хозера?

— Во время завтрака. Я слышала, как он призвал синьора Россати и попросил его подготовить счет, поскольку уезжал последним поездом.

— И больше вы его не видели?

— До вечера — нет.

Специ наклонился вперед.

— Что вы хотите этим сказать?

Герда снова едва заметно приподняла бровь.

— Разумеется, то, что я видела его, когда ехала на подъемнике вверх. Он спускался. Полагаю, к тому времени он уже был мертв.

Она говорила без малейшего намека на какие бы то ни было эмоции.

— Расскажите об этом подробнее.

— А что тут рассказывать? Я ехала последней. Первыми поднимались англичане, за ними синьор ди Санти, потом баронесса, Лотти и Ганси. Я была примерно на середине пути, когда увидела спускающегося Хозера.

— Вы без труда узнали его?

— Конечно. Уже стемнело, и шел снег, но от лампы на пилоне света было достаточно, к тому же на нем были эти ботинки из леопардового меха.

— Вы только что сказали, что, по вашему мнению, к тому времени он был уже мертв. А в тот момент что-то подобное не пришло вам в голову?

— Что он мертв? Нет. Он ссутулился, защищаясь от снега, прижал подбородок к груди и надвинул шляпу на глаза. Я заметила, что он покачнулся в кресле, когда оно дернулось, проезжая мимо пилона, и подумала, что герр Хозер, наверное, заснул. — Герда помолчала, а потом по собственной инициативе добавила: — На миг во мне встрепенулась надежда, что он выпадет из кресла и сломает себе шею. Но страхующая перекладина, конечно, это предотвратила.

Если бы Герда достала из кармана ручную гранату и положила ее на стол, это не произвело бы большего впечатления, чем ее слова. Девушка бесстрастно наблюдала, как Специ вскочил, помянул черта, попросил ее повторить то, что она сказала, — Герда повторила, — и наконец рухнул обратно на стул, промокая пот, выступивший на лбу.

— Вы осознаете, какой опасности подвергаете себя, говоря такие слова, фройляйн? — воскликнул он почти с болью. — Почему вы это сказали? Зачем?

Герда бросила на него быстрый испепеляющий взгляд и обратилась к Генри:

— Вы бы все равно узнали, — сказала она. — Так лучше уж я сама скажу. Я ненавидела Фрица Хозера. Он убил моих родителей.

Это признание снова повергло Специ в состояние лихорадочного возбуждения.

— Спокойствие! — выкрикнул он.

Герда не обратила на него ни малейшего внимания.

— Фамилия моего отца Браун, — объяснила она Генри, — но у моей матери была другая фамилия — Розенберг. Она была еврейкой. Вы могли слышать имя моего отца — Готфрид Браун.

— Актер, — сказал Генри.

— Да.

— Он был бесподобен. Я видел все его фильмы. Он работал с Дженнингсом и Рейнхардом...

— Да.

— И он, кажется... — Генри смущенно запнулся.

— Он покончил с собой, — ровным голосом подтвердила Герда, — после того как гестапо арестовало мою мать. Мама умерла в Равенсбрюке.

— А какое отношение к этому имеет Хозер? — Спецци отчаянно пытался вернуть себе бразды правления. Герда холодно взглянула на итальянца.

— Не думаю, чтобы вы что-нибудь знали о моем отце, — сказала она. — Он был великим актером и хорошим человеком, но слабым. Он ненавидел нацистский режим, но не имел храбрости открыто противостоять ему. У него случился нервный срыв, и он пошел на консультацию к Хозеру, который в то время практиковал в Берлине. Думаю, именно тогда он впервые начал принимать наркотики.

Повисла неловкая пауза.

— Жизнь в Берлине между войнами была... трудной, — продолжала Герда. — Во всяком случае, так мне рассказывали. Я была тогда маленькой, и моя мать делала все, чтобы я ничего не узнала о... — Она помолчала. — Мне жизнь казалась прекрасной.

Генри живо представил себе эту картину: маленькая темноволосая девочка, защищенная материнской любовью, укрытая от жестокости и морального разложения окружающего мира за хрупкими стенами прелестной детской комнаты, — и то, что должно было случиться, когда эти стены рухнули.

— Я, конечно, знала Хозера, он был нашим семейным доктором. Маме он никогда не нравился, а отец не желал и слышать ни о каком другом враче. Теперь и я подозреваю то, что моя мать подозревала тогда, — Хозер снабжал моего отца кокаином.

— Продолжайте, — тихо сказал Генри.

— Когда ситуация стала совсем плохой для... евреев и положение моего отца больше не могло служить охранной грамотой, мы с мамой уехали к моим тете и дяде, которые жили в деревне. Теперь я понимаю, что мы прятались там, но тогда я этого не знала. Мне то время представлялось каникулами, которые длились и длились. Отец навещал нас время от времени. Мне было всего семь лет, но даже я видела, как плохо он стал выглядеть... и в каком отчаянии пребывал. Однажды, гуляя в саду, я услышала, что отец плачет. Мой отец... плакал. — Единственной эмоцией, окрасившей в этот момент голос Герды, было удивление, вызванное воспоминанием. — Я прислушалась и разобрала, как он сказал: «Они не дадут мне работать... все слишком запуганы». А мама ответила: «Это из-за меня». А потом спросила: «Почему мы не можем уехать, все втроем? Это рискованно, но в данном случае риск оправдан. Мы могли бы поехать в Америку — тебя там хорошо знают...»

Разговор продолжался еще долго...

Герда бросила взгляд на Спецци.

— Однажды, вскоре после этого, отец приехал очень взволнованный, с горящими глазами. Он велел маме быстро собираться, потому что мы уезжаем в Америку. «Но как?» — спросила мама, и отец ответил: «Хозер все устроил». Тогда мама сказала: «Ох, ты глупец! Что ты натворил?!» Но отец ее не слушал. «Это, конечно, дорого, — говорил он, — но оно того стоит. Я продал все — дом, машину... Его друзья заедут за нами сюда сегодня ночью...»

Герда помолчала.

— Помню, мама начала плакать. Я подбежала к ней, и она меня поцеловала. Именно в этот момент мы услышали, как подъехала машина и раздался стук в дверь. Конечно, это было гестапо. Они арестовали маму и забрали бы меня тоже, но моя тетя сказала им, что я — ее дочь. Не знаю уж почему, но ей поверили. Порой они бывали на удивление глупы. Потом гестаповцы похвалили моего отца за лояльность отечеству — за то, что он сообщил о местонахождении моей мамы «в соответствующие органы». В ту ночь тетя с дядей увезли меня на машине. Отец ехать с нами отказался. Он выждал, пока мы уедем, и выстрелил себе в голову.

Повисла тишина. Потрясенный и растроганный, Спецци громко высморкался.

— А вы? — спросил Генри.

— Мы с тетей и дядей скрывались некоторое время, пока гестаповцы не потеряли к нам интерес. Потом вернулись на ферму, и я жила с ними как их дочь. После войны я выучилась на гувернантку, а три года назад поступила на службу к баронессе.

— Когда вы снова встретились с Хозером?
— Когда первый раз приехала сюда с детьми... три года тому назад. Я сразу его узнала. У меня очень хорошая память, — добавила Герда.
— Он знал, кто вы?
— Нет, уверена, что не знал. Браун — очень распространенная фамилия в Германии.
— Почему после войны вы не довели свою историю до сведения властей? — вклинился Спецци.
Герда едва заметно улыбнулась.
— Историю? — переспросила она. — Разговор, подслушанный семилетней девочкой? Разве это доказательство?
— И вы задумали свой план мести. — Теперь голос капитана звучал спокойно, невозмутимо, как-то обреченно.
— Как я могла отомстить? Я просто ненавидела его, вот и все.
Спецци, судя по всему, собрался с силами, чтобы сделать то, что самому ему было чрезвычайно неприятно. Он наклонился вперед над столом и спросил:
— Когда вы забрали у него пистолет?
В первый раз Герда по-настоящему удивилась.
— Пистолет? Какой пистолет?
— Вы знали, что Хозер носит с собой пистолет?
— Нет, не знала.
— И это все, что вы можете сказать?
— Да, капитан. Я избавила вас от кучи лишней работы, но больше ничем помочь не могу. — Герда встала. — Я его не убивала. Хотела бы, но не убивала.
Спецци бросил на нее отчаянный взгляд и сказал:
— Можете идти, но не пытайтесь покинуть отель.
— Благодарю, капитан. — На короткий миг взгляд Герды задержался на красивом смуглом лице капитана, и Генри показалось, что была в них какая-то тоска; затем девушка развернулась и выскользнула бесшумно и быстро, как тень.
— Ну, — сказал Генри, когда за ней закрылась дверь, — откровенность — лучшее оружие. Она была совершенно права, сказав, что вы рано или поздно это узнали бы. Вопрос в том, на самом ли деле мисс Браун обезоруживающе честна или чрезвычайно умна?
— Она — как ангел смерти, — мрачно проговорил Спецци. — Я думаю... боюсь, что нам незачем ждать сообщений из Рима. Вот вам мотив. Вот вам возможность. Вот вам убийца.
Капитан тяжело вздохнул.
— Я бы на вашем месте не торопился с выводами, — сочувственно произнес Генри. — Возможно, вы ошибаетесь.
Кто-то деликатно, но твердо постучал в дверь.
— Войдите! — резко крикнул Спецци. Он ничуть не растерялся, снова увидев на пороге как всегда невозмутимую Герду.
Спецци встал.
— Вы решили сообщить нам что-то еще? — спросил он.
Герда опустила взгляд и покачала головой.
— Я рассказала вам все, что знаю, капитан, — ответила она. — Я пришла лишь для того, чтобы передать вам сообщение моей хозяйки. Баронесса встала и с удовольствием поговорит с вами. Но предпочитает, чтобы беседа состоялась в ее комнате.
С этими словами Герда повернулась и вышла.
Генри вопросительно приподнял брови.
— Ну что, пойдём наверх или все же попросим леди спуститься сюда?
Спецци с хмурым видом пожал плечами.
— Ее отец — граф Понтемаджоре, а муж — барон фон Вюртбург. Идемте наверх.

Глава 9

Когда они вышли, Герда ждала в холле. Следуя впереди, девушка повела их по лестнице, восхитительно пахнувшей лаком и сосновым деревом, и остановилась у двери на втором этаже. В ответ на ее деликатный стук послышался голос барона. Герда открыла дверь.

— Полиция, — коротко сообщила она и отступила назад, пропуская мужчин.

Синьор Россати явно расстарался как мог, чтобы создать удобства, достойные таких важных гостей. Две лучшие комнаты отеля, соединенные внутренней дверью, были превращены в номер люкс. Та, в которую вошли Тиббет и Спецци, представляла собой гостиную: вместо кровати здесь были диван и два кресла; кофейный столик с сомнительной помощью пресс-папье, чернильницы и цикламена в горшке мужественно изображал письменный стол. За ширмой из вошеного ситца в углу, скорее всего, скрывался умывальник. Через открытую внутреннюю дверь Генри заметил смятые простыни на кровати и туалетный столик, заставленный флаконами с духами и косметикой. Обе комнаты выходили на балкон, опоясывавший дом на уровне второго этажа, сквозь высокие окна внутрь струился солнечный свет. За окнами вдали вырисовывались розовые вершины гор, парившие в воздухе и пронзавшие синее небо, а темные, богатого, насыщенного цвета оконные рамы соснового дерева обрамляли искрящийся снег. Видневшаяся далеко внизу Санта-Кьяра напоминала поселение, состоявшее из кукольных домиков, а кресла подъемника, медленно проплывавшие между деревьями, — заводную игрушку.

На первый взгляд комната казалась пустой. Потом Генри увидел барона. Тот стоял на балконе спиной к окну, опершись о деревянные перила цвета меда, и смотрел на расстилавшуюся внизу долину. Затем медленно выпрямился, обернулся и вошел в комнату.

Без шляпы его лицо казалось еще более длинным и угловатым. Он курил турецкую сигарету, ароматный дым которой клубился и зависал в морозном воздухе; вид у него был чрезвычайно сердитый и встревоженный. Спецци вежливо щелкнул каблуками и чуть склонил голову.

— Капитан Спецци, полиция Монтелунги, — официально представился он.

Барон слегка кивнул в подтверждение знакомства. Потом на секунду перевел взгляд своих бледно-голубых глаз на Генри и, обращаясь к Спецци, спросил по-немецки:

— Кто этот человек?

Спецци заметно вздрогнул и робко проговорил:

— Он офицер высокого ранга британской полиции, герр барон, принимающий участие в этом расследовании...

Барон нахмурился. Генри, начинающий сердиться, перебил Спецци:

— Моя фамилия Тиббет. Я направлен сюда Скотленд-Ярдом. А вы, должно быть, барон фон Вюртбург.

Он достал из портмоне визитную карточку и протянул барону.

Барон даже не взглянул на нее. По-прежнему обращаясь к Спецци, он сказал:

— Не вижу, какой интерес это дело может представлять для британской полиции.

— Это весьма запутанное дело, герр барон... — начал Спецци, немного вспотев. — Некоторые аспекты деятельности покойного...

Генри прервал его:

— Боюсь, я имею прямое отношение к этому расследованию, герр барон. Мне происходящее не нравится так же, как и вам, однако, к счастью, у нас нет необходимости беспокоить вас лично. Помочь нам, ответив на несколько вопросов, может ваша супруга.

Взгляд барона стал угрожающе холодным.

— Никто не будет задавать вопросы моей жене без моего присутствия, — отрезал он.

Ответы Генри и Спецци прозвучали одновременно.

— Боюсь, об этом не может быть и речи, — сказал Тиббет.

— Естественно, герр барон. Как пожелаете, — сказал капитан.

Воцарилось неловкое молчание. Потом Генри обратился к Спецци:

— Простите, капитан. Это ваше расследование, и вы, разумеется, вправе вести его так, как считаете нужным.

Барон лишь взглянул на инспектора с ледяной неприязнью, после чего подошел к двери, которая вела в спальню, и спросил:

— Ты готова, дорогая?

Мария Пиа, явно слышавшая все до последнего слова, появилась незамедлительно. Женщина была очень бледна, и Генри показалось, что она плакала. Хрупкость ее фигуры скрывал просторный белый свитер из чистой шерсти, надетый поверх небесно-голубых брюк-форлагеров. Она сокрушенно улыбнулась инспектору, словно извиняясь за поведение мужа и умоляя не думать сурово о ней самой. Генри ободряюще улыбнулся ей в ответ.

Грациозно пройдя через комнату, баронесса опустила в кресло. Барон тут же устроился на его подлокотнике, приняв вид одновременно защитника и лица второстепенного. Тиббет сел в другое кресло, Спецци плюхнулся на диван и разложил свои записи на сиденье. Стенограф был счастлив расположиться вне поля зрения барона, за псевдописьменным столом.

Спецци начал на заискивающей ноте:

— Сожалею, что вынужден причинить вам неудобство, баронесса...

— Прошу говорить по-немецки, — перебил его барон.

Покраснев, Спецци начал заново:

— Я был бы рад избавить вас от этой неприятной беседы, баронесса, но тот факт, что вы находились на подъемнике в критический момент, заставляет меня...

— Понимаю, понимаю. Перейдем к вопросам, — предложила Мария Пиа по-итальянски. Спецци промокнул лоб платком и продолжил тем не менее по-немецки. Напряжение повисло в воздухе между ними, словно дрожащая струна.

— Вы сели в кресло подъемника... во сколько? — Капитан уставился в свои записи, чтобы не встречаться взглядом с бароном.

— Не могу сказать вам это совершенно точно. Около четверти седьмого, полагаю.

— Как я понимаю, вы ехали следом за синьором ди Санти и перед детьми и их няней.

При упоминании имени скульптора Мария Пиа немного напряглась. Но голос ее звучал безупречно ровно, когда она ответила — упорно по-итальянски:

— Да, верно.

— Я бы хотел, — продолжил Спецци, теперь немного более уверенно, хотя по-прежнему осознавая абсурдность беседы, ведущейся на двух языках, — я бы попросил вас точно описать, как выглядел Хозер, когда проезжал вниз мимо вас.

Мария Пиа нахмурилась.

— Я едва обратила на него внимание, — сказала она. — Было темно, очень холодно, и шел снег. Я лишь мысленно отметила, что это он, — на нем были эти ужасные ботинки. Он съезжился в кресле, но это казалось совершенно естественным при такой погоде.

— Вы знаете, что у Хозера был пистолет?

Марию Пиа вопрос, казалось, испугал.

— Пистолет? — переспросила она. — Да... да, я знала.

В тот же миг вмешался барон:

— Чушь! Откуда моя жена могла знать такие вещи?

Мария Пиа, проигнорировав его, серьезно продолжила объяснять Спецци:

— Об этом знали, полагаю, все. Однажды вечером — думаю, это была среда — он сидел в баре, а его портфель лежал на столе. Хозер сдвинул его на край, чтобы освободить место для бокала, и пистолет выпал на пол. У меня было странное ощущение...

Она помолчала, потом быстро закончила:

— У меня было странное ощущение, что он сделал это нарочно.

— Кто еще был в баре? — спросил Спецци.

— Почти все. — Мария Пиа сморщила свой хорошенький носик и задумалась.

— Не было Генри и Эмми, — наконец проговорила она, — а все остальные, думаю, были. Помню, миссис Бакфаст еще отпустила колкое замечание по этому поводу. — Баронесса улыбнулась.

— Вы удивились, увидев пистолет? — спросил Спецци.

— Да, удивилась. Очень. Я не знала, что в наши времена люди носят с собой оружие.

— Это не имеет отношения к делу, — жестко перебил барон. — Пожалуйста, переходите к более существенным вопросам.

Спецци поворошил свои бумаги.

— Возвращаясь к событиям вчерашнего дня, баронесса, — сказал он, — видели ли вы Хозера до того?

— Кажется, я мимолетно пересеклась с ним после завтрака. Но я собиралась кататься на лыжах и спешила.

— Ясно. — Спецци сделал паузу. — А теперь, баронесса, я обязан задать вам несколько вопросов, касающихся другого человека. Я не хотел бы расстраивать вас, но...

Белое лицо Марии Пиа сделалось бледно-зеленым, рука вцепилась в подлокотник кресла. Барон в страшном напряжении наклонился вперед.

— Это касается фройляйн Герды Браун, — продолжил Спецци.

Рука баронессы, ковырявшая окантовку подлокотника, обмякла, как мертвая птица. Барон, однако, сохранял напряжение.

— Герды? — уточнила баронесса. В ее голосе слышалось неподдельное удивление. — Что вы хотите о ней узнать?

— Она была в баре, когда Хозер выронил свой пистолет?

— Нет. Разумеется, нет. Герда укладывала детей спать.

— Что она за человек? — поинтересовался Спецци, и Генри показалось, что голос капитана дрогнул.

— Милейший человек, — твердо ответила Мария Пиа. — Она очень спокойная, сдержанная и в высшей степени профессиональная. Дети ее любят и в то же время уважают, а детей, как вы знаете, обмануть трудно.

— Вы бы не сказали, что фройляйн Браун склонна к насилию?

— К насилию? — Голос Марии Пиа звучал все более и более удивленно. — Герда?!

— В конце концов, — осторожно заметил Спецци, — если принять во внимание ее прошлое и ее родителей...

— Но она всю жизнь прожила на ферме своего отца в Баварии, — возразила Мария Пиа. — Ну до того как уехала в Мюнхен учиться. Потом она откликнулась на мое объявление и пришла работать, это было три года тому назад.

— И вы никогда не встречались с ее родителями?

— Вообще-то встречалась, однажды. Пойдите... — Мария Пиа задумалась. — Кажется, она говорила мне, что они не ее настоящие родители: ее удочерили, когда она была еще маленькой. Я никогда об этом не вспоминала.

— Кто же она тогда? — выпалил барон.

Спецци храбро пропустил его вопрос мимо ушей.

— Благодарю, баронесса. Это неважно. Просто я подумал, что...

— Если эта девица нам солгала, мы имеем право знать, — холодно бросил барон.

— Нет-нет, Герман. — Впервые Мария Пиа заговорила по-немецки. — Она нам не лгала — ведь так, капитан? Она сказала мне, что Брауны — не ее родители.

Барон не сводил глаз со Спецци.

— Кто она? — снова рявкнул он.

Капитан явно чувствовал себя неловко, но уступать не собирался.

— Уверяю вас, герр барон, это не имеет отношения к делу.

Барон гневно на него посмотрел.

— Я предприму усилия, чтобы выяснить это.

Он сделал короткую паузу.

— Если у вас больше нет вопросов, касающихся вчерашнего преступления, не оставите ли вы нас? Моя жена очень устала.

Спецци встал.

— Благодарю за сотрудничество, баронесса... Герр барон... Прошу прощения, что пришлось побеспокоить вас.

Он коротко поклонился баронессе и барону и направился к двери, сопровождаемый суетливым стенографом. Генри медленно поднялся.

— Позднее, — сказал он, — я был бы рад получить возможность перекинуться с вами словечком, баронесса.

Всю прошлую неделю он называл ее по имени, но сейчас для фамильярности момент был не подходящим.

Прежде чем барон успел что-либо вставить, она откликнулась сама:

— Разумеется, Генри. Когда пожелаете.

— Благодарю вас, — серьезно ответил Тиббет и последовал вниз по лестнице за двумя итальянцами.

Снова оказавшись в кабинете Россати, Спецци вытер лоб белым шелковым платком. Генри сочувственно улыбнулся ему, но капитан не желал никаких утешений.

— Чем скорее мы сможем арестовать эту девушку и покончить с этим, — с несчастным видом пробормотал он, — тем лучше я себя буду чувствовать.

Он снова сел за стол и велел пригласить Франко.

Ди Санти был бледен, от бессонницы под его темно-карими глазами залегли глубокие тени. Тихим несчастным голосом он сообщил Спецци, что является скульптором, живет в Риме, а сюда, в Санта-Кьяру, приехал отдохнуть. Последние три года он приезжает в «Белла Висту» регулярно. С Хозером, по его словам, был знаком весьма шапочно. Впервые увидел врача в Риме, в доме своего друга-актера, три года тому назад, и, в сущности, именно Хозер рекомендовал ему «Белла Висту» как чудесный горнолыжный курорт. С тех пор он встречался с ним здесь, в отеле, где Хозер тоже отдыхал, но их отношения дальше того шапочного знакомства не продвинулись.

— Честно говоря, капитан, он не казался мне приятной личностью, — сказал Франко, но развивать тему не стал. Он признал, что видел, как пистолет выпал из портфеля Хозера в среду вечером.

— Меня поразило, — сказал он с презрением, — что он сделал это нарочно, ради дешевого эффекта.

Франко подтвердил, что накануне вечером ехал на подъемнике впереди баронессы, но сказал, что врача вовсе не заметил.

— У меня глаза были закрыты, — коротко пояснил он. — Подъем оказался очень неприятным, да и думал я совсем о другом.

На этом вклад Франко в расследование иссяк, и Генри, взглянув на часы и отметив, что уже половина первого, предложил прерваться на ленч. Он заметил поднимающуюся по тропе от подъемника Эмми и указал, что после ленча можно будет приступить к опросу англичан.

— Если только вы не желаете сначала встретиться с Книпферами, — добавил он.

— Я, конечно, поговорю со всеми, — ответил Спецци, — но мне Книпферы не представляются важными свидетелями. Во время убийства никого из них на подъемнике не было.

— С другой стороны, — возразил Генри, — думаю, они могут что-то рассказать о Хозере. Они проводили вместе немало времени.

И он поведал Спецци об истерике, случившейся с фрау Книпфер в баре накануне вечером.

Жену Генри нашел в их комнате, она расчесывала волосы.

— Твоя телеграмма благополучно отправлена, — доложила она мужу. — Ты должен

мне чудовищную сумму денег — пять тысяч лир. Как у тебя прошло утро?

Генри коротко рассказал.

— На самом деле мне в это не верится, а тебе? — медленно произнесла Эмми, когда он закончил. — Не вижу я Герду в роли убийцы.

— Она вполне способна убить, — возразил Генри. — И у нее были и мотив, и возможность. Не забудь, что позади нее на подъемнике никто не ехал, так что никто не видел, что она делает. Но все равно... — Он запнулся.

— Твой нюх говорит тебе... — подначила Эмми.

— Нет. Я слишком мало пока знаю об этом деле, чтобы полагаться на нюх. Просто это не вписывается в ее характер...

Тиббет помолчал.

— Ладно, посмотрим. Спецци уже все для себя решил — бедняга, ему явно нравится эта девушка, и от этого он еще больше настраивает себя исполнять свой долг безжалостно. Надеюсь, он ошибается.

— Пошли поедим, — сказала Эмми.

Ленч не был веселым. Спецци и его помощники заняли бывший стол Хозера, отбрасывая на весь зал длинную тень закона. Книпферы ели молча и мрачно, как всегда. Франко сидел за столом один, и Генри не удивился, увидев, что Герда тоже сидит одна. Дети барона, которых в то утро отправили кататься на лыжах с частным инструктором, несколько минут спустя, громко тараторя, ввалились в холл и были решительно препровождены Анной наверх. Предположительно, им предстоял семейный ленч с родителями в гостиной баронессы — по лестнице вверх проследовала длинная процессия с подносами, — между тем как Герду выставили в общую столовую. Если ей это и не понравилось, девушка ничем себя не выдала. Ни малейшего проблеска эмоций не отразилось на ее лице.

Все англичане уже приступили к ленчу, когда Генри и Эмми вошли в столовую. Эмми, учитывая нынешнее затруднительное положение мужа, испытывала серьезные сомнения насчет того, чтобы занять обычное место за общим столом, поэтому откровенно обрадовалась, когда Роджер вскочил и отодвинул для нее стул. Похоже, он был решительно настроен сделать все, чтобы загладить вину за свою вчерашнюю грубость.

— Вот наконец и вы, — сказал он. — Мы уже начали опасаться, что вы пропали. Садитесь, Генри, мы уже все заказали. Как продвигается расследование?

— Вяло, — ответил Генри. — Предупреждаю: следующая очередь — вашей компании.

— Наконец-то! — воскликнул Джимми. — А то ожидание становится уже невыносимым. Вы собираетесь загонять нас в угол хитроумно-безжалостным перекрестным допросом, пока виновные не сломаются и не признаются во всем?

— Господи, — отозвался Генри, — надеюсь, что не придется. Нет, единственное, что мы пытаемся сделать сейчас, — это точно установить по времени вчерашние передвижения каждого. Утомительная рутинная работа, но проделать ее необходимо.

После этой реплики над столом повисла тишина, насыщенная почти осязаемым недоверием. Принесли еду, к которой приступили в атмосфере мрачной напряженности, нарушенной лишь однажды, когда Джимми расплескал суп на скатерть. Генри пришел к заключению, что молодой Пассденделл, несмотря на свой внешне невинный вид, на самом деле находится в весьма нервном состоянии, и решил избавить его от мучений как можно скорей.

— Джимми, хотите быть первым? — спросил он.

С несчастным видом, но храбро тот ответил:

— Хорошо. Все надо испробовать хотя бы раз в жизни.

Они вдвоем прошли в кабинет, где их уже ждал Спецци со своим помощником.

Беседа с Джимми не была отмечена никакими событиями и немного добавила к тому, что Генри и так уже знал. Джимми представился, заявил, что никогда прежде не встречался с Хозером и ничего о нем не слышал до приезда в «Белла Висту», и горячо заверил, что в глаза не видел покойного между завтраком и тем моментом, когда заметил сгорбленную фигуру,

мертвую или живую, спускавшуюся на подъемнике.

— Мертвую или живую, — добавил он задумчиво. — Занятно. Вот теперь, задним числом, я бы, наверное, сказал — мертвую, хотя мне это ни за что не пришло бы в голову тогда. Он выглядел каким-то... обмякшим. Я еще подумал, что он заснул...

— Вы первым из постояльцев отеля ехали на подъемнике, так? — спросил Генри.

— Я? Да, наверное. Точно не помню.

— И еще один вопрос. Хозер занимал комнату, соседнюю с вашей, на третьем этаже. Вы когда-нибудь видели или слышали, чтобы там происходило что-либо подозрительное?

Джимми заволновался.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — сказал он.

— Я имею в виду разговоры или ссоры с кем-нибудь из живущих или работающих в отеле. Я имею в виду пистолет, оставленный на виду у всех.

— Боже мой, да, однажды я видел пистолет, — охотно подтвердил Джимми. — Помимо того раза, когда он выпал из его портфеля в среду. Однажды вечером, вернувшись с трассы, я заметил, что дверь в комнату Хозера открыта и пистолет лежит на столе. Он служил чем-то вроде пресс-папье для каких-то писем или чего-то в этом роде. Это было, кажется... да, это было за день до того... до того, как он умер.

— Ясно. Ну, думаю, это все. Благодарю вас.

Джимми уже встал, собравшись уходить, когда Генри вдруг добавил:

— Еще одно. Кому из вас принадлежала идея провести отпуск в «Белла Висте»?

Судя по всему, Джимми испытал некоторую неловкость.

— Роджеру, — ответил он. — Он, видите ли, уже бывал здесь.

— Меня с самого начала немного удивило, — продолжил Генри, — что вы и Каро отправились отдыхать в такое неприметное место, притом в дешевом поезде второго класса. Простите, но я бы подумал, что Санкт-Мориц больше в вашем стиле.

Джимми ухмыльнулся.

— Вы абсолютно правы. Путешествие было чудовищным, не так ли? Но, видите ли, Роджер не так обеспечен, как мы, а Каро до чертиков хотелось ехать вместе с ним, поэтому...

— Понимаю, — сказал Генри. — Да, нечто в этом роде я и предполагал.

Следующей в списке была Каро, и беседа с ней не доставила Генри никакого удовольствия. Девушка представляла собой сгусток нервов, выглядела так, словно только что плакала, и уклонялась практически от всех вопросов ответами вроде «я не знаю» или «я не могу вспомнить». Ненавидя свою работу, Генри кругами подвел ее к теме взаимоотношений с Роджером. После долгих увиливаний та признала, что отдых в «Белла Висте» — его идея.

— Как давно вы знакомы? — как бы невзначай спросил Генри.

— Не помню. Сто лет. Ну не сто, конечно... Полгода... Я не знаю.

— Но в любом случае меньше трех лет?

— Что вы имеете в виду? Почему я не могу быть знакома с ним три года?

— У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, почему он предложил поехать именно в «Белла Висту»?

— Нет. Да. Он бывал здесь раньше. К тому же здесь дешево.

— И, — подхватил Генри, — полагаю, это соображение сыграло большую роль, не так ли?

— Если и так, какое это имеет значение? Роджер не виноват, что он не богат. Зачем все тычут этим ему в лицо?

Собравшись с духом, Генри отчаянно бросился на штурм.

— Каро, вы знали, что когда-то Роджер был замешан в деле о контрабанде?

Девушка побелела как полотно.

— Неправда, — выпалила она. — Я вам не верю! Вы не имеете права бросать такие обвинения.

— Я не бросаю обвинения, — возразил Генри. — Я задаю вам вопрос. Так вы знали?
— Нет! — почти выкрикнула Каро. — Нет, не знала. И теперь не знаю. Вы не должны верить тому, что болтают люди.

— Почему вы так беспокоитесь за него? — очень мягко спросил Генри.

— Я не беспокоюсь. Я... о, вы все неправильно понимаете. Я больше ничего не скажу. Это не ваше дело.

— Что вы имели в виду, когда вчера сказали в баре, что Хозер был мерзким человеком?

— Я не то хотела сказать.

— Но сказали именно то. У вас должны были быть причины.

— Просто я его не любила.

— И все?

— Разумеется. Имею я право кого-то не любить?

— Простите, — сказал Генри, — я ведь просто пытаюсь докопаться до истины.

— Истины... — произнесла вслед за ним Каро, и это прозвучало как выдох. — О господи, разве мы все?..

«Боже сохрани, — подумал Генри. — Она сейчас расплачется».

— Хорошо, — поспешно произнес он вслух. — На данный момент это все. Вам сейчас не помешало бы выпить чашку чаю.

Каро молча кивнула и вышла из комнаты со страшно напряженным выражением лица.

— Очень интересно, — сказал Генри. — Теперь послушаем, что мистер Стейнз имеет нам сказать в свою защиту.

— Да, — расплылся в улыбке Спецци. — Полагаю, это будет настоящее откровение.

Роджер вошел совершенно непринужденно. Быстро и умело Генри провел его через события предыдущего дня: сообщение Хозера об отъезде за завтраком, катание Роджера с полковником Бакфастом на Имменфельдском спуске.

— Это ведь тот самый спуск, где погиб Джулио, не так ли? — спросил Генри.

Лицо Роджера омрачилось.

— Бедный Джулио, — сказал он. — Хороший был парень. Но спуск находился в опаснейшем состоянии, когда он поехал по нему. Там и вчера было сложно, хотя сейчас нап#225;дал новый снег и трасса четко обозначена, но лыжня не видна.

— Вы ведь уже бывали в «Белла Висте», не так ли?

— В прошлом году. Провел здесь три последние недели января.

— Значит, вы довольно многих здесь знаете?

— Я бы не сказал. Большинство лыжных инструкторов, Россати, конечно... часть времени, что я здесь провел, в отеле жили Бакфасты и Хозер. Насколько я понимаю, они здесь более-менее постоянные гости.

— Это была ваша единственная до сих пор встреча с Хозером?

— Конечно. Где бы еще я мог с ним пересечься?

Генри пропустил последнюю реплику мимо ушей и спросил:

— Он вам нравился?

К его большому удивлению, Роджер запрокинул голову и громко рассмеялся.

— Ну вы, полицейские, даете... бесподобно! Нравился ли он мне? Вы же прекрасно знаете, что он пытался меня шантажировать!

— Шантажировать вас? — Удивление Генри было абсолютно искренним. — И чем же?

— Старина, не валяйте дурака, — воскликнул Роджер. — Вы ведь наверняка уже нашли записку. Где она была? У него в бумажнике?

Повернувшись к Спецци, Генри сказал по-итальянски:

— Мистер Стейнз, кажется, думает, что вы должны были обнаружить в бумажнике Хозера инкриминирующую записку. Вы ее действительно нашли?

Смушение и разочарование Спецци выглядело жалким. Он пошарил в нагрудном кармане своего щегольского мундира и протянул Генри маленький листок бумаги, вырванный из ежедневника, на котором было нацарапано по-итальянски: «Лупо, товар,

который ты ожидаешь, находится в кафе. Забери его и отгрузи сегодня ночью. Р.С.»

— Почему вы не показали мне это раньше? — очень строго спросил Генри.

Спецци выглядел глубоко уязвленным.

— Я хотел, чтобы для него это стало неожиданностью, — ответил капитан. — Вы с ним друзья, и я... — Красноречивый жест дополнил ход его мысли. — Но какая теперь разница? Он сам упомянул о записке, прежде чем я успел сделать свой эффектный ход. Я ведь не понимаю по-английски.

Генри снова повернулся к Роджеру.

— Итак, — сказал он, — что дальше?

Роджер сидел, откинувшись назад, расслабившись, и наблюдал за происходящим, явно забавляясь.

— Меня эта записка ничуть не беспокоит, — заявил он. — Неуклюжая подделка.

— Проверим, — огрызнулся Спецци.

— Я не знаю, — продолжил Роджер, — откуда Хозер узнал про «Нэнси Мод». В прошлом году мы несколько раз поболтали, и, как я предполагаю, он подсмотрел мой лондонский адрес в книге регистраций. Так или иначе, в октябре я получил от него письмо. Удивлению моему не было предела.

Он достал из кармана портмоне, вынул из него письмо и передал его Генри. Письмо было отпечатано на машинке, на плотной дорогой бумаге.

Ул. Аурелиа, 49

Рим

4 октября

Дорогой мистер Стейнз!

Помните ли вы меня? Я имел удовольствие познакомиться с Вами в отеле «Белла Виста» в Санта-Кьяре в январе и во время разговоров, которые мы с Вами вели, был весьма впечатлен Вашей незаурядной деловой хваткой и Вашими организаторскими способностями. Поэтому я сразу же вспомнил о Вас недавно, когда возникло чрезвычайно интересное деловое предложение — предложение, которое может оказаться весьма и весьма прибыльным, если за его исполнение возьмется правильный человек.

Я бы очень хотел лично обсудить с Вами это дело, если оно Вас интересует. Поскольку я собираюсь снова посетить «Белла Висту» в следующем январе, хотел бы знать, не думаете ли и вы провести там свои зимние каникулы. В этом случае мы могли бы с глазу на глаз обсудить план, который у меня имеется.

Со всем почтением,

Фриц Хозер.

Генри молча изучил этот знаменательный документ, потом заключил:

— Итак, вы приехали.

Роджер усмехнулся.

— Конечно, приехал, старина. Что плохого в том, чтобы узнать, о чем речь?

— Приехав сюда, вы не имели никакого представления о характере его делового предложения?

— Ни малейшего.

— Вас не насторожило, что все это сформулировано весьма сомнительно?

— А что плохого в том, чтобы это выяснить? — повторил Роджер.

— Хорошо, согласен. Продолжайте.

— Итак, я приехал. — Теперь в голосе Роджера появилась нотка горечи. — И узнал, что никакого делового предложения не существует. Просто грубая попытка шантажа. Я понимал, конечно, что записка поддельная, потому что никогда в жизни ничего подобного не писал: ту крысу Донати я впервые увидел в зале суда, в Риме. Но Хозер, несомненно, думал,

что записка настоящая. Предполагаю, Лупо сам ее написал и продал Хозеру.

— И что вы сделали?

— Рассмеялся ему в лицо, — ответил Роджер, — и сказал, что, помимо того факта, что я полностью разорен и являю собой крайне сомнительный объект для шантажа, записка явно фальшивая, так что вперед, мол, делайте с ней что хотите.

— Почему вы не заявили на шантажиста властям?

— Дорогой мой, я на отдыхе, — сказал Роджер. — И кроме того, это означало бы снова разворошить то дело с «Нэнси Мод», о котором, признаться честно, я хотел бы забыть навсегда. Какой смысл копать в старой грязи?

— И какова была реакция Хозера, когда вы рассмеялись ему в лицо?

Впервые Роджер ответил после небольшой заминки:

— Он не обрадовался, как вы можете догадаться. Попытался угрожать, но в конце концов до его тупой башки дошло, что я его ничуть не испугался. И тогда он сменил тон.

— Вы, часом, не переворачивали столы, не грозили ему судебным преследованием? — спросил Генри.

Роджер помолчал, закурил сигарету и наконец ответил:

— Вчера вы посоветовали мне говорить правду, и я намерен последовать вашему совету. Надеюсь, вы понимаете, что все это сугубо конфиденциально.

— Вы сами знаете, что я не могу вам этого обещать, — возразил Генри. — Единственное, что могу сказать: мы не станем упоминать об этом без крайней необходимости.

— Ладно. Это честно. — Роджер глубоко затянулся сигаретой. — Я пригрозил ему, что обращусь в полицию, — я чувствовал себя абсолютно уверенно и хотел, чтобы он это осознал. Но Хозер раскусил мой блеф и предложил подать на него в суд, указав при этом, что — как в случае победы, так и в случае поражения — у сэра Чарлза Уиттакера могут возникнуть вполне понятные возражения против меня в качестве будущего зятя, если это дело просочится в газеты. Видите ли, — с обезоруживающей прямоотой сообщил он, — я собираюсь жениться на Каро.

— А Хозер это знал?

— Он был на редкость хорошо информирован, — сухо признал Роджер. — Так или иначе, в конце концов мы пришли к соглашению: я не подаю в суд, а он уничтожает записку. Даже при том, что она была фальшивкой, я не хотел, чтобы такой человек, как Хозер, разгуливал с этой штукой в кармане. К сожалению, текст написан на странице из моего старого ежедневника — тот оставался на борту «Нэнси Мод», когда посудину украли. Как видите, именная шапка на листке отчетливо читается, и я полагал, что Хозер — останься эта бумажка у него — мог бы доставить мне еще массу неприятностей.

Генри выглядел погруженным в свои мысли.

— Когда вы пришли к соглашению? — спросил он.

— Позавчера. Мы вместе пили чай в «Олимпии». Он достал записку из бумажника и поднес к ней спичку. Записка сгорела дотла. Я считал, что с этим покончено.

— Тогда как получилось, что записка оказалась при нем, когда его убили?

— Судя по всему, Хозер меня провел, — сердито ответил Роджер. — Он показал мне записку в вытянутой руке, но когда я попытался ее взять, отдернул руку, и записка упала на пол. Наверняка именно в тот момент он и подменил ее чистым листком бумаги. Только когда вы вчера вечером в баре намекнули, я понял, что, должно быть, произошло.

К собственной досаде, Генри почувствовал, что краснеет, и горячо понадеялся на слабое знание английского языка капитаном Спецци.

— Я тогда ничего не знал о записке. Всего лишь посоветовал вам говорить правду.

— Ну вот я и сказал. Теперь вы знаете.

— Вы понимаете, что нам придется отдать записку вместе с образцом вашего почерка на графологическую экспертизу?

Роджер улыбнулся.

— Разумеется. Валяйте. Я не боюсь.

— Да, — задумчиво ответил Генри, — вижу, что не боитесь.

В прекрасном расположении духа Роджер вручил ему свой паспорт с образцом подписи, без колебаний согласился переписать текст записки в блокнот Спецци и вывернул карманы в поисках описи багажа, заполненной тем же размашистым решительным почерком.

После его ухода Генри долго и пристально изучал записку из бумажника Хозера, держа ее рядом с текстом, только что переписанным Роджером. Почерки были внешне схожи, но даже на непрофессиональный взгляд инспектора записка шантажиста казалась фальсификацией. Он сообщил об этом Спецци, на которого его слова не произвели особого впечатления.

— Наверняка он старался изменить почерк, когда писал ее в Танжере, — высказался капитан. — Нужно отправить ее экспертам. Лично мне кажется, что записка подлинная.

— Могу ли я поинтересоваться, что еще вы нашли в карманах Хозера? — не без подковырки осведомился Генри.

Спецци принял вид оскорбленной невинности.

— Ничего сколько-нибудь интересного, мой друг. Лишь то, о чем я вам уже говорил. — Он сделал паузу. — А будет ли мне позволено поинтересоваться, кого еще из британских свидетелей вы проинструктировали о том, что им говорить на допросе?

Он с напускным смирением посмотрел на Тиббета, и оба разразились смехом.

— *Touche*²⁴, — признал Генри. — Виноват. Но имейте в виду: я бы не сказал ему ни слова, если бы знал о записке.

— Это послужит уроком нам обоим, — согласился Спецци. — Но уверен, что мы не причинили никакого вреда следствию. Я отошлю это, — он указал на записки, багажную квитанцию и паспорт, — в Рим сегодня вечером. Давайте теперь послушаем вашего доблестного соотечественника — полковника.

Полковник Бакфаст, судя по всему, придерживался того мнения, что о мертвых либо хорошо, либо ничего, и это побуждало его подходить к вопросу о личности Хозера с деликатностью бегемота, передвигающегося на цыпочках.

— Бедняга, — пробормотал он в усы. — Приятный во многих отношениях малый. Немец, конечно. Но он не виноват.

— Вообще-то он был итальянцем, — уточнил Генри.

— Итальянцем? В самом деле? Какое невезение! — воскликнул полковник, хотя было непонятно, относится ли его восклицание к трагедии, случившейся с Хозером, или к его национальности.

Да, он хорошо помнил Хозера по прошлому году и по позапрошлому, если на то пошло.

— Когда мы только приехали сюда, — сказал Генри, — у меня создалось впечатление, что он вам не очень нравится.

— Мне? — багровея, переспросил полковник. — Нет-нет. Я ничего не имел против него. Мы ведь были едва знакомы.

— Он никогда не рассказывал вам о себе или о своей работе?

— Боже милостивый, нет! — Полковник произнес это так, будто Генри предположил нечто в высшей степени оскорбительное. — С какой стати он стал бы это делать? Мы лишь время от времени перебрасывались несколькими словами.

Полковник заметно оживился, когда разговор коснулся его вчерашних спортивных занятий.

— Первоклассный маршрут, — заявил он. — Первоклассный! Разумеется, никакой лыжни: все засыпано снегом — просто превосходно. Мы спускались весьма медленно и достигли Имменфельда к двум часам. Там устроили себе поздний ленч, после чего я

²⁴ Здесь: очко, один ноль в вашу пользу (*фр.*)

опробовал несколько местных спусков, пока Стейнз ходил по магазинам. Потом мы вернулись в Санта-Кьяру на поезде и присоединились ко всем вам в «Олимпии».

— А что вы можете сказать о поездке на подъемнике? Вы заметили Хозера, направлявшегося вниз?

Полковник прочистил горло и ответил:

— Там было чрезвычайно холодно и неудобно, как вы знаете. Пока ждали эту проклятую штуковину, мы продрогли до мозга костей. Неэффективность, вот как это называется. В Швейцарии ничего подобного не потерпели бы. Но когда имеешь дело с итальяшками...

Он вдруг заметил пристальный взгляд Спецци и сконфуженно запнулся. Потом нарочито поспешно продолжил:

— Сев в кресло, я укутался одеялом и, честно признаться, потерял всякий интерес к окружающему до того момента, как оказался наверху. Поэтому я вообще не заметил, что бедняга едет вниз.

— Полагаю, вы не слышали выстрела?

Полковник покачал головой.

— Я вообще ничего не слышал, кроме чертова скрежета... — прошу прощения, миссис Тиббет, я забыл о вашем присутствии — ...скрежета, который производит кресло, проезжая мимо пилона. Но если на пистолете был глушитель, а я предполагаю, что он был, то не думаю, что кто бы то ни было услышал выстрел. Расстояние между креслами довольно большое, как вы знаете. Вы когда-нибудь пытались докричаться до того, кто едет впереди или сзади?

— Да-да, это мне известно, — подтвердил Генри. — Кстати, вы знали, что у Хозера есть пистолет?

— Думаю, здесь все это знали, он выставлял его напоказ, — раздраженно ответил полковник. — Для моей жены было шоком, когда тем вечером он бросил свой пистолет на пол в баре. Дурная манера, учитывая присутствие дам.

— Бросил?

— Ну почти. Во всяком случае, он сделал это нарочно — и дураку все было ясно. Мою жену это просто потрясло.

Возвратившись к подъему по канатной дороге, полковник сумел вспомнить лишь то, что ехал позади Джимми и Роджера, но перед Каро, хотя и в этом уверен не был. Во всяком случае, повторил Бакфаст, он не заметил никакого движения в кресле, располагавшемся перед ним; было ведь очень темно, и — в конце концов признался он — «я почти заснул».

На этом вклад полковника в расследование исчерпал себя. Поскольку было уже пять часов, Генри предложил сделать перерыв на чай.

— А потом, — предложил Спецци, — я поговорю с этими Книпферами, после чего хотел бы изучить все, что мы услышали, и подготовить доклад.

— А как же миссис Бакфаст? — спросил Генри. — Мы ведь с ней еще не поговорили.

— Не думаю, что она может сообщить нам что-нибудь важное, — ответил капитан. — На подъемнике ее не было, так что она никак не может иметь отношения ко всему этому. Но если желаете, поговорите с ней сами, а потом сообщите мне, если всплывет что-нибудь интересное.

— Догадываюсь, что вы по-прежнему ставите на фройляйн Герду, — сказал Генри.

Спецци медленно кивнул.

— Взрывоопасный мистер Стейнз заслуживает дальнейшего расследования, — заговорил он, — но я не представляю себе его в роли убийцы. Нет, это она, девушка, — такая красивая и такая опасная. Она из тех, кто ни перед чем не остановится, я уверен.

И мужественный капитан тяжело вздохнул.

Глава 10

Герр Книпфер решительным шагом вошел в кабинет, щелкнул каблуками, коротко кивнув, поприветствовал Эмми, Генри и Спецци и опустился на стул резким и точным движением. Не успел капитан произнести и слова, как он начал сам:

— Боюсь, я не смогу быть вам полезен. Больше всего на свете я желаю, чтобы это преступление было раскрыто, поскольку Хозер был нашим другом; но, как вы знаете, я не катаюсь на лыжах, и вчера мы с женой выходили из отеля только для того, чтобы совершить короткую прогулку. Так что мне нечего вам сказать.

— Это мне решать, герр Книпфер, — спокойно ответил Спецци, — можете вы быть нам полезны или нет.

На миг во взгляде Книпфера вспыхнул гнев.

— Тогда задавайте вопросы, капитан. Сами увидите.

Он неохотно подтвердил, что его зовут Зигфрид Книпфер, что он владеет в Гамбурге фирмой, занимающейся импортом-экспортом, и приехал в Санта-Кьяру на отдых. Герр Книпфер умудрился сообщить эти сведения таким тоном, чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что он считает подобные распросы большой наглостью.

— Похоже, герр Хозер был особенно дружен с вашей дочерью, — вставил Генри.

Книпфер повернулся к нему с ледяной улыбкой.

— А вы весьма наблюдательны, герр Тиббет. От вас ничто не укроется. Да, Фриц Хозер был сильно увлечен Трудю. Более того, могу вам сообщить, он хотел жениться на ней.

Брови Спецци поползли вверх.

— В самом деле? И вы одобряли этот брак?

Книпфер ответил осторожно:

— Разумеется, я намеревался хорошенько обдумать его предложение. В конце концов, мне было очень мало известно об этом человеке. Мы никогда прежде с ним не встречались. Похоже, он был состоятелен, и это хорошо, но я и сам не беден, так что Трудю нет никакой нужды выходить замуж ради денег. С другой стороны, я должен был удостовериться, что будущий муж в состоянии достойно обеспечить ее. Лично я был скорее за этот союз. Моя дочь, увы, не красавица, и другого шанса у нее могло не оказаться.

Он помолчал.

— К сожалению, моя жена придерживалась иного мнения. Без какой бы то ни было внятной причины она относилась к Хозеру с неприязнью. Женщины в таких вопросах склонны к сентиментальности. — Немец смущенно посмотрел на Генри. — Откровенно признаться, она с излишней горячностью возражала и, когда разговор заходил об этом браке, просто впадала в истерику. Боюсь, именно поэтому ее первой реакцией на новость о смерти Хозера было чувство облегчения. Излишне говорить, что теперь супруга сожалеет об этом.

— Понятно, — кивнул Спецци. — Мне было бы интересно узнать, проводили ли вы какие-нибудь изыскания по поводу личности Хозера, и если да, то каковы их результаты?

Книпфер взглянул на него с холодным презрением.

— На будущего зятя детективов не натравливают, — заметил он. — Весной мы посетили Хозера в Риме. Я верил ему на слово, и мне этого было достаточно.

— Он вам нравился?

— Разумеется. Иначе я бы и обдумывать не стал его предложение.

— Обратимся к вчерашним событиям, — продолжил Спецци. — Поскольку вы весь день провели в отеле, вероятно, сможете сообщить нам что-нибудь о передвижениях Хозера.

Книпфер задумался.

— Мы завтракали, когда он заявил хозяину, что уезжает. Мы это уже знали. Хозер сказал нам позавчера вечером, что должен вернуться в Рим.

— Он объяснил — зачем?

— Только сказал, что, желая подольше побыть в обществе Трудю, уже отложил свое

возвращение, но больше не может пренебрегать интересами дела.

— Он уточнил, что за дело?

— Нет. Полагаю, это дело финансового свойства. Хозер был врачом, как вам, должно быть, известно, но, насколько я понимаю, медицинские исследования являлись для него чем-то вроде хобби. Деньги он делал на фондовой бирже, а подобные операции требуют неусыпного внимания и личного участия.

— Итак, вы виделись с ним во время завтрака. Что потом?

— Мы с женой, как обычно, пошли посидеть на террасе. Хозер присоединился к нам около половины одиннадцатого, сообщил, что собирает вещи. Мы вместе выпили кофе, потом он сказал, что должен сделать какой-то звонок, после чего отправится в Санта-Кьяру на ленч. Незадолго до полудня он прошел мимо нас по дороге к подъемнику, помахал нам на прощание, но сказал, что еще увидимся, так как он изменил свое решение и еще вернется в отель после ленча.

— Вы видели его по возвращении?

— Мы с женой после ленча немного погуляли, а потом отдыхали у себя в комнате. В шесть часов Хозер постучал к нам, чтобы попрощаться.

— Вы точно запомнили время?

— Да. Мы оба спали, его стук нас разбудил. Я еще сказал жене, что уже шесть и пора одеваться к обеду. Хозер повторил свое приглашение погостить у него в Риме, и мы обещали написать ему. Потом он ушел. Он уже был в куртке и шляпе, так что, полагаю, отправился прямо к подъемнику.

— И последний вопрос, герр Книпфер. — Спецци в некотором замешательстве вертел в руке карандаш. — Как относилась к этому брачному предложению ваша дочь?

— Трудн? — холодно улыбнулся Книпфер. — Она, разумеется, была рада и польщена. А уж решать, принимать его или нет, — было моим делом.

После герра Книпфера в кабинет вошла его жена. Она осторожно пристроила свое тучное тело на маленький стул и нервно сцепила руки. Подтвердив показания мужа о том, как они провели предыдущий день, вдруг повернулась к Генри.

— Я должна извиниться за свое вчерашнее поведение после того, как вы сообщили нам, что Фриц Хозер умер, — сказала фрау Книпфер. Ее круглые голубые глаза наполнились слезами. — Мой муж, должно быть, рассказал вам о предполагавшейся женитьбе. Я мать, герр Тиббет... вы должны меня понять и простить.

Ее голос дрогнул, и Генри быстро пробормотал:

— Ну конечно, конечно...

— Я не хотела этого брака, — продолжила миссис Книпфер. — Хозер был слишком стар для Трудн... слишком стар, герр Тиббет... и он бы увез ее от нас к себе в Рим. А она — мой единственный ребенок, моя деточка...

Снова нависла угроза слез, и Генри поспешно сказал:

— Полагаю, и сама она не хотела за него выходить?

Фрау Книпфер с готовностью ухватилась за эту фразу.

— О, вы такой понимающий человек. Вы способны заглянуть в материнское сердце... бедная моя девочка...

— Тем не менее ваш муж благосклонно относился к этому браку?

При этом замечании дама не смогла сдержать слез.

— Мужчины, — всхлипывала фрау Книпфер, промокая глаза крохотным кружевным платочком. — Что они понимают в подобных вещах? Разве остаться незамужней — это бесчестье?

Последний вопрос она выпалила со страстью, обращаясь к Эмми, которая покачала головой и неразборчиво пробормотала что-то утешительное.

Фрау Книпфер громко шмыгнула носом и уже спокойнее продолжила:

— Поэтому, услышав, что он умер, я не то чтобы не испытала жалости к бедняге, просто первой мыслью было: теперь моей Трудн больше ничто не угрожает... девочка

сможет вернуться в Гамбург со своей мамой...

— У вас были другие причины не жаловать Хозера, кроме того факта, что он слишком стар для вашей дочери? — спросил Генри.

Фрау Книпфер снова уткнулась лицом в платок и энергично затрясла головой.

— Нет, нет... — сквозь рыдания заверила она. — Абсолютно никаких... никаких причин... вот почему мне так стыдно за то, что я там сказала...

Эмми пришлось помочь ей встать, она проводила немку в ее комнату, где фрау рухнула на кровать, обуреваемая чувствами.

Труди, напротив, сохраняла полное самообладание.

Генри хорошо рассмотрел девушку, пока та усаживалась и скромно расправляла на пухлых коленях совершенно не идущую ей широкую присборенную юбку. Он вдруг понял, что никогда прежде, в сущности, не замечал ее лица, таким расплывчатым и невыразительным оно ему казалось. Но теперь он видел твердую линию подбородка, круглые румяные щеки, а в кукольных голубых глазах — на первый взгляд, так напоминающих глаза ее матери, — отцовскую холодную решительность.

Труди отвечала на вопросы капитана Спецци низким грудным голосом. Утром у нее было занятие по лыжам с персональным тренером. Потом — ленч с родителями. После ленча она сидела на террасе и ела шоколад.

— Вы кого-нибудь видели? Разговаривали с кем-нибудь?

— Там была фрау Бакфаст, — ответила Труди. — Я угостила ее шоколадом. Потом пошла спать. Незадолго до четырех часов я увидела, как герр Хозер поднимается по тропе от канатной дороги, и вошла в дом.

— Почему?

— Я начала замерзать.

— Вы говорили с герром Хозером?

— Да. Он остановил меня в холле. Я сказала ему, что думала, будто он уже уехал из отеля насовсем, а он ответил, что у него изменились планы. Потом он... настоял, чтобы я выпила с ним чаю в баре. И снова говорил о женитьбе.

— Мы все глубоко сочувствуем вам, фройляйн Книпфер, — сказал Спецци, слегка покраснев. — До настоящего времени никто из нас не отдавал себе отчета в том, что вы потеряли жениха при столь трагических обстоятельствах. Вы, должно быть, переживаете страшное горе.

Труди безмятежно посмотрела на него и ответила:

— Да.

— Простите, что ступаю на столь деликатную почву, но, насколько я понимаю, вы любили герра Хозера и собирались за него замуж.

— Конечно, — подтвердила девушка. Она смотрела Спецци прямо в глаза, с вызовом, словно говорила: ну возрадите мне, если сможете. Капитан, заметно смущенный, предпочел отступить на более безопасную почву.

— Расскажите, пожалуйста, что было после чая.

— Мы попрощались с герром Хозером в холле. Это было приблизительно в двадцать минут пятого. Потом я поднялась к себе. Позже я видела, как он выходит из отеля. Моя комната находится на верхнем этаже, над входной дверью. Было довольно темно, но над крыльцом горит фонарь, и дорожка освещена. Я видела, как он направлялся к подъемнику. Шел довольно сильный снег. Мне и в голову не пришло, что я вижу его в последний раз.

— Вы случайно не запомнили время, фройляйн Книпфер? — оживившись, спросил Спецци.

— Нет, — ответила Труди. — Полагаю, это было вскоре после шести, но не уверена.

— А теперь, фройляйн... простите, я должен спросить: герр Хозер когда-нибудь говорил с вами о своем бизнесе или о жизни в Риме?

Губы Труди медленно растянулись в улыбке — улыбке тайного удовольствия, которая показалась Генри весьма зловещей.

— Он много говорил о Риме, — сказала она, — о той жизни, которую я буду там вести. О его бизнесе я не знаю ничего.

— Он никогда не упоминал в вашем присутствии о том, что у него есть враги?

— Враги? — Труды снова улыбнулась. — Мой отец говорит, что хорошего бизнесмена можно отличить по количеству и качеству его врагов. Думаю, герр Хозер был хорошим бизнесменом.

Спецци ухватился за этот ответ.

— То есть вы знали, что у него есть враги? И кто они?

Девушка немного помедлила, потом сказала:

— Понятия не имею. Вы слишком буквально восприняли мои слова. Я рассказала лишь о своем впечатлении.

Было очевидно, что из Труды больше ничего не вытянешь, несмотря на все наводящие вопросы Спецци. Наконец, приуныв, он отпустил ее, прочитав напоследок короткую нотацию о неразумности попыток скрыть какую бы то ни было информацию от зоркого ока итальянской полиции. Труды снова улыбнулась, согласилась и отбыла, оставив Спецци в смутном ощущении, что над ним посмеялись, его обыграли и в конечном счете сделали из него дурака. Гордость была уязвлена.

— Девчонка дура, — в сердцах сказал он. — Знает больше, чем говорит, и воображает, будто провела нас.

Капитан сардонически усмехнулся, резко захлопнул свой блокнот и отложил его в сторону.

— Мартелли, иди скажи гостям, что на данный момент допросы закончены. Завтра они могут возвращаться к своим лыжным упражнениям, но напомни всем, что катание по Имменфельдскому спуску категорически запрещено. И любой, кто соберется покинуть отель насовсем, обязан оповестить меня об этом заранее, не позднее чем за двадцать четыре часа. После этого распечатай стенограмму и принеси мне в мою комнату.

Молодой карабинер встал со своего жесткого стула, молодежато отдал честь и энергично зашагал в холл с очевидным предвкушением удовольствия младшего должностного лица, коему ненадолго начальством дано приятное поручение продемонстрировать свою власть над простыми смертными.

Эмми тоже встала, потянулась, подняв руки над головой, и закурила.

Генри повернулся к капитану.

— Каковы ваши дальнейшие действия? — спросил он.

— Изучу расшифровку всех этих бесед, составлю хронологическую таблицу событий и подготовлю доклад. Буду вам чрезвычайно признателен, если вы как можно скорее сделаете перевод протоколов опроса англичан.

— Он будет у вас к утру, — пообещал Генри. — Собираетесь ли вы и дальше оставаться в «Белла Висте»?

— Думаю, нет. Только один-два дня. Потом переберусь в деревню и буду ждать ваших отчетов о том, что здесь происходит.

Генри кивнул.

— Я надеялся, что вы поступите именно так. При виде вашего мундира гости захлопываются, как моллюски в своей раковине, а со мной чувствуют себя более свободно.

— Согласен, — кивнул Спецци. — Он закурил одну из своих темных, устрашающе выглядящих сигарет. — Думаю, излишне напоминать вам, чтобы вы глаз не спускали с фройляйн Браун.

— Разумеется, я буду за ней наблюдать, — подтвердил Генри. — Кстати, вы не против, если я немного поразнохаю здесь кое-что? Поговорю с людьми и тому подобное.

— Все что угодно, друг мой, — горячо поддержал его Спецци. — А теперь я вас покину и...

Фраза осталась незаконченной. Ее прервал громовой раскат голосов, разразившийся в холле. Пронзительный крик миссис Бакфаст перекрывал все остальные звуки, возвышаясь

над ними словно солирующая виолончель над оркестром.

— Никогда еще не слышала подобного бреда, — гудела она угрожающе. — Я настаиваю!

Мартелли тоненьким голоском возражал на чудовищном английском:

— Синьора, капитано, он сказал, нельзя...

— Чушь! — зычно рявкнула миссис Бакфаст. — С дороги, глупец вы эдакий!

— Розамунда, ты не думаешь, что... — рокочущий бас полковника был сметен, как осенний лист штормовым ветром.

— Дайте мне пройти в кабинет!

Спорный и чисто теоретический вопрос — смог ли бы Ганнибал или Атилла устоять перед таким натиском, но у менее могущественных людей, калибра Мартелли и полковника, не было ни малейшего шанса. Спецци едва успел загасить сигарету и встать, как дверь распахнулась настежь, явив присутствующим миссис Бакфаст — Геру в бархате цвета фуксии; по бокам, словно стражи, маячили ее муж и Мартелли с лицами, преисполненными благоговейного страха.

— Мадам... — начал было Спецци, судорожно цепляясь за фалды своего удирающего без оглядки достоинства.

Миссис Бакфаст решительно шагнула в комнату, уставившись на итальянца взглядом, каким боевой бык мог бы смотреть на неумелого матадора.

— Раз вы не соизволили пригласить меня, капитан Спецци, — протрубила она, — пришлось силой прокладывать себе путь в ваш кабинет.

Она сделала паузу и возмущенно фыркнула, потом продвинулась еще на шаг и весьма театрально сменила трубный глас на спокойный разговорный тон.

— Я пришла, — заявила Розамунда Бакфаст, — чтобы сделать признание.

В разразившемся реву хаосе только миссис Бакфаст оставалась абсолютно спокойной — скала посреди бушующего моря. Полковник, пребывающий на грани апоплексического удара, непрерывно кричал, что у его жены истерика и она не понимает, что говорит; Спецци вопил, чтобы Мартелли очистил комнату от посторонних, вторично за этот день поминал черта и иступленно кричал, призывая всех к тишине; даже Генри поймал себя на том, что настоятельно умоляет миссис Бакфаст хорошо подумать, прежде чем делать подобные заявления, между тем как Эмми внесла свою лепту во всеобщую суматоху тем, что, опустившись на четвереньки, принялась собирать бумаги, выпорхнувшие из портфеля Спецци. Бешеный шум, естественно, привлек внимание всех остальных обитателей отеля. Чашки с чаем и бокалы с аперитивами были брошены в баре, по кухне раскатилась нечищенная картошка — гости и персонал бросились наблюдать за представлением, творившимся в холле.

В конце концов миссис Бакфаст лично очистила кабинет от несанкционированной толпы; последним в комнате оставался полковник, но и он был удален безапелляционно указующим перстом и суровым приказанием: «Артур!» После этого миссис Бакфаст уселась на стул, сложила руки и стала ждать.

Спецци, багровый от возбуждения, снова водворился за столом и умоляюще воззвал к Генри:

— Спросите эту сумасшедшую, что она имела в виду. Она ведь даже близко к подъемнику не подходила, а теперь хочет сделать признание. Безумие какое-то.

Капитан энергично промокнул лоб платком.

Генри, потрясенный больше, чем хотел в этом признаться даже себе, изо всех сил постарался вспомнить о принятых в Скотленд-Ярде манерах и произнес:

— Насколько я понимаю, миссис Бакфаст, вы хотите признаться в убийстве Фрица Хозера?

Миссис Бакфаст посмотрела на него с жалостью.

— Разумеется, нет, — сказала она. — Я полагала, что даже вы, Генри Тиббет, сообразите: я никак не могла его убить.

Чувствуя себя мальчиком, которого отчитала няня, Генри вцепился в край стола, чтобы не потерять равновесия.

— Тогда, может быть, вы объясните нам, что имели в виду?

— С удовольствием.

Миссис Бакфаст обвела комнату взглядом, чтобы убедиться, что все ее внимательно слушают, и сообщила:

— Артур во многих отношениях не идеальный муж.

Повисла неловкая пауза, нарушаемая лишь невнятным бормотанием капитана, повторявшего: «Чокнутая... чокнутая...»

— Например, — продолжила дама в стиле светской беседы, — мне совершенно непонятны его увлечения. Он отказывается научиться играть в бридж, а я очень люблю эту игру. Вместо этого он страстно собирает марки, а я этой страсти не разделяю. Но вы, вероятно, об этом не знали.

— Нет, не знал, — слабым голосом подтвердил Генри.

— Однако хуже всего, — рассказывала миссис Бакфаст, — его безумная любовь к горным лыжам. Год за годом все праздники, все отпуска он тратит на лыжи. Конечно, он старается отговаривать меня от поездок с ним. Но после печального инцидента, случившегося в Париже несколько лет тому назад, — не стану утомлять вас подробностями, их не назовешь поучительными, — я решила больше никогда не отпускать его за границу одного. Так что, как вы можете догадаться, — добавила она с обезоруживающим простодушием, — много лет я изнывала от скуки.

Сквозь туман, царивший в голове Генри, начал с трудом пробиваться свет.

— Вы изнывали, — повторил он, — пока не приехали в Санта-Кьяру?

Розамунда Бакфаст поощрила его за сообразительность скупой улыбкой.

— Когда мы прибыли сюда в первый раз, я чуть не умерла от полной изоляции и злости и решила, что ноги моей здесь больше не будет, хотя Артур твердил, что именно тут он нашел то, что любит называть своей Шангри-Ла.

Она замолчала и ободряюще посмотрела на Генри, как школьная учительница смотрит на блестящего ученика, побуждая его самого продолжить цепь начатых ею рассуждений. Тиббет решил не разочаровывать свидетельницу и сказал:

— А потом, во время вашего первого приезда сюда, вы познакомились с герром Хозером.

Миссис Бакфаст одобрительно кивнула.

— Вы оба не катались на лыжах, — продолжил Генри, набирая уверенность, — и проводили много времени вместе, сидя на террасе и беседуя. Вы доверительно рассказали ему о своей скуке, а он предложил средство разогнать ее. Догадываюсь, что поначалу это было представлено вам как некая безобидная игра.

Миссис Бакфаст просияла.

— А вы умнее, чем кажется, — снисходительно сказала она.

Спецци издал грудной стон.

— В чем дело? Я не понимаю. О чем вы? — жалобно сказал он.

— Контрабанда, — объяснил Генри. — Безобидная игра. И маленькая дополнительная сумма — на шпильки. Глоток настоящей жизни в беспросветно унылом существовании. На первых порах, конечно, это было нечто, абсолютно никому не причиняющее вреда. Что он предложил вам для начала?

— В первый год это было всего несколько бутылок бренди, — призналась миссис Бакфаст. — Из моего дома их забрал посыльный с почты, который вручил мне конверт с наличными. На следующий год это были часы. Хозер подал гениальную идею спрятать их под клетчатую подкладку моей вязальной сумки. На часах я заработала больше ста фунтов. Не отрицаю, это было нарушением закона, — рассудительно добавила миссис Бакфаст, — но не стану лукавить: мне это доставляло удовольствие.

— А что вы должны были привозить из Англии?

Лицо миссис Бакфаст помрачнело.

— В этом-то и есть начало беды... Мне было велено привезти, не открывая, пакет, который я получу в Лондоне. Это был маленький холщовый мешочек, его, как обычно, доставил посыльный с почты. Но мне захотелось узнать, что же именно я делаю, тем более незаконно. Вопреки приказанию Хозера я открыла мешочек. Я не из тех женщин, которых легко запугать, — без особой необходимости добавила она.

— И что оказалось в мешочке?

— Бриллианты.

Голос миссис Бакфаст звучал сурово и осуждающе.

— Должна вам сказать, это мне не понравилось. Одно дело бренди, совсем другое — бриллианты. Так я и заявила — очень твердо — Хозеру, когда приехала сюда в очередной раз. Я сказала ему, что ни на что подобное согласия не давала и продолжать участвовать в этом не буду. Мне, разумеется, следовало догадаться, что у этой скотины нет никакой совести. Он недвусмысленно дал мне понять, что, если я не буду делать так, как он велит, он сообщит о моей деятельности в полицию. Я не могла рисковать, поэтому мне ничего не оставалось, как продолжить.

— Когда это было? — спросил Генри.

— В прошлом году.

— А в этом?

— Опять бриллианты из Англии. А обратно...

Она открыла свою объемистую сумку, достала из нее маленький белый пакет и сказала:

— У меня наверху их две дюжины. То же, что пришлось провезти домой в прошлом году. Я не знаю, что это за гадость, потому что, слава богу, никогда не имела дела с такими вещами, но догадываюсь, что там, скорее всего, кокаин.

Она вручила пакет Генри.

— Это зашло слишком далеко, — продолжила миссис Бакфаст. — Я уже приняла решение пойти к властям в Англии, как только вернусь домой, и снять с себя этот груз. Если бы вы не скрыли от нас, что вы полицейский, — она бросила на Генри обвиняющий взгляд, — мы все могли бы избежать многих неприятностей. Но как есть, так есть. Хозер начал сомневаться в моей надежности. Он не был дураком. Вот почему он начал мне угрожать.

— Угрожать вам?

— Пистолет. Пистолет! — нетерпеливо сказала миссис Бакфаст. — В среду вечером, в баре. Это маленькое представление было устроено для меня. Должна признать, сначала я испугалась. Бедный Артур — он, конечно же, понятия не имел, чем я так расстроена. Лично я не сомневаюсь: если бы Хозер остался жив, то попытался бы убить меня, прежде чем я уеду. Он так нарочито — чтобы слышали все и каждый — объявил о своем отъезде, что, уверена, на самом деле не собирался отлучаться далеко. Он планировал проскользнуть обратно и убить меня. Весьма типично для мужчины.

— О, послушайте, миссис Бакфаст... — начал было Генри, но та не дала договорить.

— Вы его не знали, — лаконично сказала она. — А я знала.

— Значит, вы испытали облегчение, когда он был убит?

— Я была в восторге, — подтвердила миссис Бакфаст, — и с удовольствием поздравила бы того, кто это сделал, кем бы он ни был. Ведь он убрал с дороги Хозера и дал мне возможность рассказать все офицеру английской полиции, а не кучке галдящих итальянцев.

Она бросила испепеляющий взгляд на Спецци.

— Видите ли, я решительно настроилась первым делом сегодня утром идти в полицию — это представлялось мне предпочтительней, чем быть убитой, хотя, должна признаться, приходилось выбирать из двух зол.

Миссис Бакфаст помолчала.

— Ну вот и все. Этот неуравновешенный тип собирается меня арестовать?

Генри не смог сдержать улыбку.

— Не думаю, что есть такая необходимость, миссис Бакфаст, — ответил он. — Властям, конечно, придется решить, какие меры предпринять, но, учитывая то, что вы пришли к нам добровольно и дали столь ценную информацию...

Миссис Бакфаст одобрительно кивнула.

— Я чувствовала, что вы как англичанин отнесетесь к этому разумно, — великодушно изрекла она.

— Разумеется, нам потребуется от вас подробное официальное заявление, включая любую информацию, какой вы располагаете, о лондонских партнерах Хозера.

— С удовольствием, мистер Тиббет. Когда пожелаете. Однако в настоящий момент мне действительно нужно пойти и объяснить все мужу. Боюсь, у Артура могут возникнуть всякие глупые мысли на этот счет. Впрочем, чего еще от него ожидать? Я принесу вам остальные пакетики перед обедом.

Договорив, она с достоинством поднялась и вышла за дверь. Генри даже не пытался остановить ее, просто сказал вслед:

— Надеюсь, вы отдадите себе отчет в том, что все, только что вами изложенное, представляет собой самый вероятный из возможных мотивов убийства Хозера и делает вас главной подозреваемой.

Розамунда Бакфаст задержалась в дверях и произнесла:

— Естественно, я понимаю это, но мы ведь уже решили, что подобное невероятно, не так ли?

И вышла в холл, аккуратно закрыв за собой дверь.

Глава 11

Следующий день выдался безоблачным, солнечным, и перспектива приятного катания на лыжах всем подняла настроение. На первый взгляд, жизнь возвращалась к своему нормальному беззаботному течению, хотя ученики класса для начинающих нашли Пьетро не таким веселым, как обычно. Инструктор выглядел удрученным, озабоченным и наотрез отказался обсуждать убийство — лишь коротко заметил, что вся деревня восприняла происшествие как страшное несчастье.

— Полагаю, старина, вы отдадите себе отчет в том, что имеете дело с целым классом подозреваемых. Так что будьте осмотрительны.

Теперь, когда бремя предстоящего допроса осталось позади, к Джимми вернулось его непобедимое благодушие.

Пьетро хмуро посмотрел на него.

— Если бы я думал, что убийца Фрица Хозера находится среди моих учеников... — начал он, но передумал и, не закончив фразу, исполнил блестящий поворот прыжком без опоры на палки.

— Ладно. Сегодня начнем с чего-нибудь простенького: с поворота упором на скоростном спуске. За мной!

Генри отпросился с занятий и провел час, закрывшись в комнате со Спецци, после чего на подъемнике спустился в деревню, где сел в автобус до Монтелунги. В почтовом отделении, как он и надеялся, его ждала длинная телеграмма из Лондона. Тиббет внимательнейшим образом изучил ее, сидя за чашкой кофе в солнечной траттории, и, сделав кое-какие заметки в своем ежедневнике, поднес к телеграмме зажженную спичку. Когда послание сторело, он тщательно размешал пепел, пока тот не превратился в порошок. В Санта-Кьяру Генри вернулся уже после полудня.

Его следующим объектом был магазин розничных товаров синьоры Веспи. Он купил

новый запас американских сигарет и как бы невзначай заметил по-итальянски:

— Плохое дело — это убийство на подъемнике.

— Ужасное, синьор, ужасное. — Синьора Веспи издала несколько сейсмической мощности вздохов. — Мой бедный муж в отчаянии. Вы же знаете, что это он помогал бедному Фрицу сесть в подъемник. Полиция весь вчерашний день допрашивала его, а мой Марио невинен, как новорожденное дитя. Разве это справедливо?

Генри согласился, что это ужасно, и добавил:

— Вы знали герра Хозера лично?

Синьора Веспи энергично закивала.

— Ну конечно. Он родился здесь, в деревне. Я помню его еще мальчиком...

Тиббет переждал поток воспоминаний о юном Хозере, его незаурядных способностях, невероятной развитости еще в детстве и последующем совершенно заслуженном успехе в жизни.

— Такой добрый, такой великодушный человек... такой вежливый и чуткий...

Из всех, с кем Генри успел поговорить до сих пор, похоже, только Роза Веспи искренне горевала о нем.

— Да... трагическим выдался нынешний год для вашей семьи, — сказал он. — Сначала ваш сын...

— О Джулио! Бедный мой Джулио... он был помешан на лыжах, как все Веспи. Что может поделывать женщина с такими мужчинами, синьор? Когда Марио так серьезно покалечился, я сказала ему в больнице... — Она отлучилась, чтобы продать две красочные открытки и плитку шоколада коренастому немцу в лиловых форлагерах, и продолжила, как будто и не прерывалась: — «Марио, — сказала я ему, — я рада, что это случилось... да, рада. Потому что иначе ты бы погубил себя — точно как твой отец». И он бы на самом деле погубил себя. Все Веспи одинаковы. Мой Джулио был лучшим лыжником во всей долине, но совершенно безрассудным... не знал страха...

— Джулио, наверное, был дружен с Хозером — с дальним прицелом заметил Генри.

— Мы все были с ним дружны. — Синьора Веспи снова вздохнула. — Когда вспоминаю, как он бывало приходил и делил с нами нашу скромную трапезу, притом что был богат и знаменит... И почему только...

Внимание хозяйки снова отвлек покупатель — на сей раз элегантная молодая француженка, которой были нужны солнечные очки. Правда, синьоре Веспи не удалось ей ничего продать: то, что она предложила покупательнице, было тою отмечено как безнадежно лишенное шика. Не успела дверь закрыться за француженкой, как синьора Веспи продолжила:

— Дорогой бедный Фриц. Сколько раз он мне говорил: «Роза, вы должны гордиться своими сыновьями. Они остались в долине, но они умнее меня». Это, конечно, было неправдой, но мне были так приятны его слова. И, конечно же, Джулио действительно был умен, очень умен. Вы знали моего Джулио, синьор?

— Увы, нет, — ответил Генри. — И очень об этом сожалею. Я столько слышан о нем.

— О, вы *molto simpatico*²⁵. Хотите посмотреть фотографию Джулио? Пойдемте, я вам покажу. Мария!

В ответ на зов синьоры Веспи из внутренних семейных покоев по лестнице, стуча каблучками, спустилась хорошенькая светловолосая девушка.

— Моя дочь, — представила ее Роза. — Она приглядит за магазином, пока меня не будет.

Мария робко улыбнулась инструктору, которого синьора Веспи уже вела во внутреннее помещение. Генри, как от него ожидали, восторженно высказался о выдающейся красоте и

²⁵ Очень милый (*um*).

благородном характере, которым наверняка обладал молодой человек, уверенно смотревшими с фотографии в задрапированном черным крепом алтаре на каминной доске. Потом сделал комплимент хозяйке по поводу ее захлавленной гостиной и в конце восхитился великолепием новой радиолы.

— Это радиола Джулио, — с печальной гордостью объяснила Роза Веспы. — Ему ее прислали аж из Милана. Да, мальчик был очень умен и зарабатывал много денег на туристах. Машину мы отдали Пьетро, потому что сами слишком стары для таких вещей. А радиола... она потрясающая, правда? И очень дорогая. Марио не разрешает ею пользоваться. Когда он вернется, я заставлю его показать ее вам...

Она положила ладонь на крышку радиолы, когда из двери раздался резкий окрик: «Роза!»

Генри обернулся и увидел Марио. У себя дома старик обрел достоинство и властность, каких Тиббет в нем не подозревал. Он выглядел усталым и озабоченным, но заставил себя улыбнуться и сказал:

— Добро пожаловать в мой дом, синьор. Надеюсь, моя жена не утомила вас своей болтовней.

Потом, повернувшись к Розе, добавил:

— Незачем надоедать джентльмену в такой момент какими-то радиолами. Он хочет поговорить об убийстве, да?

— Я надеялся перекинуться с вами словечком, Марио, — подтвердил Генри. — Давайте выпьем вместе.

— Роза! — повелительно сказал жене Марио, — Вермут... вино... быстро!

— Нет-нет, — запротестовал инспектор. — Я вас приглашаю. Может быть, мы могли бы пропустить по стаканчику в баре «Шмидт»?

Марио внимательно посмотрел на Генри.

— Как пожелаете, синьор. С удовольствием.

Бар «Шмидт» был забит местными, по обыкновению собравшимися выпить в середине дня. Застоявшийся запах чеснока, черного табака и вермута облаком висел над обшарпанным залом с деревянными стенами, окна которого, по предположению Тиббета, не открывали с предыдущего лета, если открывали вообще. В смешанном гуле голосов в равных пропорциях различались итальянский, немецкий и диалект местных горцев — ладино²⁶.

Марио был встречен завсегдаемыми с явным дружелюбием, но не без примеси любопытства, которое сменилось уважительным смущением, когда в его спутнике узнали инспектора. Для вновь пришедших освободили место на одной из сильно потертых скамей, и Генри заказал два стакана сладкого темного вермута.

Когда они обменялись положенным «Salute»²⁷ и чокнулись, Тиббет сказал:

— Я хотел поболтать с вами, Марио, потому что, уверен, вы можете помочь мне понять, что на самом деле представлял собой Фриц Хозер. Как я выяснил со слов вашей жены, вы хорошо его знали. Расскажите мне о нем.

В тот же миг, как по команде, в зале наступила мертвая тишина. Генри понял, что все, затаив дыхание, ждут ответа Марио. Старик медленно покрутил свой стакан, потом ответил:

— Думаю, все женщины слишком много болтают, синьор. Хозер заходил к нам изредка — наши отцы дружили когда-то, и он навещал нас в память о прошлом. Моя жена очень гордилась этим, и теперь ей нравится думать, будто мы были большими друзьями. Но это не так.

Группа мужчин в другом конце зала заговорила приглушенными голосами, а один из них рассмеялся и сплюнул.

— В любом случае вы могли бы сказать, каким он был человеком, — заметил Генри.

²⁶ Еврейско-испанский язык сефардов и их потомков, расселившихся по всему миру.

²⁷ Ваше здоровье (*ит.*)

И снова зал замер в неловком ожидании ответа.

По некотором размышлении Марио сказал:

— Он был очень умным человеком, а по отношению к нам — всегда вежлив и добр.

— И щедр?

— Щедр? Не понимаю.

— Я подумал: раз он был богат, может быть, делал вам подарки — вам и вашим сыновьям, — предположил Тиббет.

Марио решительно тряхнул головой и коротко ответил:

— Никогда.

А потом прибавил:

— Хозер был не тем человеком, который раздает подарки.

Генри не стал углубляться в эту тему.

— Надеюсь, это происшествие не скажется на деревне отрицательно — я имею в виду, с точки зрения притока туристов.

Бар расслабился, как будто все с облегчением выдохнули. Разговоры возобновились, сначала тихо, но постепенно набирая силу и сопровождаясь жестикуляцией.

— Думаю, туристов станет больше, чем прежде, — сказал Марио. — В конце концов, единственное, что им нужно, — это кататься на лыжах, а убийство снега не портит. — Старик мрачновато улыбнулся.

— Поломка подъемника или сход лавины — вот что обернулось бы для нас разорением. А это — нет.

— Рад слышать, — бодро произнес Генри. — Полагаю, большая часть деревни кормится туризмом.

— Да, — лаконично подтвердил Марио.

— Должно быть, в сезон здесь хорошо зарабатывают — особенно инструкторы по горным лыжам.

— Туристы сорят деньгами, — заметил Марио. Потом, неожиданно взяв инициативу в свои руки, добавил: — Я знаю, что вы думаете, синьор Тиббет. Слышал, как моя жена хвалилась радиолой и машиной. Вы спрашиваете себя: как лыжный инструктор может заработать столько, сколько зарабатывал Джулио.

— Да, — признался Тиббет, — спрашиваю.

Четверо мужчин-картежников за соседним столом, вдруг потеряли интерес к игре; бармен, разливавший напитки, тихо поставил бутылку вермута на стойку и занял позицию, откуда было лучше слышно.

— Сюда приезжает много богатых, но глупых женщин — американок. Мне это не нравилось, и я стыдился того, как вел себя с ними мой сын. Но что я мог сделать? Вы же знаете американцев...

Картежники расплылись в широких ухмылках, и один из них, склонившись к Генри и дохнув ему в лицо чесноком, потер пальцами, изобразив освященный веками жест, означавший: деньги!

— Американцы, — произнес он с сильным деревенским акцентом. — Все мы их видели — разве не так?

Гул общего согласия взвился над залом. Кто, мол, виноват, если американцы как безумные сорят деньгами? Если у женщины денег больше, чем мозгов? Хотят — пусть тратят, деревне от этого только польза...

— Конечно, конечно, — с улыбкой подхватил инспектор. Он посмотрел на часы, удивился тому, что уже так поздно, и, извинившись, откланялся. Выходя на улицу, сверкавшую снегом, краем глаза Тиббет заметил, как картежники и еще несколько мужчин обступили Марио. Все улыбались, а один ободряюще похлопал старика по спине.

«Это должно их расшевелить, глядишь, что-нибудь и всплывет», — с удовлетворением подумал Генри, направляясь в «Олимпию». Проходя мимо дома Веспи, он также порадовался, заметив, как заколыхалась быстро опущенная кружевная занавеска в окне

гостиной.

В «Олимпии» было почти пусто. За стойкой Альфонсо, бармен в белой форменной куртке, протирает бокал. Генри уселся на табурет и заказал кампари, чтобы смыть сладкий вкус вермута.

— Большая волнения в деревне из-за этого убийства, — светским тоном произнес Альфонсо. Он вполне прилично говорил по-английски и никогда не упускал случая это продемонстрировать.

Тиббет рассеянно кивнул и спросил:

— Здесь бывает много американцев, Альфонсо?

— Американцев? Ну появляется иногда один-другой. Нет, здесь американцы нет.

— Я не имею в виду сейчас, я имею в виду на протяжении сезона... В прошлом году... в позапрошлом...

— Три или четыре лет назад приезжала семья американцы, — желая помочь, вспомнил Альфонсо, но эта тема явно была ему скучна, так что он сменил ее: — Вы знаете, кто застрелил Хозера, нет? Вы же великий полицейский из Лондона, все об этом говорят.

— Я не великий полицейский, и я не знаю, кто убил Хозера, — ответил Генри. — Прошу прощения, что разочаровал вас. Могу я здесь поесть?

— Ну конечно, синьор. Занимайте любой столик, какой хотите.

— Спасибо, Альфонсо. — Тиббет положил деньги за кампари на стойку и, слезая с табурета, попросил:

— Если вспомните еще каких-нибудь американцев, дайте мне знать.

— Sì, sì, signore. — Бармен явно был озадачен, но готов потакать эксцентричному англичанину. Когда Генри шел к столику, он крикнул ему вслед: — Был еще как-то леди с Кубы — о-ла-ла!

— Когда это было?

— Я не помню. Отец мне рассказывать.

Стараясь подавить недостойное и неуместное, но острое желание бросить расследование убийства и вместо этого разузнать побольше о легендарной леди с Кубы, инспектор приступил к поданному ему превосходному ленчу, после которого вернулся на подъемнике в отель.

Капитан Спецци у себя в комнате трудолюбиво преодолевал океан бумаг, составляя свой отчет. Судя по всему, он обрадовался возможности сделать перерыв в работе, с искренней сердечностью пригласил Генри войти и предложил ему свои мерзкие на вид сигареты. Вежливо отклонив угощение, Тиббет закурил трубку.

— Ну, какие у вас для меня новости? — спросил Спецци, вытягивая свои длинные ноги и выпуская дым через ноздри.

— Телеграмма из Лондона с некоторыми подробностями биографий нашего английского контингента, — ответил Генри. Он заглянул в свой ежедневник. — Роджер Стейнз. Сын Мортимера Стейнза, финансиста, который разорился и покончил с собой пять лет тому назад. Молодой человек, выросший в исключительной роскоши, в возрасте двадцати восьми лет оказался без гроша. «Нэнси Мод» была едва ли не единственным имуществом, которое ему удалось сохранить после смерти отца. Сейчас ему тридцать три года — на которые, должен сказать, он не выглядит. Прекрасно зарекомендовал себя на войне — поступил на службу в военно-морской флот в тысяча девятьсот сорок третьем и завоевал известность смелыми эскападами на маленьких катерах, преимущественно в Средиземноморье. Награжден орденом «За боевые заслуги», возведен в офицерское звание. Никто толком не знает, на что он жил после смерти отца. Судя по всему, пробовал себя в разных видах деятельности: продавал энциклопедии, перегонял яхты, недолго проработал в рекламном агентстве. Ни к одному занятию не прикипел. Тем не менее каким-то образом сумел войти в круг богатой лондонской молодежи. Полагаю, — добавил Тиббет от себя, — он пользуется спросом у хозяек светских салонов, поскольку очень хорош собой и холост. Однако ни одна из них не желает видеть его своим зятем по той простой причине, что у него

хронически нет денег...

— Но он все-таки надеется жениться на мисс Уиттакер, — заметил Спецци.

— По всему Лондону ходят слухи, что он решительно настроен жениться на ней, — сказал Генри, — и наиболее недоброжелательная часть публики не сомневается, что Роджер охотится за ее деньгами. Сэр Чарлз решительно высказался против этого брака, но Каро с ума сходит по Роджеру, и, по общему мнению, старик уже начинает сдаваться. Что еще интересно, Стейнз распространяет по городу слух, будто он хорошо устроился и скоро будет при деньгах.

— Это интересно, — пробормотал капитан.

— Да, — согласился Генри. — Но если, как можно предположить, Хозер обещал пристроить его к своему контрабандному делу, я бы сказал, что Роджер Стейнз — один из немногих, кто должен искренне сожалеть о его смерти.

— Не забывайте о шантаже, мой друг, — напомнил Спецци.

— Вот это меня и озадачивает, — сказал Тиббет. — Никак не могу поместить его в общую картину. Ну разве что Роджер действительно говорит правду.

— По-моему, это маловероятно, — довольно зловеще высказался капитан. — Продолжайте.

Генри опять сверился с ежедневником.

— Полковник Артур Бакфаст. Уэссекский королевский полк, вышел в отставку восемь лет тому назад. Член лыжной команды Вооруженных сил с тридцать третьего по тридцать девятый год. Увлечения: горные лыжи и филателия. Женился в тысяча девятьсот двадцать первом году на Розамунде Хэндфорд-Белл, дочери покойного генерала сэра Роберта Хэндфорд-Белла. После выхода полковника в отставку Бакфасты живут в маленьком доме в Бейсуотере...

— Это где? — перебил его Спецци.

— Там, где и должны жить такие люди, — с усмешкой ответил Тиббет. — Респектабельный жилой район Лондона, не слишком шикарный и не слишком дорогой. Бакфасты считаются столпами общества. Еще одно подтверждение присказки — никогда не угадаешь...

— И впрямь по ним не скажешь, — с грустью заметил капитан.

— Кто у нас следующий? Мисс Уиттакер — про нее мы все знаем. Джимми Пассденделл, младший сын лорда Рейвна, купается в деньгах и очень популярен. Старый друг Уиттакеров. Кстати, по слухам, старик Уиттакер согласился отпустить дочь в эту поездку только при условии, что Джимми отправится с ними и будет присматривать за Каро.

Генри закрыл ежедневник.

— Это все. Ничего сенсационного. А из Рима есть новости?

— Пока нет. Я жду их завтра. — Спецци испытующе посмотрел на Тиббета. — Ну, и каково ваше мнение?

— Мне кажется, у меня есть весьма перспективная идея, — медленно произнес Генри, — но многое еще надо выяснить, прежде чем я смогу что-либо доказать. Поэтому, если не возражаете, пока я оставлю ее при себе. А вы что думаете? По-прежнему делаете ставку на Герду?

— Мне бы очень хотелось, — ответил Спецци, — иметь вескую причину считать, что это не она. Я... мне жалко девочку. Но что поделаешь?

— И как, на ваш взгляд, она завладела пистолетом? — спросил Генри. — Знаете, интуиция подсказывает мне, что она не лгала, сказав, что не знала о существовании оружия.

— Она могла взять его так же, как любой другой, — скорбно ответил Спецци. — Разве мистер Пассденделл не поведал нам, что вечером накануне убийства пистолет открыто лежал на столе, где все могли его видеть?

— Если Герда или кто угодно другой взял пистолет тем вечером, — возразил инспектор, — вам не кажется странным, что Хозер совершенно не встревожился и не попытался вернуть его?

— У него не было права на ношение оружия. Он бы не рискнул заявить.

— В полицию, конечно, нет, но я не могу избавиться от чувства, что...

— Вы сентиментальны, дорогой Энрико, — перебил его Спецци. — Пытайтесь найти лазейку для девушки. Я тоже ей сочувствую, но не могу позволить себе руководствоваться эмоциями. Я полицейский.

— Я тоже, — сказал немного уязвленный Генри. — Ладно. Давайте. Арестуйте ее, если хотите. Не сомневаюсь, что барон будет в восторге.

Капитан принял суровый вид.

— Уверен, что в предстоящие день-два я произведу арест, — сказал он.

— Ну bravo, молодец! — воскликнул Генри по-английски, а потом по-итальянски добавил: — А теперь я ухожу. Мне нужно перекинуться словечком с синьором Россати.

Однако ему не суждено было сделать это в ближайшее время. Едва Тиббет закрыл за собой дверь комнаты Спецци, как приоткрылась щелочка в двери напротив и выглянула встревоженная Мария Пиа.

— Генри, — позвала она нервным шепотом. — Генри, мне нужно с вами поговорить.

— С удовольствием, — сказал Тиббет. — Вы сегодня не катаетесь на лыжах?

Мария Пиа схватила его за руку, втащила в гостиную своего люкса и поспешно закрыла дверь. Инспектор с облегчением увидел, что барона в номере нет.

— Считается, что у меня болит голова, — с горечью сказала она. — А на самом деле Герман просто не позволил мне пойти кататься. Он держит меня здесь, как узницу.

Генри не мог придумать подходящий ответ на столь мелодраматичное заявление, поэтому пробормотал лишь что-то неразборчиво-сочувственное и стал ждать продолжения.

— Я должна с вами поговорить, — повторила Мария Пиа. — Весь день ждала случая. Скоро вернется Герман с прогулки с детьми. Когда он знает, что Франко катается на лыжах, то не боится оставлять меня одну.

Она замолчала, дрожащими пальцами прикурила сигарету и продолжила:

— Я с ума схожу от страха. Видите ли, Генри, я люблю Франко.

— Вообще-то, я уже догадался, — деликатно признал Тиббет.

— Герман это подозревает. У нас долго не было места, где мы могли бы встречаться. А потом Франко нашел этот отель, и вот уже три года мы каждую зиму вместе проводим здесь чудесные каникулы. Ради этого я и живу. Вы считаете меня дурной женщиной?

Она робко посмотрела на англичанина.

— Не дурной, — ответил тот. — Немного безрассудной, быть может. Но это неважно. Продолжайте. Почему вы решили, что барон знает о вас и Франко?

— В то утро отъезда из Инсбрука, я слышала, как он говорил с кем-то по телефону. Я тогда вышла, чтобы отправиться за покупками, но забыла кошелек и вернулась. Герман не слышал, как я вошла, и продолжал говорить.

Она повторила слова мужа, как ненавистный, но хорошо вы зубренный урок: «Я жду подробного отчета о них обоих, с неопровержимыми доказательствами». Потом человек на другом конце провода что-то сказал, и Герман ответил: «Вопрос оплаты мы уже обсудили. Больше говорить не о чем». Так я поняла, что он нанял кого-то шпионить за мной. Когда вы обратились ко мне в поезде, я на минуту подумала, что — вас. Простите.

— Ничего страшного, — ответил Генри. — Я тогда удивился, чего вы так испугались.

— Приехав сюда, — продолжила Мария Пиа, — я пыталась уговорить Франко вернуться в Рим, но он отказался. Тогда я сказала ему, что мы должны быть очень осторожны. И мы старались.

При этих словах Генри не смог сдержать улыбку, и в ответ на нее Мария Пиа быстро произнесла:

— Ах, англичане! Вы-то всегда осторожны, особенно после женитьбы. Так или иначе, несколько дней тому назад я выяснила, кто за мной шпионит. Это был Хозер.

— Ясно, — заметил Тиббет, ничуть не удивившись. — Как вы это обнаружили?

— Он сам мне сказал, — объяснила баронесса. — Показал имевшееся у него

доказательство — заверенное подписью заявление Россати — и пытался его мне продать.

— Видимо, ваш муж недостаточно ему заплатил. Очень характерно, — отметил Генри. — И вы купили?

— На что?! — Баронесса уже чуть не плакала. — У меня нет своих денег — ни гроша. Все принадлежит Герману. Он проверяет каждую квитанцию, каждый чек, который я обналичиваю. И у Франко денег нет. Мы были в отчаянии. В утро... убийства я умоляла Хозера не разрушать мою жизнь...

— Я знаю, — вставил инспектор, — видел, как вы разговаривали... Но почему вы считаете, что это разрушило бы вашу жизнь? Я не могу представить себе, что вы счастливы с мужем, и, скорее всего, он использовал бы это доказательство для развода. Разве так не было бы лучше для вас?

Мария Пиа посмотрела на него трагическим взглядом.

— Вы не понимаете, Генри. Моя семья очень старомодна, она бы отреклась от меня. Мы с Франко пошли бы по миру. Но хуже всего то, что Герман никогда не отдал бы мне детей и даже, уверена, не позволил бы видеться с ними. А это... Я бы умерла, клянусь... умерла.

— Да, нелегкая ситуация, — беспечно заметил Тиббет. Он старался говорить легкомысленно, желая предотвратить грозивший вот-вот случиться эмоциональный срыв. Баронесса, похоже, поняла это, благодарно улыбнулась ему и быстро продолжила:

— Этот Хозер был дьяволом. Он смеялся надо мной, говорил, что он... ах, да какое это теперь имеет значение? Самое ужасное сейчас заключается в том, что Герман пытается доказать, будто Хозера убил Франко.

— А это он убил? — спросил инспектор, сильно заинтригованный. — Просто из интереса — убил?

Мария Пиа укоризненно посмотрела на Тиббета.

— О, Генри, вы не должны говорить подобных вещей даже в шутку. Франко и мухи не обидит...

— Я бы не был столь уверен, — возразил инспектор. — Однако есть одна неувязка. Тот факт, что ваш муж приехал сюда тем вечером, когда был убит Хозер, заставляет предположить, что Хозер позвонил ему и все рассказал. Мы даже установили, что он действительно утром звонил в Инсбрук. Таким образом, если Франко и впрямь убил Хозера, то это был крайне глупый поступок — убийство из мести. Ведь вред уже все равно был причинен.

— Нет-нет, вы не понимаете, — с трагическим надрывом возразила баронесса. — Герман мне все выложил. Хозер позвонил ему утром, как вы и сказали, и сообщил, что у него имеется доказательство. Муж согласился приехать сюда днем, но предупредил, что на машине ехать достаточно далеко, и он будет на месте не раньше семи часов. Хозер сказал, что будет ждать Германа в отеле сколько сможет, но если не дождется, положит документы в конверт и отдаст Россати, который встретит Германа в «Олимпии». Хозер сказал, что доверяет Россати безоговорочно.

— Почему Хозер просто не отправил свое доказательство барону по почте? — спросил Генри.

— Не знаю, но догадываюсь, — ответила баронесса. — Не думаю, что Герман собирался развестись со мной по суду — это было бы слишком просто для такого человека, как мой муж, и слишком милосердно. Он хотел сыграть в кошки-мышки с нами обоими.

— И где это ценное доказательство теперь? — спросил Тиббет. — Полагаю, у барона?

— Нет. — Мария Пиа покачала головой. — Приехав в Санта-Кьяру, Герман увидел, что подъемник остановлен из-за смерти Хозера. Потом, после того, как вы с Эмми ушли из «Олимпии», Россати подошел к нему и представился. Герман сразу же спросил его про конверт, и Россати признался, что потерял его.

— Потерял?! — резко спросил Тиббет. — Когда?

— Хозер отдал его владельцу отеля в баре в пять часов. У Россати была назначена

встреча с банковским управляющим, поэтому он сразу отправился вниз на подъемнике. Закончив дела в банке, он зашел выпить в бар «Шмидт», а оттуда перебрался в «Олимпию» около половины седьмого. Именно тогда он и обнаружил, что конверт исчез из кармана его куртки. Он клянется, что его украли.

— Но как, прости господи, Франко мог взять его?

— Это ужасно, — поморщилась баронесса. — Когда мы закончили кататься на лыжах, я повела детей в спортивный магазин, обещала купить им новые свитера. Франко не захотел ждать, пока мы будем делать покупки, и с кем-то из инструкторов тоже пошел выпить в «Шмидт». Он признает, что видел там Россати и говорил с ним.

— Даже если так, — сказал Генри, — откуда ему было знать, что в конверте?

— Ну, если бы он увидел его — адресованный Герману и подписанный рукой Хозера, — сразу бы догадался. И в любом случае... — Мария Пиа вдруг осеклась.

— В тот вечер Франко пришел в «Олимпию», что-то вам сказал, и вы воскликнули: «Это же замечательно». Он сказал, что завладел доказательством и уничтожил его?

Мария Пиа дрожала.

— Нет... — прошептала она, — нет...

Генри сурово посмотрел на нее.

— Лучше бы вам не лгать, — посоветовал он. — Разумеется, я прекрасно понимаю ход ваших мыслей. Если бы Франко думал, что доказательство уже у Германа, ему не было бы никакого смысла убивать Хозера. Но если конверт попал к нему в руки, это меняет дело: доказательство устранено, но Хозер жив и может представить его снова. А вот со смертью Хозера довольно легко уговорить Россати держать рот на замке.

Мария Пиа тихо заплакала.

— Франко не крал его, — произнесла она сдавленным голосом.

— Послушайте, — сказал Тиббет, — давайте допустим самое плохое и признаем, что Франко завладел конвертом. Это никоим образом не доказывает, что он убил Хозера. Когда бы он успел взять пистолет?

Баронесса прошептала едва слышно:

— Помните вечер накануне убийства? Все танцевали в баре, даже Герда. Только мы с Франко ушли рано. Анна рассказала это Герману. И Герман говорит, что Франко мог именно тогда взять пистолет в комнате Хозера.

— Об этом я забыл, — задумчиво произнес Генри.

— Но, видите ли, — сказала Мария Пиа, — я знаю, что он этого не делал.

— Откуда?

— Потому что, — ответила баронесса, очаровательно зардевшись, — он всю ночь провел со мной. Но как я расскажу об этом мужу?

— Понимаю трудность вашего положения, — признал Генри. — Как я догадываюсь, теперь вы с Франко все отрицаете, а Россати, какими бы компрометирующими сведениями ни располагал, помалкивает о содержимом конверта?

Баронесса молча кивнула. В этот момент Генри увидел шагавшего по тропинке в отель высокого сухопарого барона фон Вюртбурга в сопровождении крохотных фигурок Ганси и Лотти.

— Что ж, из сказанного вами можно сделать вывод, что Франко не мог убить Хозера, но, учитывая обстоятельства, единственный способ избавиться от подозрений состоит в том, чтобы найти того, кто это сделал. Именно этим я и занимаюсь. Поэтому, что бы ни случилось, ни в коем случае не используйте это удобное, но запутывающее дело доказательство — по крайней мере, до того момента, пока я не разрешу. Вы поняли?

— Да, Генри, — ответила Мария Пиа.

Глава 12

Анна сообщила Генри, что *il padrone*²⁸ — у себя, в своей личной гостиной, как всегда в это время дня, и что его нельзя беспокоить без крайней необходимости. Тиббету, однако, удалось убедить ее, что у него как раз именно крайняя необходимость, и Анна, очень неохотно, провела его через обитую зеленым сукном дверь, которая отделяла личные покои владельца от остальных помещений отеля.

Гостиная Россати была просто, но удобно обставлена. Двумя самыми впечатляющими объектами в ней являлись огромный письменный стол с кожаной столешницей, увенчанный фотографией девушки поразительной красоты, лицо которой казалось смутно знакомым, и сам хозяин, растянувшийся во весь рост на диване и безмятежно дремавший, накрыв лицо ведущей римской ежедневной газетой. Он вскочил при появлении инспектора и выразил полную готовность немедленно оказать ему любую необходимую помощь.

Генри начал с обманной тривиальности: мол, ему хотелось бы составить ясную картину последнего спуска герра Хозера на подъемнике.

— Насколько я понимаю, синьор Россати, вы очень часто пользуетесь подъемником, — заметил он, — хотя не катаетесь на лыжах, если не ошибаюсь.

— Нет-нет, я не лыжник. Приехав сюда, я был уже слишком стар, чтобы учиться.

— Это было три года тому назад, не так ли?

— Именно так, синьор.

— Возвращаясь к подъемнику, — сказал Тиббет, — сколько времени нужно, чтобы дойти до него по тропе от отеля?

— Ну... минуты две... может, чуть больше, если идет сильный снег.

— А в темноте?

— Дорожка хорошо освещена, синьор, вы же знаете.

— Потом вы останавливаетесь и ждете, когда подъедет кресло?

— Конечно.

Россати выглядел озадаченным, поскольку подозревал, что ответы на все эти вопросы полицейского известны так же хорошо, как и ему самому. Но тот упорно продолжал:

— Затем кресло подъезжает к вам сзади, вы садитесь в него, укутываете ноги одеялом, опускаете страхующую перекладину и к этому времени уже проделываете значительный отрезок пути.

— Именно так, — подтвердил Россати. — Что касается меня, то я не заморачиваюсь со страхующей перекладиной — это, знаете ли, лишь для новичков.

— А Хозера вы бы назвали новичком?

— После стольких лет... — Россати рассмеялся. — Разумеется, нет.

Генри продолжил:

— А, скажем, через две минуты после того, как вы сели в кресло, вы оказываетесь довольно далеко от посадочной платформы?

— Ну да... к тому времени вы уже проезжаете первый пилон.

— Благодарю вас, синьор Россати.

— Не за что, синьор Тиббет. Если я могу вам еще чем-нибудь помочь...

— Да, можете, — ответил инспектор. — Я хотел бы побольше узнать о ваших взаимоотношениях с Хозером. Должно быть, он очень доверял вам, если решился вручить столь ценный конверт для передачи барону фон Вюртбургу.

Россати самодовольно ухмыльнулся.

— Ах, вам это уже известно? Для меня большая неприятность, что его украли. Я не знаю, разумеется, что было в конверте — откуда мне знать? — но, вероятно, что-то важное, потому что барон разозлился — чрезвычайно разозлился.

²⁸ Хозяин (*ит.*)

Генри проигнорировал это замечание.

— И, насколько я понимаю, вы считаете, что конверт взял синьор ди Санти? — спросил он.

Владелец отеля пожал плечами.

— Кажется, барон считает, что у синьора ди Санти была причина стремиться завладеть этим конвертом, — уклончиво ответил он. — И возможность у него имелаась.

— Понятно, — сухо заметил Тиббет и продолжил: — Баронесса для вас — важный гость, не так ли?

— Конечно, синьор...

— Тогда как же случилось, что Хозеру удалось уговорить вас подписать документ, который, как вы хорошо понимали, нанесет ей огромнейший вред и в конце концов станет причиной того, что ни она, ни ее семья никогда больше не приедут в ваш отель? Документ, который — стань он достоянием публики — весьма подмочил бы репутацию «Белла Висть».

Россати pokrылся испариной, но сумел выдавить улыбку.

— Ах, синьор Тиббет, все-то вы знаете, как я вижу. Бесплезно пытаться вас провести.

Поскольку Генри ничего не ответил, итальянец продолжил после небольшой паузы:

— Герр Хозер сказал мне, что это будет считаться уголовным преступлением: не подтвердить свидетельство, которым я располагаю...

Инспектор строго перебил его:

— Хозер не был полицейским и даже юристом. Он не имел права вынуждать вас подписывать что бы то ни было. И, разумеется, не имел никакого права заставлять вас шпионить за баронессой. Разве что...

Что-то вдруг шелкнуло в голове Генри, словно в подсознательной картотеке наконец нашлось требуемое имя. Он повернулся к столу, взглянул на фотографию и сказал:

— Это на редкость хорошая фотография Софии Карони.

На несколько секунд Россати онемел от шока. Потом в смятении громко захлюпал носом, а пухлое лицо превратилось в маску отчаяния. Решительно проигнорировав все это, Тиббет безжалостно продолжил:

— Я не знаю, что конкретно связывает вас с ней — через минуту, когда придете в себя, вы сами мне это скажете, — но совершенно очевидно, что у Хозера было что-то на вас. Какое-то доказательство вашей связи с делом Карони, и, скорее всего, он держал вас на крючке, угрожая уголовным преследованием. Вы поспешно покинули Рим, когда возникло это дело. Вы, никогда в жизни не стоявший на лыжах, купили отель в этом отдаленном месте и приложили все усилия, чтобы научиться говорить по-немецки и создать видимость, будто прожили здесь всю жизнь. Хозер, однако, выследил вас и с тех пор шантажировал. Едва ли вам доставляло удовольствие знать, что ваш отель используется как штаб-квартира для контрабанды наркотиков, не так ли?

Владелец отеля перестал всхлипывать и сидел, обхватив голову руками и являя собой воплощение безмолвного горя.

— Думаю, — уже более мягко сказал Генри, — пришло время рассказать все начистоту.

Россати помолчал еще некоторое время, потом, не поднимая головы, начал говорить:

— София, — произнес он дрожащим голосом, — бедняжка София — моя дочь.

Он запнулся, но продолжил:

— Имя она сменила, когда стала выступать на сцене. Ее мать умерла, когда Софии было всего десять лет. Мы почти нищенствовали... времена были тяжелые. И да, я благосклонно отнесся к тому, что граф Брандози стал проявлять к ней интерес, — вряд ли меня можно было винить за это. Поначалу я надеялся, что он женится на ней... клянусь.

— Насколько я помню, — вставил инспектор, — он уже состоял в браке, и в семье было семеро детей. Впрочем, давайте опустим этот сюжет. Итак, София стала отличным источником дохода. А потом новые друзья познакомили ее с наркотиками — кроме всего прочего. Я правильно излагаю?

Россати молча кивнул.

— Вероятно, вас использовали как посредника для доставки этой дури, — продолжил Генри, свободно импровизируя. К его несказанному удивлению, Россати снова кивнул. — И откуда вы ее получали? От Хозера?

Итальянец поднял залитое слезами лицо.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Я ни сном ни духом не ведал, что он имеет к этому какое-то отношение. Я получал порошок у некоего химика. Каждый раз приходилось писать расписку. Потом моя бедная София умерла и...

— Была найдена мертвой, — уточнил Тиббет, — в летнем доме графа после особенно разнузданной оргии. Разразился скандал. Что произошло после?

— Хозер был ее врачом, — прошептал Россати. — Он пришел проведать меня и был полон сочувствия. Это он предложил, чтобы я переехал сюда, подальше от всего. И даже одолжил мне денег на покупку отеля. А потом, в один прекрасный день, объявился здесь со всеми расписками, которые я давал химику. Стоило ему только отнести их в полицию — и...

— И с тех пор, — подхватил Генри, — он использовал этот отель как хотел. Вы очень испугались, когда капитан Спецци спросил вас о счете Хозера, потому что, разумеется, никакого счета не было. Наоборот, предполагаю, это он брал у вас деньги каждый раз, когда приезжал.

— Все выгребал!

Даже в своем горе Россати умудрился продемонстрировать возмущение подобной несправедливостью.

— Он забирал весь мой доход до последнего гроша. Оставлял ровно столько, сколько нужно для содержания отеля, чтобы сюда приезжали гости...

— Сколько из ваших гостей непричастны, а сколько — от Хозера? — спросил Тиббет.

— Я не знаю, синьор. Клянусь, не знаю, — всхлипнул Россати. — В первый год приехал синьор ди Санти, он сказал, что Хозер рекомендовал ему мой отель. А в прошлом году Хозер велел мне написать синьору Стейнзу и предложить ему льготные условия. Вот и все, что мне известно. Он мне ничего не рассказывал — даже о контрабанде, хотя я догадывался... — Россати жалобно посмотрел на Генри. — Что со мной теперь будет, синьор? — произнес он дрожащим голосом. — Полиция... она меня?..

— Понятия не имею, какие действия предпримет итальянская полиция, — ответил инспектор. — Дело Карони закрыто, и вполне возможно, что, если вы нам сейчас поможете...

— Все что угодно, синьор Тиббет, все что угодно! О, какое было бы счастье, — выдохнул Россати, — если бы я мог вести дело так, как хочу... без постоянного страха... И получать свой законный доход, — добавил он уже более практичным тоном.

— А теперь, — сказал инспектор, — о том конверте, содержащем ваше собственноручно подписанное заявление. Вы действительно считаете, что синьор ди Санти украл его?

Видно было, что Россати после недолгих колебаний принял важное решение.

— Синьор Тиббет, — проговорил он не без достоинства, — отныне и впредь я буду говорить вам только правду.

— Это будет приятным разнообразием, — отозвался Генри. — Итак?

— Баронесса и синьор ди Санти — они приятные люди. И хорошие постояльцы. Когда я увидел бедного синьора ди Санти в баре «Шмидт», я мог думать только о том, что сотворил со мной Хозер и как я его ненавижу. И мне было стыдно, что он заставил меня шпионить за ними. Я осмелел. Хозер уехал — и я был готов все отрицать. Я... Я сам отдал конверт синьору ди Санти.

— Великодушный, хотя и недалевидный порыв, — сказал инспектор, — который может стоить ему обвинения в убийстве.

— Откуда мне было знать? — простонал Россати. — Я хотел сделать как лучше. Хотел помочь ему.

— А потом вы попытались помочь, обвинив его в том, что он украл конверт?

Владелец отеля промямлил что-то насчет того, что убийство меняет все.

— Существуют более приличные способы спасти свою шкуру, чем клевета на других людей, — указал Генри. — Откуда мне знать, не убили ли вы Хозера сами? У вас была для этого масса причин.

Это породило со стороны Россати бурю протестов и причитаний насчет наличия алиби.

— Ладно, ладно, — сказал наконец Тиббет, прерывая поток оправданий. — Пока просто добавим вас к списку лиц, которые несказанно обрадовались смерти Хозера. Если вспомните что-то еще, о чем вы нам соврали, дайте мне знать.

Он быстро вышел из гостиной Россати в холл, где увидел Эмми, только что вернувшуюся с лыжной прогулки.

— Дорогой, — воскликнула она, — да ты прямо позеленел! Что здесь произошло?

— Ничего, — ответил Генри. — Просто провел особенно отвратительные полчаса. Ненавижу ломать людей.

Эмми крепко стиснула его ладонь.

— Знаю, — сказала она. — Пойдем, я хочу выпить, угости меня.

Лишь какое-то время спустя Тиббет с благодарностью осознал, что жена даже не спросила, кого он ломал и почему.

В баре Генри имел возможность с интересом наблюдать, какой эффект убийство и его последствия оказали на гостей «Белла Висты».

Миссис Бакфаст, как он отметил с ироничным удивлением, ничуть не изменилась после своего драматического признания. Она величественно вплыла в бар, коротко кивнула в знак приветствия Тиббетам, заказала маленький шерри, отослала его обратно, потому что он показался ей слишком сухим, и сделала выговор Анне за то, что дополнительная подушка, которую она потребовала, до сих пор ей не доставлена, — иными словами, осталась сама собой. Полковник, напротив, казался подавленным откровением о недостойном поведении жены. Он даже внешне постарел лет на десять и, казалось, старался ни с кем не встречаться взглядом. Увидев инспектора, он сначала побагровел, потом побледнел и, пока его жена препиралась с Анной, со смущенным выражением лица прошаркал к барной стойке, у которой сидели Тиббеты.

— Добрый вечер, полковник Бакфаст. Хорошо покатались сегодня? — дружелюбно спросила Эмми.

Несчастный полковник откашлялся и пробормотал нечто, из чего можно было понять, что он весь день не выходил из дому.

— О, как жаль, — сказала Эмми. — Снег сегодня божественный.

Полковник Бакфаст что-то промямлил, запинаясь, и снова прочистил горло. Наконец ему удалось членораздельно произнести:

— Обязан перед вами извиниться, Тиббет... эти махинации моей жены... даже не знаю, как их квалифицировать... постыдны...

— Совсем нетрудно понять, как это произошло, — ответил Генри. — Уверен, что миссис Бакфаст не хотела никому причинить вреда. И конечно, ей делает честь тот факт, что она сама пришла к нам и все чистосердечно рассказала.

— Этому нет оправдания, — пробубнил полковник. — Все так... позорно... — Он помолчал и в еще большем смущении продолжил: — Они... то есть... полиция... как вы думаете?... Я, конечно, не имею права спрашивать у вас...

— Не знаю, что будет дальше, — с искренним сочувствием отозвался Генри, — но обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы об этом деле забыли.

— Ей-богу, Тиббет... — Полковник старался найти слова, чтобы выразить свою благодарность, но не мог, и, будучи призван повелительным окликом своей нераскаявшейся супруги, лишь слабо улыбнулся.

— Жена... — объяснил он, — требует меня... нуждается в поддержке... в такое трудное время... бедная слабая женщина... Это чертовски великодушно с вашей стороны,

Тиббет...

— Артур, твой грог стынет! — зычно крикнула миссис Бакфаст.

— Ах да... грог... прошу меня простить...

Следующими в бар вошли Роджер и Каро. Каро переоделась в восхитительные красные брюки и зеленый свитер, подчеркивающий бледность ее лица и темные круги под глазами. Роджер обнимал девушку за плечи, а на пороге ободряюще прижал к себе и улыбнулся. Каро было устремилась в дальний конец бара, но Стейнз придержал ее и твердо направил туда, где сидели Эмми и Генри.

— Добрый вечер, — сказал он. — Чудесный сегодня выдался денек. Замечательный снег.

Потом, заметив Бакфастов, крикнул:

— Надеюсь, вы чувствуете себя лучше, полковник? Нам не хватало вас на лыжне.

Полковник что-то неразборчиво проворчал себе в усы, а миссис Бакфаст отчеканила:

— К завтрашнему дню Артур будет в полном порядке, мистер Стейнз. У него просто небольшой приступ этой дурацкой головной боли.

— Бедняга действительно выглядит больным, — заметил Роджер, наклонившись к Эмми. — Что с ним?

— Думаю, просто перекатался, — быстро ответила та. — В конце концов, он уже не так молод.

— Жаль, — сказал Роджер. — Должно быть, в свое время он был отменным лыжником. Ну, что будем пить? Генри? Эмми? Каро?

Тиббеты поблагодарили, указав, что у них бокалы и так полны, а Каро ответила:

— Ничего. Не знаю. Ну ладно, пусть будет бренди.

— Держись, дорогая, — подбодрил ее Роджер и, обращаясь к Генри, добавил: — Девочка страшно переутомилась. Вы ее замучили?

— О, Роджер, не... — начала было Каро, но осеклась.

— Я? — переспросил инспектор. — Что за странная идея. Я никогда не мучаю людей.

— Только свою бедную жену, — вставила Эмми. — Я всю ночь не спала — писала для него противные отчеты.

Она улыбнулась Каро, та слабо улыбнулась ей в ответ.

— Кстати, — продолжал Стейнз с явно деланной непринужденностью, — пришел ли ответ от графологов из Рима?

— Еще нет, — ответил Генри.

— Надеюсь, эта маленькая задачка их позабавит. Отныне у меня не будет никаких секретов от итальянской полиции. В римских архивах, можно будет найти точный список того, сколько пар нижнего белья, модных мужских носков, подтяжек...

— Роджер! — перебила его Каро. — Ты о чем?

— Только о том, что местная полиция конфисковала опись моего багажа в качестве жизненно важной улики, — ответил Стейнз. — Мне казалось, я тебе об этом рассказывал.

— О нет!.. Нет, они не могли...

Бледное лицо Каро позеленело, девушка качнулась вперед на табурете и вцепилась в барную стойку, чтобы не упасть.

Роджер моментально подхватил ее, а Эмми встревожено спросила:

— Каро, что с вами?

— Нет... ничего... простите. Уже все хорошо.

Она встряхнулась, выпрямилась и попросила:

— Роджер, закажи мне двойной бренди. Я сегодня настроена гульнуть.

— Все что пожелаете, мэм, — ответил Роджер. Голос его звучал легко, но Генри заметил, что он пристально и озабоченно наблюдает за подругой. В этот момент в бар вошел Джимми. Завидев друзей, он помедлил в нерешительности, затем направился к Тиббету.

— Простите, — начал он с непривычной серьезностью, — не мог бы я переговорить с вами?

— Разумеется, — кивнул Генри. — Здесь или в другом месте?

— В другом месте, если вы не против. Это... весьма личный разговор.

— Тайны, тайны, — укоризненно произнес Роджер. — А может, ты собираешься признаться? Нет?

Джимми бросил на него короткий взгляд, исполненный неприязни, и обратился к инспектору:

— Не возражаете, если мы на минуту поднимемся ко мне в комнату?

— Конечно, нет. — Генри соскользнул с табурета.

— Присмотрите здесь за моей старушкой? — шутливо обратился он к Роджеру. — Я скоро вернусь.

Джимми молча последовал впереди — через холл, вверх по лестнице, в свою комнату — и лишь тщательно закрыв дверь, проговорил:

— Простите, что причиняю вам беспокойство, но меня очень тревожит Каро. Видите ли, я чувствую себя ответственным за нее.

— Да, я тоже заметил, что она в крайне нервном состоянии, — согласился Тиббет. — У вас есть соображения — почему?

— Определенно не скажу, но догадываюсь. — Джимми выглядел непривычно угрюмым. — Виноват Роджер.

— Насколько я понимаю, Роджер собирается жениться на Каро?

Джимми хмуро кивнул.

— Она сумасбродная, — медленно произнес он. — Сумасбродная и упрямая как осел. Я знаю ее с тех пор, когда она еще под стол пешком ходила, и уже тогда она была такой. Ее родителям Роджер не нравится, но Каро твердо решила выйти за него, что бы те ни говорили. И не позволяет никому и слова дурного о нем сказать.

— Да, я и это заметил.

— Несколько месяцев тому назад, — продолжал Джимми, — Роджер начал повсюду трезвонить, что открыл способ быстро разбогатеть. Каро была в восторге, но мне это не нравилось так же, как и ее родителям. Поэтому было решено, что я серьезно поговорю с Роджером и попытаюсь выяснить, что он затеял.

— И вам удалось что-нибудь из него вытянуть? — поинтересовался Генри.

— Вряд ли... Он разыграл спектакль, будто безумно любит Каро и хочет сделать нечто ради нее. Я надавил на него как мог, чтобы выяснить, где он собирается взять деньги, но единственное, что он мне сообщил, — что речь идет о некоей секретной сделке с континентальной фирмой, детали которой он должен будет уладить во время пребывания здесь. Вот почему я абсолютно уверен, что Роджер каким-то образом был связан с Хозером. И теперь Каро просто сходит с ума от тревоги. Она ничего мне не говорит, но...

Джимми помолчал, а потом с явным усилием выпалил:

— На самом деле меня приводит в ужас мысль, что Роджер мог убить Хозера и каким-то образом втянуть во все Каро. Конечно, это последнее, что следовало бы сообщать полиции, но вы человек разумный и...

Тиббет посмотрел на озабоченное лицо Джимми, и ему стало искренне жаль молодого человека.

— Я рад, что вы мне все рассказали, и действительно сочувствую вам. Скажу лишь одно: мне представляется маловероятным, чтобы либо Роджер, либо Каро имели какое-то отношение к смерти Хозера. Конечно, вы понимаете, что наверняка я ничего утверждать не могу. Это лишь мое мнение, основанное на известных к настоящему моменту фактах. Но есть еще кое-что...

— Так и знал, что будет большое жирное «но».

— Я и сам не знаю, насколько оно большое... Вы, разумеется, правы, подозревая, что Роджер был связан с Хозером.

— Ну я же говорил! Вот болван! — воскликнул Джимми.

— Тем не менее посмотрим на ситуацию с более светлой стороны, — продолжал

Генри, демонстрируя несколько большую доверительность, нежели испытывал на самом деле. — Теперь, когда Роджер увидел, к какой беде все это может привести, я готов побиться об заклад, что он образумится. Если бы меня спросили, я бы сказал, что он действительно любит Каро и, когда все эти неприятности останутся позади, вы отнесетесь к ним обоим более сочувственно. Простите, что говорю с вами наставительно, но такому человеку, как вы, имеющему безоговорочно надежное положение в этом мире, очень трудно понять точку зрения такого человека, как Роджер, который изо всех сил старается не терять лицо при почти полном отсутствии денег. Понимаете, что я хочу сказать?

Джимми мрачно кивнул.

— У меня создалось впечатление, — продолжил инспектор, — что эти двое решили, будто весь мир ополчился против них, а это очень опасное состояние души. Поэтому, если вы действительно хотите помочь Каро, лучшее, что вы можете сделать, это быть на ее стороне... и на стороне Роджера.

Джимми медленно раздавил окурок в пепельнице.

— Ладно, — заключил он. — Я постараюсь. Раз вы считаете, что Роджер ни при чем.

Генри испытывал неловкость, и это отражалось на его лице.

— Пока я ни в чем не могу быть уверен, но я изложил вам свои соображения. Так или иначе, что бы ни случилось, я абсолютно уверен, что Каро не откажется от Роджера. Мне нравится эта девушка.

После ужина Тиббет сказал жене:

— Давай поговорим — я хочу вытрясти мусор из головы.

Они поднялись к себе, удобно устроились на кровати и закурили. Для начала Генри описал Эмми все, что случилось за минувший день. Она слушала очень внимательно, время от времени задавала вопросы, но ни разу ничего не прокомментировала. Когда он закончил, она сказала:

— Не припомню дела, в котором сплелось бы так много мотивов. Похоже, Хозер был самым ненавидимым человеком в Европе.

— Ничего удивительного, если вспомнить род деятельности, который он выбрал, — ответил Генри. — А теперь скажи мне, что ты обо всем этом думаешь?

— Ну, — неторопливо начала Эмми, — с тех пор как ты сказал, что считаешь Герду способной на убийство, я много наблюдала за ней и пришла к выводу, что ты, пожалуй, прав. Но я не вижу, чтобы у нее была возможность завладеть пистолетом. Хотя, конечно... Тебе не приходило в голову: почему мы все уверены, что Хозер убит из собственного пистолета? Разве это не могло быть другое оружие?

— Могло, разумеется, — ответил Тиббет, — но это маловероятно. Мы знаем, что пистолет Хозера был того же калибра и что он, без сомнения, исчез.

— Но когда Герда могла бы его взять?

— Не забывай, что вечером накануне убийства она спустилась в бар позже остальных, — ответил Генри. — Роджер сходил наверх и привел ее, если помнишь. Она могла взять пистолет именно в это время. Но есть и другая возможность: в день, когда Хозера убили, его багаж находился в «Олимпии» с полудня. Пистолет мог быть украден оттуда.

— Когда? — с сомнением спросила Эмми. — Все, кроме тебя и Хозера, весь день были кто на лыжах, кто в отеле.

— Какого цвета чемоданы Хозера? — вдруг спросил Генри.

Эмми наморщила лоб, вспоминая, потом сказала:

— Они из довольно светлой коричневой кожи.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, потому что... Господи, как же мне это раньше не пришло в голову? Ну конечно! Я видела их в коридоре, когда ходила припудрить носик. А ведь не я одна туда ходила.

— Вот именно, — кивнул Генри. — Перед твоим приходом туда ходили и Каро, и Роджер, и полковник. Герда, если помнишь, прежде чем сесть за стол, прошла через коридор

в гардероб, чтобы повесить свой анорак. Единственными, кто не покидал зал, были Джимми, Франко, Мария Пиа, дети и я.

— Значит, Герда легко могла взять пистолет, — задумчиво протянула Эмми. — Тогда почему ты считаешь, что она невиновна?

— Мой нюх... — начал было Тиббет и усмехнулся. — Я хотел сказать, что не в характере Герды — полагаться на случай. А тут, как считает Спецци, все построено на серии совпадений. Конечно, если выяснится, что каким-то образом Герда точно узнала, какими будут передвижения Хозера, — тогда другое дело.

— Предположим, — размышляла Эмми, — пистолет взяли для совсем другой цели — чтобы убить кого-то другого. А потом убийца увидел едущего на подъемнике Хозера и, не удержавшись, воспользовался представившейся возможностью.

— Я думал об этом, — сказал Генри. — И эта мысль меня тревожит, потому что, если так, то убийца снова готовится нанести удар по первоначальной жертве. Но на кого другого и кто мог бы здесь еще покушаться?

— Ну... возможно, Франко решил убить барона.

— Опомнись, милая, — мягко сказал Тиббет. — Подумай. Франко не знал о приезде барона, хотя, признаю, мог догадаться; но он едва ли не единственный человек, у которого не было никакого шанса завладеть пистолетом. Показания Марии Пиа обеспечивают ему алиби на всю ночь накануне убийства, а в «Олимпии» он ни разу не вышел из-за стола.

— А почему он не мог прошмыгнуть наверх и взять пистолет, пока Мария Пиа разговаривала с Хозером после завтрака?

— Потому что он был в кухне, где ему готовили и упаковывали ленч, — ответил Генри. — Я проверял у Анны.

— Конечно, — не сдавалась Эмми, — тут мог иметь место сговор. Баронесса могла знать, что он взял пистолет накануне вечером.

— Ты в это действительно веришь? В любом случае лично я не сомневаюсь — что бы там ни думал Спецци, — пистолет был у Хозера, когда тот упаковывал вещи. Иначе он бы с Россати шкуру спустил.

— Не забывай, что Россати его ненавидел. Вероятно, он знал об исчезновении пистолета, но тебе ничего не сказал.

— К тому времени, когда я уходил от него сегодня, он говорил уже только правду, — уныло признался Генри.

— А если он сам взял пистолет? Нет, это не годится, потому что он никак не мог застрелить Хозера. Ох, дорогой, — с сожалением произнесла Эмми, — похоже, кольцо сжимается вокруг Герды, Роджера и полковника. Мне это совсем не нравится.

— Что ты думаешь о Роджере? — вдруг спросил Генри.

Эмми колебалась.

— Ничего не могу с собой поделать — он мне нравится.

— Ты имеешь в виду, что...

— Он, конечно, не слишком щепетилен и не до конца честен, но, думаю, у него есть собственные принципы, пусть отличающиеся от общепринятых, но весьма строгие. Я могу представить себе, что такой человек убивает под горячую руку, но что он хладнокровно планирует убийство — нет.

— А как насчет Книпферов?

— Кошмар, — тут же откликнулась Эмми. — Девушка могла бы нормально жить, однако при таких родителях у нее ни единого шанса. Но ведь они в любом случае вне подозрений, не так ли?

— Вроде бы так, — согласился Тиббет, — но никаких сомнений, что девица знает больше, чем говорит. И я догадываюсь в чем дело.

— Полагаю, мне ты об этом не собираешься рассказывать, — покорно произнесла Эмми.

— Нет, — признал Генри. — Пока — нет.

Глава 13

На следующее утро в половине девятого в дверь номера Тиббетов раздался стук, и вошел Спецци, держа толстый портфель.

— Я собираюсь сегодня покинуть отель, — сказал он, — поэтому принес копии моих отчетов и хронику событий, которую я составил. Надеюсь, эти материалы окажутся вам полезны.

В дверном проеме возник молодой карабинер, который сообщил капитану, что его ищут. Спецци, вручив инспектору стопку бумаг и извинившись, ушел. Повернувшись к Эмми, Генри сказал:

— Ты иди вниз и позавтракай, а я хочу изучить все это.

— Я останусь с тобой. У меня есть интересная книга, — ответила Эмми.

Тиббет быстро прочел аккуратно отпечатанные протоколы допросов и просмотрел итоговое заключение самого Спецци, в котором капитан делал вывод, что преступницей является фройляйн Герда Браун, хотя убедительных доказательств ее вины пока не имеется. А потом Генри принялся за серьезное изучение хроники событий.

9.00 Хозер вызывает Россати в столовую и сообщает о своем намерении уехать на последнем поезде. Это слышат все гости, кроме баронессы.

9.15 Баронесса беседует с Хозером в баре.

9.20 Хозер оплачивает свой счет в кабинете Россати.

9.30—10.00 Лыжники выходят из отеля. Миссис Бакфаст и Книпферы идут на террасу. Хозер поднимается к себе паковать вещи.

10.30 Беппи идет в комнату Хозера, разговаривает с ним, забирает багаж и относит его к подъемнику.

10.35 Хозер беседует с Книпферами на террасе.

11.00 (прибл.) Хозер звонит в Инсбрук.

11.35 Хозер садится на подъемник и спускается в деревню.

12.10 (прибл.) Марио отсылает багаж вниз на подъемнике.

12.30 Мисс Уиттакер и мистер Пассденделл возвращаются к ленчу.

12.35 Карло относит багаж Хозера в «Олимпию».

14.30 Лыжники снова отбывают. Книпферы отправляются на прогулку.

Миссис Бакфаст и фройляйн Книпфер сидят на террасе.

15.30 (прибл.) Фройляйн Книпфер видит Хозера, идущего к отелю от подъемника.

15.45 Хозер и фройляйн Книпфер пьют чай в баре.

16.30 Фройляйн Книпфер идет к себе наверх. Беппи видит, как миссис Бакфаст разговаривает с Хозером в баре. Мисс Уиттакер и мистер Пассденделл прибывают в «Олимпию» на чай.

16.45 Миссис Тиббет приходит в «Олимпию».

17.00 Стейнз и полковник Бакфаст появляются в «Олимпии» (поезд из Имменфельда прибывает в Санта-Кьяру в 16.55). Россати разговаривает с Хозером в баре, потом на подъемнике спускается в деревню.

17.20 Баронесса, фройляйн Герда и дети прибывают в «Олимпию».

17.30 Синьор ди Санти прибывает в «Олимпию».

18.05 Компания, пившая чай в «Олимпии», расплачивается и уходит.

18.10 Хозер покидает отель, это видят Беппи и фройляйн Книпфер.

18.15 (самое крайн.) Компания из «Олимпии» подходит к подъемнику. Мистер Пассденделл — первый, за ним остальные англичане, баронесса, ди Санти, дети, Герда.

18.16 Хозер садится в кресло подъемника на верхней станции.

18.17 Подъемник останавливается.

18.19 Подъемник запускают снова.

18.43 Хозер прибывает на нижнюю станцию подъемника, застреленный. Герда, которая ехала последней, прибывает на верхнюю станцию.

18.44 Подъемник останавливают.

В течение некоторого времени инспектор очень сосредоточенно изучал этот документ, потом сказал:

— Я должен извиниться перед Спецци.

Эмми отложила книгу.

— За что?

— За то, что подтрунивал над его страстью к составлению точного графика, — сказал Генри, передавая листок с хронологией событий жене. — Посмотри-ка на это внимательно.

Эмми прочла документ несколько раз.

— Не вижу, чтобы тут было что-то, чего мы не знали прежде.

— Ничего такого тут и нет, — согласился Генри. — Но этот документ проясняет всю картину, вот в чем дело. Он дал мне критически важный кусочек информации, который был необходим, чтобы закольцевать мою теорию.

Эмми еще раз просмотрела хронологию, но призналась:

— Не вижу здесь ничего особенного.

— Неужели? — возразил Тиббет. — Между тем особенное здесь есть. Эта хронология, составленная Спецци, плюс немного логических рассуждений плюс некое замечание, оброненное одним из свидетелей, — и дело практически раскрыто. Единственное, что остается теперь сделать, — это связать все ниточки воедино.

— Даже не буду просить тебя объяснить, — сказала Эмми со смиренной улыбкой, — потому что знаю: ты этого делать не станешь. Но можешь, по крайней мере, сказать мне, кто из свидетелей обронил это судьбоносное замечание?

— С удовольствием, — ответил Генри. — Это был полковник Бакфаст.

После завтрака Эмми поспешила присоединиться к своей учебной группе. Остальные лыжники к тому времени уже отбыли. Тиббет решил спуститься в деревню и надевал анорак у себя в комнате, когда дверь стремительно распахнулась и в комнату влетел чрезвычайно возбужденный Спецци.

— Энрико, мне нужно с вами поговорить! — крикнул он, промокая лоб. — Я только что встретился с бароном.

— Не повезло, — сочувственно сказал Генри. — Полагаю, он хочет, чтобы вы арестовали Франко ди Санти.

— Откуда вы знаете?

— Вчера вечером я говорил с баронессой. По ее просьбе, — поспешно добавил он.

Капитан сел на кровать и уныло кивнул.

— У него был Россати, и они оба сделали заявление по всей форме относительно улики для дела о расторжении брака. Об этом баронесса вам тоже рассказала?

Инспектор кивнул.

— Баронесса в истерике, — с несчастным видом продолжил Спецци. — Россати дрожит от страха и готов под присягой подтвердить все что угодно. Барон холоден как лед и настроен очень решительно. Что мне делать?

— Я бы на вашем месте арестовал Франко, — с готовностью посоветовал Генри.

Спецци застонал.

— *Mamma mia*, а что я буду делать потом? Аргументы против него, признаю, имеются — но никаких доказательств. Если его осудят, баронесса никогда меня не простит, а если оправдают, барон будет жаждать моей крови. Так или иначе, я считаю, что парень невиновен. Лучше бы я никогда в жизни не слышал об этом проклятом деле. И все, что вы

можете мне сказать, это: «Я бы на вашем месте его арестовал»?! *O Dio, Dio, Dio!*²⁹

— Я сказал это не просто так, — возразил Тиббет. — Это желательно сделать по нескольким причинам. Если вдруг ди Санти действительно виновен, нет смысла откладывать арест. Если же нет, то сам факт его ареста усыпит бдительность настоящего убийцы и может спровоцировать того на ошибку. В любом случае, — добавил он, — при том состоянии, в каком сейчас пребывает барон, Франко, полагаю, будет в большей безопасности в тюрьме, нежели на свободе.

— Вы действительно так думаете? — недоверчиво спросил капитан.

— Да, — подтвердил Генри.

К ленчу вся «Белла Виста» уже взволнованно гудела, и слухи росли как на дрожжах. Вернувшийся с трассы Франко — очень бледный, но спокойный — был препровожден из отеля под конвоем Спецци и его помощников. С верхней лестничной площадки барон с неприятным выражением явного удовлетворения наблюдал, как маленькая процессия покидала отель; после этого он развернулся и проследовал к себе, с грохотом захлопнув дверь. Труды Книпфер из своего окна следила, как уводили Франко: на ее лице отражалось замешательство. Англичане выглядывали из своих приоткрытых дверей, содрогаясь от смешанного чувства жалости и облегчения. Россати пришел на кухню и принялся распекать персонал.

Когда арестованный со своим эскортом удалились на достаточное расстояние, Генри спустился в бар. Похоже, там были все, кто находился в отеле, за исключением фон Вюртбурггов и Герды. В зале царил суматоха, взволнованные разговоры вспыхивали и извергались, словно потоки лавы. Однако при появлении Тиббета наступила настороженная тишина. Все уставились на него, и Генри почувствовал себя уродцем из площадной интермедии. Пройдя к стойке, он заказал кампари с содовой. Разговоры возобновились, но теперь они велись тише и украдкой; Тиббет почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной.

— Значит, это был бедный старина Франко? — сказал Роджер с несколько развязной улыбкой. — Кто бы мог подумать? Что ж, полагаю, мы все можем теперь вздохнуть с облегчением.

— Похоже на то, — ответил Генри.

— Не хотелось бы показаться бессердечным, — заметил Джимми, который подошел к стойке вместе с Каро и, судя по всему, уже порядочно накачался бренди, — но слава богу, что это не кто-то из нас. По крайней мере, теперь мы знаем, как коварна жизнь.

Он повернулся к Каро, которая угрюмо цедила лимонад.

— Послушай, Каро, теперь, когда все позади, хотелось бы мне узнать, вы с Роджером не?..

— Все позади? — повторила она. Каро аккуратно поставила стакан на стойку и посмотрела Джимми прямо в глаза. — Что касается меня, то ничего еще не начиналось.

С этими словами девушка вышла из бара. Роджер тут же поставил свой стакан и поспешил за ней. Из холла неразборчиво послышались их голоса: успокаивающий Роджера и протестующий Каро.

— Сдаюсь, — сказал Джимми. — Я из кожи вон лез, чтобы быть тактичным, как вы велели, — и это вся благодарность, которую я заслужил? Что, черт возьми, происходит с этой девицей теперь?

— Не знаю, — признался Генри. — Но собираюсь выяснить.

После ленча Тиббет спустился к нижней станции подъемника и имел долгий разговор с Карло, заставляя того снова вспоминать все подробности вечера, когда был убит Хозер. Новость об аресте Франко вмиг распространилась по деревне, и Карло теперь был склонен припомнить и зловещее выражение на лице ди Санти, когда тот садился в кресло подъемника, и его подозрительно оттопыренный карман. Генри выслушал все с вежливым

²⁹ О боже, боже, боже! (*um*)

скептицизмом и вернулся в отель.

Миссис Бакфаст, одна, сидела на террасе, и инспектор, пододвинув стул, сел рядом.

— Итак, дело раскрыто, мистер Тиббет, — заметила она. Спицы в ее руках деловито позвякивали. — Должна вас поздравить.

— Не меня, — ответил Генри. — Всю работу сделала итальянская полиция.

Миссис Бакфаст недоверчиво фыркнула.

— Моя задача состояла лишь в том, чтобы выяснить все, что можно, об английском конце цепочки наркотрафика. Мне было бы очень интересно узнать, что сказал вам в баре Хозер в тот день, когда его убили.

Миссис Бакфаст немного смутилась.

— Он давал мне последние указания насчет передачи той дряни...

— И что это были за указания?

— Все как обычно. Посыльный должен был прийти ко мне домой. Я абсолютно откровенно заявила Хозеру, что не одобряю всего этого.

— И что он на это ответил?

— Стал угрожать мне, разумеется. — Миссис Бакфаст недобро улыбнулась. — Он много всего наговорил — в завуалированной форме — о том, как опасно в этом деле совершать ошибки, в чем многие, мол, убедились на своем опыте. Именно тогда я и приняла окончательное решение обратиться в полицию.

— Понятно, — задумчиво проговорил Тиббет.

Вскоре после катания вернулась Эмми. Она переоделась, и оба спустились в бар.

Там было тихо. Отрывочные фразы по-немецки доносились от стола Книпферов; Бакфасты сидели, уставившись друг на друга, словно каждый старался вывести другого из душевного равновесия. Потом в холле послышались быстрые шаги, и вошла Герда. Первый раз за все это время ее железное самообладание казалось поколебленным. Лицо девушки покраснелось, глаза горели гневом. Она подошла прямо к инспектору и громко сказала:

— Вы — трус! Жалкий лицемерный трус!

Генри посмотрел на нее с интересом.

— Не совсем понимаю, что вы имеете в виду, фройляйн Браун.

Глаза Герды сверкнули.

— О, вы прекрасно все понимаете! — воскликнула она. — Я весь день провела на лыжах, поэтому узнала только сейчас: вы арестовали Франко ди Санти.

— Не я, — возразил Тиббет. — Капитан Спецци.

— Капитан Спецци... — Голос Герды дрожал. — Капитан Спецци считал виновной меня... Я знала и уважала его за это — это было честное мнение. Я ценила и считала его прекрасным человеком... Но он оказался ничем не лучше вас. Такой же бесхребетный.

— Послушайте, фройляйн... — начал Генри, но она оборвала его:

— И можете не смотреть на меня так. Я очень хорошо знаю, почему вы арестовали Франко. Он заставил вас сделать это.

— Вы имеете в виду барона фон Вюртбурга, полагаю? — уточнил инспектор.

К его крайнему удивлению, глаза Герды наполнились слезами.

— Животное, грубиян! Он не позволил мне даже увидеться с ней и с детьми. Он ничем не лучше Хозера. Я была бы рада, если бы он тоже умер.

Натянутая, как струна, она продолжила:

— Так или иначе, он не удовлетворится тем, что увидит, как невинного человека осудят за убийство. Герр Тиббет, вам следует позвонить в Санта-Кьяру прямо сейчас и сказать, чтобы Франко освободили. Потому что хочу вам сказать, что я...

Генри резко встал, неловким движением смахнув при этом со стойки бокал Эмми. Бокал разбился вдребезги, а ярко-красный напиток, словно кровь, забрызгал белую блузку Герды. Прежде чем молодая немка успела прийти в себя, инспектор пустился в извинения, а Эмми начала промокать ее блузку своим носовым платком. Герда стояла почти неподвижно, лишь слегка дрожа.

— Хочу сказать вам... — начала она снова, но Тиббет не дал ей закончить фразу.
— Фройляйн, я боюсь, что на вашей блузке останутся пятна. Нужно немедленно что-то сделать. Эмми, дорогая, у тебя наверху нет какого-нибудь пятновыводителя? Может быть, ты отведишь Герду к нам...

— Да, конечно, — тотчас подхватила Эмми. — Пойдемте со мной, дорогая.

— Следуйте за моей женой, — твердо сказал гувернантке Генри.

Эмми схватила Герду за руку и, не обращая внимания на ее протесты, вывела из бара.

Тиббет допил свой кампари и тоже пошел наверх.

Там он увидел обеих, женщины выходили из комнаты Герды. Фройляйн Браун передела блузку и выглядела теперь более спокойной, хотя все еще сердитой.

— Она все время пытается мне что-то сказать, но я притворяюсь, будто не понимаю по-немецки. Поговори с ней лучше сам, — предложила Эмми.

— Конечно, — ответил ей Генри, а девушке, повернувшись к ней, сказал по-немецки: — Итак, фройляйн, как я понимаю, вам нужно что-то мне сообщить. Предлагаю пройти в нашу комнату. Моя жена, разумеется, тоже будет присутствовать, — поспешно добавил он.

Герда бросила на него недовольный взгляд, но согласилась.

Как только дверь за ними закрылась, Тиббет произнес:

— Прежде всего я должен вам кое-что сказать. Не знаю, что вы собирались мне сообщить, но уверяю вас, что донкихотствовать нет никакой необходимости. Если вы располагаете полезной информацией, которая поможет вычислить убийцу, — готов вас выслушать. В противном случае — доверьтесь мне.

— Франко этого не делал, — сказала Герда.

— Вполне вероятно, — согласился Генри. — И если не делал, то его долго не продержат в тюрьме, можете не сомневаться. Обещаю вам искренне, что ни один невинный человек не пострадает. — Он сделал паузу. — Итак, можете вы сообщить мне что-нибудь существенное?

Герда посмотрела на него долгим оценивающим взглядом и наконец вымолвила:

— Нет.

— Хорошо, — бодро сказал Тиббет. — Простите за блузку. И кстати, капитан Спецци не так глуп, как вы думаете, фройляйн. Он очень умный и достойный молодой человек.

Тень улыбки скользнула по лицу Герды, и Эмми подумала: «Господи, да ведь девушка почти красавица. Ей нужно почаще улыбаться».

На пороге Герда внезапно остановилась, снова повернулась к инспектору:

— Одна вещь, о которой, наверное, я должна вам сообщить, все же есть.

— Да, фройляйн?

— Я... я надеялась, что это не понадобится, но теперь... Это касается герра Стейнза.

— Слушаю.

— Вечером накануне убийства, — медленно произнесла Герда, — он поднялся, чтобы пригласить меня в бар на танцы.

— Я помню, — сказал Генри.

— Я была в детской комнате — хотела убедиться, что дети спят, — продолжила гувернантка, — и мы встретились в коридоре.

— Так-так, — подбодрил ее Тиббет.

С явной неохотой Герда договорила:

— Он выходил из комнаты Хозера.

— Вот как? — удивился Генри. — Он знает, что вы его видели?

— Не думаю, — ответила Герда. — Я подождала, пока он выйдет в коридор, и только после этого сама вышла из детской. Он выглядел... выглядел очень озабоченным и довольно мрачным. Простите, что не рассказала вам этого раньше.

Генри засиделся глубоко за полночь. Он курил и думал, подробно перебирая в уме все кусочки замысловатого пазла, которые неохотно, но все же начинали вставать на свои места,

образуя мозаику, где теперь недоставало лишь нескольких фрагментов. Перед тем как лечь спать, Эмми спросила мужа:

— Теперь ты знаешь, не так ли?

И Генри безо всякой гордости ответил:

— Боюсь, что знаю.

Результатом ночного бдения, разумеется, стало то, что оба проспали и к завтраку спустились лишь в половине десятого. Эмми, быстро проглотив еду, бросилась догонять свою группу («меня выгонят, если я опять опоздаю», — в панике сказала она напоследок), а Генри не устоял перед искушением позволить себе еще один рогалик с вишневым джемом. Выйдя из столовой, он оказался свидетелем бурных пререканий, происходивших в холле между Спецци, который только что приехал на подъемнике, и бароном фон Вюртбургом.

— Преступник арестован, дело закрыто, и мы с женой уезжаем сегодня же, — вещал барон тоном, который способен был даже жидкое масло превратить в лед.

— Но, герр барон... я глубоко сожалею... это невозможно. Существуют формальности... показания...

— Я могу дать показания в Инсбруке, — отрезал барон. — У нас, герр капитан, тоже есть полиция.

Генри уже был готов прийти на помощь Спецци, но его опередила баронесса. Она появилась на верхней лестничной площадке, белая как мел, и слабым голосом произнесла:

— В чем дело, Герман? Ты хочешь, чтобы мы уехали?

Барон, раздраженный тем, что его прервали, коротко ответил:

— Да. Мы сегодня уезжаем в Инсбрук. Ты, я и дети. Герду я уже уволил.

Мария Пиа на секунду закрыла свои огромные карие глаза, потом снова широко открыла и выкрикнула:

— Я никуда не поеду!

— Ну-ну, дорогая, пожалуйста, не устраивай сцен. — В замешательстве барон подошел к подножью лестницы. — Нам будет лучше уехать.

— Я не поеду! — Голос Марии Пиа почти сорвался на визг. Она в отчаянии вцепилась в перила, словно боялась, что ее силой потащат в Инсбрук прямо сейчас. — Не поеду! Ты не можешь заставить меня! Генри, не позволяйте ему этого сделать!

Барон резко развернулся и оказался лицом к лицу с Тиббетом. Словно загнанный дикий зверь, он по очереди переводил взгляд с одного на другого из трех своих недругов. Потом произнес:

— Моя жена, конечно же, расстроена этими ужасными событиями. Вы должны понимать, что ради ее собственного блага я обязан немедленно увезти ее домой.

— Если вы позволите мне сказать, герр барон, — вступил Генри, — думаю, ваша супруга нездорова и ей не стоит пускаться в путь в таком состоянии. Независимо от того факта, что полиции требуется ваше присутствие здесь...

Он осекся, потому что Мария Пиа вдруг начала истерически смеяться.

— Нездорова! Нездорова!

Слова вырывались из ее груди между судорожными, сдавленными вздохами, которые можно было принять как за смех, так и за рыдания.

— Нездорова! О господи!..

Потом женщина вдруг затихла, постояла немного, раскачиваясь всем своим стройным телом, как былинка на ветру, и внезапно бросилась с лестничной площадки. Она рухнула к подножию лестницы головой вниз. Раздался глухой удар, сопровождавшийся сухим треском — раскололась нижняя ступенька, — и Мария Пиа замерла.

Вмиг поднялась страшная суета. Спецци бросился вызывать врача по телефону, Россати пронзительно закричал, а Генри стал проталкиваться к Марии Пиа сквозь кучку столпившихся официанток. Но прежде чем он даже успел увидеть ее лежащей на полу, спокойный голос произнес: «С дороги, пожалуйста!», и барон с неожиданной нежностью поднял хрупкое, обмякшее тело жены на руки и понес вверх по лестнице. На этот раз он не

протестовал, когда Тиббет отправился следом за ними.

Генри расправил смятые простыни, и барон заботливо и осторожно уложил Марию Пиа на кровать.

— Она ведь... не сильно пострадала, правда? — произнес он низким взволнованным голосом, так не похожим на его обычный бесцеремонный тон.

— Я не врач, — сказал Тиббет. — Но немного разбираюсь в этом. Позвольте мне взглянуть.

Барон, словно не мог больше выдерживать напряжения, отвернулся от постели и отошел к окну. Генри склонился над неподвижным телом. В этот момент Мария Пиа подняла затрепетавшие веки и, к изумлению инспектора, тут же снова закрыла один глаз, что почти безоговорочно можно было истолковать как подмигивание.

— Генри, — прошептала она.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, понимая, что попал в исключительно дурацкое положение.

— Я покалечилась, да? — едва слышно продолжала она. — Нога болит. Я что-то себе сломала?

— Не знаю, — ответил Генри. — Скоро будет врач.

— Готова поспорить — сломала, — пробормотала баронесса с безграничным удовлетворением. Потом ее лицо исказила гримаса боли. — Генри, поскорее приведите врача.

— Он вот-вот появится. Не двигайтесь, лежите тихо, — посоветовал Тиббет и широко улыбнулся ей, потом выпрямился и добавил, обращаясь к барону: — С вашей женой все будет хорошо, герр барон, но у нее небольшая контузия и, вероятно, сломана нога. Безусловно нужен полный покой в течение нескольких дней.

Барон, неподвижно стоявший у окна спиной к Генри, не оборачиваясь, сказал:

— Герр Тиббет, пожалуйста, давайте выйдем на балкон. Мне нужно с вами поговорить.

Генри последовал за ним. Мужчины вышли на солнечный свет, барон тщательно закрыл дверь, ведущую в спальню, и только после этого сказал:

— Я верю в то, что Франко ди Санти виновен.

Генри ничего не ответил. Барон продолжил едва ли не умоляюще:

— Я должен защитить свою жену от этого человека, герр Тиббет. От убийцы.

— Вы делаете слишком скоропалительный вывод, — сказал Генри. — Против него нет никаких доказательств.

— Это сомнений нет никаких, — коротко возразил барон и добавил голосом, который был чуть громче шепота: — Не может быть никаких сомнений...

Пауза. Потом инспектор осторожно, пытаясь прощупать почву, заговорил:

— Конечно, мне понятна ваша точка зрения, герр барон. Насколько я понимаю, речь идет о разводе...

Австриец резко развернулся лицом к Генри, и в его холодных глазах тот заметил некое подобие боли.

— Никогда! — выкрикнул барон. — Я никогда не разведусь со своей женой.

И, к удивлению Тиббета, добавил:

— Я люблю ее.

— Знаю, что любите, — сказал Генри.

— Этот тип... Хозер... — Казалось, каждое слово, которое произносил барон, он вырывал из себя с болезненным усилием. — Это он сказал мне. Я ему не поверил. Я бы жизнь отдал за то, чтобы это оказалось неправдой. Но мне нужно было знать. Я был обязан выяснить правду. Вы понимаете?

— Да, — последовал ответ. — Я понимаю.

— Неужели вы думаете, что мне доставляло удовольствие натравливать на собственную жену мерзкого шпиона? Неужели вы не понимаете, что, когда он позвонил мне, я возненавидел его так, как никого в своей жизни? Даже больше, чем я ненавидел ди Санти.

Мне представляется иронией судьбы, что один мой враг убил другого. Это что-то вроде возмездия им обоим.

— Но если докажут, что Франко ди Санти невиновен. Что вы будете делать тогда?

Барон отвернулся и прислонился к светлой балюстраде балкона. Казалось, он зачарован видом крутых снежных склонов, расстилавшихся внизу.

— Это мое дело, герр Тиббет, — сказал он очень спокойно. — Что бы ни случилось, я позабочусь о том, чтобы Мария Пиа была счастлива.

Помолчав, барон выпрямился и произнес своим обычным рубленным тоном:

— Значит, баронесса серьезно не пострадала. Прекрасная новость. Думаю, мне нет нужды вас долее обременять.

И отвернулся, ясно давая понять, что больше не задерживает инспектора. Генри тихо вернулся в освещенную солнцем спальню, быстро прошел мимо неподвижной хрупкой фигурки, лежащей на кровати, и оказался в прохладном, пахнущем сосной коридоре.

Глава 14

Случались в жизни моменты, когда Тиббет ненавидел свою профессию, и сейчас был один из них. Он с глубоким отвращением готовился к тому, что предстояло сделать в течение дня — провести окончательную проверку, выполнить последние действия и стянуть сеть улик вокруг человека, которого лишь отчаяние привело к ужасному поступку.

Генри решил взбодриться, самостоятельно спустившись в деревню на лыжах.

На полпути он догнал свою группу, члены которой доблестно, хотя и не очень успешно пытались освоить поворот на параллельных лыжах. Пьетро помахал ему, и Генри, вихляя, остановился возле Каро, ожидавшей своей очереди. Группу пополнили новички — итальянская супружеская пара и молодой немец, поэтому Пьетро был очень занят: выкрикивал указания и советы на трех языках.

— Это чертовски трудно, — сказала Каро. — Похоже у меня никогда не получится. Вы к нам присоединитесь?

— Добро пожаловать обратно, Энрико! — крикнул Пьетро, с неправдоподобной легкостью перебирая лыжами, словно танцор, исполняющий шуплаттлер³⁰. — Вы приехали учиться повороту на параллельных лыжах? Как раз вовремя.

— Боюсь, что нет, — ответил инспектор. — Мне нужно в деревню. Смешная была идея, будто на лыжах я спущусь быстрее, чем на подъемнике.

— Ага! Храбрец-одиночка на горных лыжах! — Пьетро очаровательно рассмеялся. — Значит, занятия больше не нужны? Сегодня спуск по первому маршруту, завтра по третьему, а послезавтра, глядишь, и с Галли?

— Хорошо вам смеяться, — сказал Генри. — Как, черт возьми, вы это делаете? — воскликнул он, когда Пьетро, воткнув палку в снег, одним молниеносным движением, удерживая лыжи строго параллельно, в прыжке обернулся вокруг нее.

— Просто вот так! — Инструктор повторил свой номер на одной ноге, сорвав аплодисменты всего класса.

— Вы в этом сезоне еще не спускались с Галли, Пьетро? — спросил Джимми. Все с благоговейным ужасом посмотрели на устрашающее ущелье неподалеку от трассы подъемника, которое было немногим шире трещины и обрушивалось вниз белым пенистым

³⁰ Баварский танец, при исполнении которого танцоры попеременно похлопывают ладонями по подошве, колену и бедру.

водопадом.

— Нет, это пока запрещено. Там небезопасно. Но скоро я по нему спущусь — вы увидите. Теперь уже очень скоро. Вжик! — Пьетро сделал быстрое, как вспышка света, движение от плеча к колену. — Вот так. Почти отвесно. *Benissimo!*³¹

— Ужасно! — возразил Джимми. — Не вздумайте повести нас туда.

— Возможно, уже на следующей неделе, — поддразнил его Пьетро. — Когда вы научитесь хорошо делать поворот на параллельных лыжах. Теперь — очередь мистера Джимми. Согните колени и — оп-ля!

Генри оставил их совершенствовать свои умения, а сам осторожно продолжил путь. Если не считать дюжины падений и едва ли не смертоносной встречи с конной упряжкой, тащившей сани с бревнами, он благополучно доехал. Весьма довольный собой, снял лыжи, оставил их у нижней станции подъемника и направился в «Олимпию».

Кроме нескольких посетителей, заглянувших среди дня выпить кофе, там никого не было. Альфонсо тепло поприветствовал его.

— Кофе? Конечно, синьор. Сию минуту.

Кофемашина зашипела, забулькала и извергла в чашку вкуснейший дымящийся кофе. Ловко, словно бы одним движением, Альфонсо собрал на маленьком подносе чашку, крохотную баночку сливок и пакетик сахара и эффектным жестом выставил его на стойку.

— Итак, убийца найден? Бедный синьор ди Санти — все страшно сожалеют. Зачем он это сделал?

— Ай-ай-ай, — укоризненно произнес Генри. — Вы же прекрасно знаете, я не имею права говорить о деле с посторонними. В любом случае придется еще доказать, что он это сделал.

— Ах, англичане, всегда такие правильные, — просиял Альфонсо. — Помните, вы как-то спрашивать меня про американцев? Я тогда по глупости забыть: здесь было много американцев — в прошлом году, и в позапрошлом... Дамы, знаете ли, одинокие и очень богатые. Много денег для лыжных инструкторов. Дурак я, забыть совсем.

— Спасибо, Альфонсо, — с улыбкой сказал Генри. — А сейчас скажите мне еще кое-что. Вы ведь хорошо знали герра Хозера в лицо, правда?

— Покойного? Ну конечно. Он много раз сюда заходить.

— А не приходил ли он сюда на ленч в тот день, когда его убили?

— Нет, нет, синьор. Его багаж был здесь — я сам принять его у Карло. Но самого его не было ни разу в тот день, я уверен.

Бармен наклонился через стойку и доверительно произнес:

— Американские дамы очень любить Джулио — сын Марио, тот, что умер. Давать ему много денег.

— Не сомневаюсь, — сказал Тиббет.

— Все это знать, — добавил Альфонсо, как бы оправдываясь.

— Во всяком случае, теперь это знают все, — согласился Генри. — Пока, Альфонсо. Увидимся.

Потом он посетил маленькую автобусную станцию в центре деревни. В деревянном зальчике ожидания были вывешены расписания как автобусов, так и поездов. Инспектор внимательнейшим образом изучил их. Он выяснил, что один автобус отправляется в Монтелунгу без десяти минут двенадцать, а другой — в Имменфельд в двенадцать. Поезд отправляется в Имменфельд в половине двенадцатого и на обратном пути в Монтелунгу останавливается в Санта-Кьяре в двадцать минут первого, после чего пассажиры должны ждать какого бы то ни было транспорта до половины третьего, потому что наступает священный для всех цивилизованных стран двухчасовой перерыв на ленч.

Хотя мысль о предстоящих еще нескольких чашках кофе подряд и не радовала его,

³¹ Великолепно! (*um*)

Генри добросовестно продолжил выполнение поставленной им самим задачи. Он побывал во всех кафе в деревне, в каждом задавал один и тот же вопрос и в каждом получал один и тот же ответ: в день своей смерти Хозер туда на ленч не приходил.

Раздувшись от кофе и чувствуя себя все более и более подавленным, Тиббет направился к следующему пункту своего назначения — магазину синьоры Веспи. Покупателей не было, и разговорить хозяйку не составило ни малейшего труда. Досконально обсудив состояние своей нервной системы, вызванное шоком от ареста Франко, невозможность заработать на жизнь при нынешней цене на салями, а также установившуюся превосходную погоду, синьора Веспи сделала паузу, чтобы набрать воздуха в легкие, и Генри воспользовался этим и сказал:

— Кстати, синьора Веспи, вы мне не говорили, что герр Хозер приходил сюда на ленч в тот день, когда его убили.

Неудержимый поток речи Розы вмиг иссяк, словно кто-то завернул кран, и вид у женщины сделался крайне смущенным.

— Я... то есть, синьор... он не...

— Да-да, приходил, — повторил инспектор. — Почему вы мне этого не сказали?

— Я не думала... Марио сказал...

— В конце концов, в этом не было ничего необычного, не так ли? Вы же говорили, он часто здесь бывал.

— *Si, signore*... то есть только изредка...

— Вы можете припомнить, о чем он говорил в тот день? — спросил Генри. — Это может оказаться важным.

— Ни о чем, синьор... просто зашел попрощаться. Мы немного поели, я после этого вернулась в магазин, а мужчины остались поговорить. О чем — не знаю, я их не слышала.

— «Мужчины» — это значит Марио, Пьетро и Хозер?

— *Si, signore*.

— Возможно, они говорили о Джулио? — предположил Тиббет.

— Да-да, о Джулио, — с готовностью подтвердила Роза. — Герр Хозер так нам сочувствовал... Наверняка они разговаривали о бедном Джулио.

— Понятно, — сказал инспектор. — Спасибо, синьора. Вы мне очень помогли.

Он снова вышел на слепящий солнечный свет и медленно побрел к подъемнику. Там стояла очередь, и Карло был занят. Какое-то время Генри наблюдал, как лыжники садятся в кресла; время от времени он посматривал на часы. Потом развернулся и направился в контору горнолыжной школы.

Дежурный за столом был рад поболтать. Чудовищное убийство, а теперь арест — такие происшествия в маленькой тихой деревне...

— Вообще-то, — сказал Тиббет, — в настоящий момент меня интересует другая смерть. Смерть Джулио Веспи.

— О, бедный мальчик! Наш лучший инструктор. И тем не менее следует признать, что это была его собственная вина. Роза мне рассказывала — Марио сделал все, что мог, чтобы отговорить сына от этого опасного спуска, даже поссорился с ним, но ничего не помогло. Джулио никто не мог остановить, если он чего-то хотел.

— Расскажите мне, что случилось, — попросил Генри. — Когда он начал спуск и когда пропал?

Дежурный поразмыслил, потом сказал:

— Он отправился туда после ленча. Это случилось в воскресенье, занятий в школе не было. Джулио собирался вернуться на поезде, который приходит в пять часов. Когда в поезде его не оказалось, семья забеспокоилась, потому что по воскресеньям это единственный поезд. И они отправились на поиски.

— Семья? — резко перебил Тиббет. — Не поисковая группа?

— Поисковая команда выехала позднее. Но эти Веспи, они все сумасшедшие. Брата нашел младший, Пьетро — он последовал по тому же маршруту вечером, сразу после пяти.

То есть бóльшую часть пути он проделал еще до темноты, но все равно это было безумием. Повезло, что он тоже не сломал себе шею.

— Как Пьетро его нашел?

— Он ехал по лыжне, проложенной Джулио, и остановился на краю расщелины, в которую упал брат. Увидел тело на скалах внизу. Конечно, если бы Джулио упал в глубокий снег, его могли бы не найти еще несколько месяцев, а так Пьетро его увидел и помчался в Имменфельд за помощью. Потом на то же место вышла поисковая команда. Единственное, что мы смогли сделать, — это не дать Марио поехать вместе с ней.

— Ясно, — задумчиво произнес Генри. — Спасибо.

— Не за что, синьор.

Инспектор уныло побрел обратно в «Олимпию» — теперь она была битком набита вернувшимися с катания лыжниками — и заказал ленч, к которому почти не притронулся. Приступая к кофе, он с удивлением увидел, как в кафе вместе входят полковник Бакфаст, Роджер и Герда. После успешных утренних занятий спортом к полковнику в значительной мере вернулась его жизнерадостность. Бакфаст подошел к столику Генри.

— Ездили куда-нибудь сегодня утром? — поинтересовался он.

Тиббет с небольшим опозданием догадался, что полковничье «ездили», конечно же, означает «ездили на лыжах», поэтому ответил:

— Да. Но мне, разумеется, далеко до вас — просто спустился по первому маршруту. Вижу, вы привели с собой фройляйн Герду, — добавил он.

— Не то чтобы мы ее привели, — ответил полковник, тактично понижая голос. — Мы ее встретили на Альпийской розе, она там каталась в одиночестве, бедная девочка. Знаете, мне ее жалко. Ну мы и предложили ей к нам присоединиться.

— Я очень рад, что вы это сделали, — сказал Генри. — Она кажется очень одинокой.

— Она отличная лыжница! — воскликнул полковник. — Я, конечно, не очень-то могу с ней поговорить — не знаю немецкого. Но молодой Стейнз болтал с ней всю дорогу. Ну а теперь — ленч! Не хочу упускать хорошую погоду.

Трое лыжников быстро съели свой ленч и покинули кафе еще до двух часов. Вскоре после них ушел и Генри. Он уже стоял в очереди на подъемник, когда вспомнил, что Эмми просила его купить зубную пасту, поэтому пошел на дальний конец деревни в лавку бытовой химии. По возвращении увидел, что очередь на канатную дорогу значительно увеличилась, так что, забрав лыжи, подъем в «Белла Висту» Тиббет начал только в половине третьего.

День был превосходным. Солнце ярко освещало трассу маршрута номер один, рельефно выделяя лыжни, проложенные на девственной поверхности одинокими лыжниками. Оно вонзало свои лучи в розовые пики, возвышающиеся над головой Генри, скользившего между соснами, и заставляло сверкать снег, покрывающий платформы пилонов, которые одна за другой уплывали вниз под болтающимися в воздухе ногами инспектора. Весь окружающий пейзаж излучал беззаботную радость, и это лишь усугубляло печаль Генри. Оставалось надеяться лишь на одно, но по всем законам — человеческим и божеским — он не имел права на это надеяться.

Наверху он выпрыгнул из кресла, взвалил лыжи на плечо и начал подниматься к отелю, когда его остановил Марио.

— Синьор Тиббет!

— Да, Марио? — Генри посмотрел на старика с сочувствием — тот тоже казался подавленным и озабоченным.

— Синьор Тиббет, я не могу сейчас отойти от подъемника, но должен кое-что вам сказать. Кое-что очень важное. Можем мы с вами вечером встретиться в отеле?

— Конечно, Марио. Приходите сразу после того, как остановите подъемник.

— Спасибо, синьор Тиббет. Я приду.

Тем временем подъехало очередное кресло, и Марио, хромя, вернулся к работе. Генри медленно пошел по тропе к отелю.

Синьор Россати сидел у себя в кабинете и писал письма. В ответ на вопрос инспектора

он сообщил, что фройляйн Книпфер отправилась на занятия с инструктором, а ее родители отдыхают на террасе. Барона тоже не было в номере. Да, врач приезжал, но владелец отеля понятия не имел, какой диагноз тот поставил. Анна сказала, что баронесса бодрa и, сидя в кровати, съела свой ленч.

Тиббет поднялся по лестнице, но вместо того чтобы войти в свою комнату, прошел на самый верхний этаж и открыл дверь в комнату Труды Книпфер. По расположению комната соответствовала гостиной барона, но находилась двумя этажами выше и, в отличие от нее, имела скошенный потолок и не имела балкона. В номере царил безупречный порядок. На туалетном столике не было ничего, кроме фотографии герра Книпфера в рамке из тисненой кожи, жесткой щетки для волос и гребня. Рядом с кроватью на тумбочке стояли маленькие дорожные часы. Помимо этого, не наблюдалось никаких признаков присутствия человека, если не считать непромокаемого клетчатого мешочка с туалетными принадлежностями, висевшего возле умывальника. Генри с задумчивым видом быстро осмотрел комнату, после чего прошел к окну.

Отсюда открывался еще более прекрасный вид, чем из окон нижних этажей. Санта-Кьяра казалась совсем маленькой и совершенно игрушечной, а на фоне темного неба сияли вершины гор, громоздившихся за деревней. Взглянув вниз, инспектор увидел балкон барона. Ниже — две пары обутых в прочные ботинки ступней, удобно устроившихся на скамеечках для ног, — Книпферы принимали на террасе солнечные ванны. Еще ниже вилась дорожка к подъемнику — темная лента, окаймленная крутыми высокими сугробами. А еще ниже Генри увидел Марио на площадке подъемника.

Тиббет вернулся в комнату и, чувствуя себя вором, стал открывать ящики туалетного стола. В них не было ничего, кроме аккуратно сложенных стопок белья и носовых платков, а также огромного количества шпилек для волос. С большим интересом он отметил, что один из маленьких ящичков, расположенный рядом с зеркалом, заперт.

Бросив последний оценивающий взгляд на непривлекательный лик герра Книпфера в кожаном обрамлении, инспектор тихо вышел в коридор, спустился на второй этаж и постучал в дверь Марии Пиа.

— Кто там? — крикнула она.

— Генри. Можно войти?

— Конечно.

Баронесса, бледная, но очаровательная в своем пышном бело-розовом пеньюаре, полулежала на ворохе подушек и просматривала журнал. В изножье кровати одеяло было отброшено, обнажая маленькую ступню медового цвета, торчащую из гипсового панциря.

— Видите, Генри, — гордо сказала итальянка, — я таки сломала ее.

— Вы несносны, — ответил тот. — Как вы себя чувствуете?

— Теперь прекрасно. Вы видели Франко?

— Сегодня утром — нет. Но о нем не беспокойтесь. Он в хороших руках.

Баронесса хихикнула.

— Герман в бешенстве, — сообщила она.

— Ничего удивительного, — сурово произнес Тиббет. — Вы нас всех ужасно напугали. Неужели нужно было заходить так далеко?

— Генри! — Она укоризненно посмотрела на него. — Как я могла уехать из Санта-Кьяры, если бедный Франко томится здесь в заключении? Если мне придется... давать показания... я должна быть здесь, под вашей опекой. Окажись мы в Инсбруке, Герман тотчас придумал бы что-нибудь, чтобы не позволить мне говорить с полицией.

— Я полагал, что ваша сила словесного убеждения...

— Против мужа?! Это показывает лишь то, как мало вы его знаете. В любом случае у меня действительно случился обморок, — словно бы оправдываясь, сказала баронесса.

Инспектор усмехнулся.

— Это было великолепное представление. Вы даже меня одурачили. Но ведь вы могли и шею сломать, вы это знаете?

Внезапно Мария Пиа помрачнела, ее глаза наполнились слезами.

— Может, так было бы лучше.

— Ну-ну, перестаньте.

— Генри, Франко ведь этого не делал, правда? Поклянитесь, что он не виноват...

— Я ни в чем не собираюсь клясться. Но если я мыслю правильно, сегодня к вечеру все закончится.

— А после?.. Что будет со мной после этого? Генри, вы должны мне помочь. Вы обещали.

— Милая моя девочка, — беспомощно сказал Тиббет, — с вашей личной жизнью вы должны разобраться самостоятельно. Никто за вас не сможет решить такую проблему.

— Но, Генри...

— И помните: хоть я и согласен, что характер у барона тяжелый, но ваш муж искренне предан вам — по-своему. Не раньте его больше того, без чего нельзя не обойтись.

— Ранить его?! — вскинулась итальянка. — Да его ничто и никто не может ранить.

— Вы можете, — парировал Генри. — Вы ранили его уже тем, что вышли за него, и с тех пор постоянно растревали рану, пока он не дошел до полного отчаяния. Не думайте, — поспешно добавил инспектор, увидев слезы, заблестевшие в ее глазах, — что я вам не сочувствую. Но... трудно может быть и Герману. Постарайтесь помнить, что ситуация мучительна для обеих сторон.

Мария Пиа шмыгнула носом.

— Вы не знаете, каково это — жить с ним, — сказала она.

— Я все понимаю, — ответил Тиббет, встал и взял ее за руку, лежавшую на белом одеяле, словно нежный золотистый листок. — Вы невероятно отважная женщина. Держитесь.

С этими словами он покинул баронессу и спустился по лестнице в холл.

В кабинете Россати Генри с удивлением обнаружил капитана Спецци. Тот держал в руках какую-то бумагу и сосредоточенно изучал открытую перед ним на столе толстую книгу. Когда Тиббет приблизился, он закрыл ее — теперь Генри увидел, что это была книга регистраций — и положил под мышку. Коротко кивнув на прощание Россати, капитан вышел из его кабинета в холл. Его приятное лицо было мрачнее тучи.

— События повернулись неожиданным образом, — сказал он инспектору. — Где мы можем поговорить?

— Пойдемте ко мне.

Когда они вошли и закрыли за собой дверь, Спецци сообщил:

— Во время обеденного перерыва я получил известия из Рима.

— О Хозере?

— Ах, это... Да, о нем куча всего, но это только подтверждает то, о чем мы уже и сами догадались. В числе прочего они нашли в его квартире достаточное количество доказательств, связывающих Россати с делом Карони.

Генри кивнул.

— Это я знал, просто не успел еще вам рассказать.

Капитан посмотрел на британского коллегу с изумлением, но продолжил:

— Нет, главная сенсация касается Роджера Стейнза.

— Вот как? — воскликнул Тиббет. — И каков же вердикт?

— Записка поддельная, — коротко ответил Спецци.

Генри почувствовал невероятное облегчение.

— Рад слышать. Тогда что вас беспокоит?

Вместо ответа капитан протянул ему опись багажа Роджера Стейнза, которую тоже посылали в Рим.

— Вот это, — сказал он.

Тиббет заглянул в опись.

— Две пары брюк, — начал он читать вслух, — четыре свитера, четыре пары нижнего

белья... — Он поднял взгляд. — Не вижу ничего особенного.

— А вы переверните, — подсказал Спецци.

На обратной стороне описи другим почерком в явной спешке было нацарапано: «Коктейли, четверг, леди Флойд, Гайд-парк-гроув, 181. Не забудь».

— И что? — непонимающе поинтересовался Генри.

— Тот, кто написал это, — сообщил капитан весьма театрально, — написал и поддельную записку.

— И кто это? Вы уже знаете? — выпалил Тиббет.

Спецци открыл книгу регистраций, положил ее на кровать, а опись багажа лицевой стороной вниз выложил рядом с одной из записей в книге. Никаких сомнений не оставалось: ошибиться в том, кому принадлежал этот размашистый почерк с крупными петлями, было невозможно. Надпись на обороте описи багажа Роджера и запись в книге — «Кэролайн Уиттакер, подданная Великобритании, Лондон» — были сделаны одним человеком.

Генри долго молча созерцал запись в книге и замусоленный листок бумаги, потом произнес:

— Боже мой! До каких же пределов может простираться человеческая глупость?

— Но что это значит? — Капитан, углубившись в размышления, мерил шагами комнату. — Какой здесь смысл? — словно бы про себя вопрошал он. — Чтобы мисс Кэролайн состряпала такую фальшивку!.. Это было бы смешно, если бы не было очевидной правдой. А мы все это время воображали, будто она в него влюблена...

— Так. В данный момент мы ничего не можем предпринять, — сказал Тиббет. — Каро катается на лыжах. Я допрошу ее сразу, как только она вернется, и Стейнза тоже. Хотелось бы надеяться, что ей хватит здравого смысла сказать правду, хотя я в этом весьма сомневаюсь. По крайней мере, это объясняет, почему она всю неделю была как кошка на раскаленной крыше. Услышала, что вы отправили опись в Рим, и испугалась: мол, наверняка найдется какой-нибудь умник, который догадается перевернуть листок обратной стороной и увидит написанное там. Есть и еще одна странность.

Он передал Спецци рассказ Герды о визите Роджера в комнату Хозера.

— Этому я бы не придавал большого значения, — сдержанно ответил капитан. — Девушка сама виновата, поэтому, естественно, пытается бросить тень подозрения на других.

— Вы все еще так думаете? — удивился Генри. — Интересно. В любом случае я надеюсь, что вся эта история прояснится окончательно и бесповоротно сегодня вечером.

— Сегодня вечером? Вы хотите сказать, после того как вы допросите мисс Кэролайн?

— Нет, — ответил Тиббет. — После того, как поговорю с Марио: он придет ко мне, когда подъемник закончит работу. Хочет мне что-то сообщить.

— Марио? — изумился Спецци. — Что он может вам сообщить?

— Имя убийцы, — ответил Генри.

Следующие два часа тянулись невыносимо долго.

В пять инспектор услышал голоса в холле и, спустившись, увидел английскую лыжную группу, возвращавшуюся с занятий. Пьетро был с ними. Пока все ходили ставить лыжи в сарай, инструктор направился в кабинет Россати. Он вышел оттуда через минуту, мрачный и сердитый.

— Ох уж эти австрийки, — сказал он Генри. — Меня от них тошнит.

— Что случилось? — спросил тот.

— Я притащился в отель, чтобы навестить баронессу — мы знакомы с ней несколько лет, когда-то я был ее инструктором. Услышав, что произошел несчастный случай, я хотел повидать ее, принес подарок. — Пьетро извлек из кармана своего анорака маленькую коробочку перуджийского шоколада, обернутую в бело-золотую бумагу. — А Россати сказал, что ее муж уехал и оставил строгий приказ никого к ней не пускать. Она ведь не умирает, правда? Почему ей нельзя видаться с друзьями?

— Баронесса сломала ногу и... еще не отошла от шока, — миролюбиво объяснил инспектор. — Вероятно, она сама пока не хочет никого видеть. Но это очень любезно с

вашей стороны. Хотите, я отнесу ей шоколад? Я, видите ли, пользуюсь преимуществом, — поскольку я полицейский, ее муж не может запретить мне посещать баронессу.

Пьетро улыбнулся.

— Спасибо, Энрико. И передайте Марии Пиа самые добрые пожелания... добрые пожелания от всей деревни. Мы понимаем, как ей сейчас грустно.

— Непременно передам, — пообещал Тиббет, убирая коробку в карман как раз в тот момент, когда, оставив лыжи в сарае, в холл вошли Джимми и Каро.

— Уже выразили свои соболезнования пострадавшей, Пьетро? — весело спросил Джимми. — Быстро вы. Привет, Генри, старая калоша. Как идет одинокая охота?

— Мне не позволили повидать баронессу, — не вдаваясь в подробности, ответил Пьетро. — Ее муж запретил.

— Не скажу, что я его осуждаю, — улыбнулся Джимми. — Будь у меня жена, я бы тоже не допускал вас в ее комнату. Слишком рискованно. Пойдемте выпьем чаю или еще чего-нибудь.

Джимми и Пьетро ушли в бар. Каро, не двигаясь с места, смотрела на инспектора.

— Боюсь, я должен поговорить с вами, Каро, — сказал Тиббет.

— Понятно, — ответила она. — Очень хорошо.

Ни тени удивления в ее голосе не было.

— Пойдемте-ка туда.

Генри повел ее в помещение, которое называлось здесь комнатой отдыха, хотя никто никогда там не отдыхал. Это было маленькое помещение, заставленное большими темными креслами и столами в стиле ар-нуво из светлого блестящего дерева. Инспектор включил свет — сумерки быстро сгущались — и закрыл дверь.

— Сядьте.

— Спасибо, я лучше постою, — тихо ответила Каро.

— Как угодно.

Генри сел в кресло и закурил. Он предложил сигарету и Каро, но та покачала головой.

— Видите ли, — начал он после нескольких секунд раздумья, — мне бы очень хотелось, чтобы вы мне все рассказали. Будет лучше, если вы сами сбросите с плеч этот груз, нежели подвергнетесь моим расспросам. Мы ведь все равно узнаем, вы же понимаете.

Каро молчала.

— Эта записка, которую Роджер якобы написал в Танжере... — продолжил Тиббет. — Римская полиция установила, что она написана вашим почерком.

— Какая записка? Не понимаю, о чем вы говорите.

Генри достал из кармана опись багажа Роджера и протянул ее Каро обратной стороной вверх.

— Это вы писали?

— Не помню.

— О, дорогая, вы все усложняете, — вздохнул Тиббет. — Ну, по крайней мере, то, что вы сами расписались в книге регистраций отеля, вы не будете отрицать?

— Не буду, — нехотя признала Каро.

— Тогда вы написали и это. — Он постучал пальцем по описи. — А также вы пытались — не очень успешно — скопировать почерк Роджера в записке, которую мы нашли в бумажнике Хозера.

Каро, глядя ему прямо в глаза, заявила:

— Докажите.

— Послушайте, Каро, — в отчаянии воскликнул Генри, — я не жажду вашей крови, можете мне поверить, — и крови Роджера, кстати, тоже. Но подлог — деяние очень серьезное, и если вы не представите хоть какого-то объяснения...

Он замолчал. Каро, стоявшая за спинкой одного из больших кресел, опустила свою коротко стриженную светловолосую голову и принялась нервно выщипывать плюшевую шоколадно-коричневую обивку, но по-прежнему молчала.

— Господи! — раздраженно воскликнул инспектор. — У меня есть все основания передать вас в руки Спецци и предоставить вам вариться в собственном соку.

Каро подняла голову, взгляд ее голубых глаз был трагическим.

— Пожалуйста, Генри, — умоляюще произнесла она. — Я не могу вам ничего рассказать. Просто не могу.

— Одно вы можете сказать: вы все еще любите Роджера?

— Конечно.

— Не решили ли вы случайно, что предпочитаете Пьетро Веспі? Нет?

— Разумеется, нет.

— В таком случае, — продолжил Тиббет, — если вы не скажете мне правду, я вынужден буду считать, что вы либо сумасшедшая, либо преступница. Кстати, что делал Роджер в комнате Хозера вечером накануне убийства?

Видно было, что Каро страшно испугалась.

— Не знаю, — ответила она.

— Но вы знали, что он там был.

— Нет. Не знала. Вы навязываете мне свои слова!

Наступила тишина. После долгого молчания Генри сказал:

— Мне очень жаль, Каро, но я ничего не смогу для вас сделать, если вы будете продолжать в том же духе. Отныне вами займется капитан Спецци со своими ребятами, и единственное, что я могу вам посоветовать, — нанять хорошего адвоката, причем немедленно. Он вам понадобится в ближайшее время.

— Я могу сама о себе позаботиться, — ответила Каро.

— Это, дитя мое, как раз то, чего вы явно не умеете делать, — возразил Тиббет. — Даже Роджеру хватило здравого смысла говорить правду, когда его допрашивали.

— Неужели? Это он вам сказал, что был в комнате Хозера?

— Не ваше дело, — перебил ее Генри. — Идите. С меня довольно. Надоело мне все это. Если одумаетесь, дайте мне знать.

С минуту Каро колебалась, и инспектору показалось, что девушка что-то хочет сказать, но она передумала, быстро развернулась, выбежала из комнаты и помчалась вверх по лестнице.

В холле стояли Джимми и Пьетро.

— Что с Каро на этот раз? — спросил Джимми, глядя вслед удаляющейся фигуре.

— Потеря памяти, — коротко сообщил Генри. Он был утомлен и разочарован.

— Мисс Каро плохо себя чувствует? — участливо спросил Пьетро.

— С ней все в порядке, — ответил Тиббет. — Просто немного расстроена.

— Я уже это понял. — Выражение лица Пьетро стало озабоченным. — Когда она только приехала сюда, то так хорошо каталась на лыжах и была веселой. Но после этого убийства... Я тревожусь. Не понимаю.

— С ней все в порядке, — повторил инспектор, а Джимми спросил:

— Вам действительно надо идти, Пьетро? Оставайтесь, выпьем еще.

Инструктор посмотрел на часы.

— Нет-нет, — сказал он, — уже почти полшестого, видите? Я имею... как это сказать по-английски? — свидание в деревне. — И он ослепительно улыбнулся.

— Совсем темно, — заметил Джимми. — Луна еще не взошла. Как вы поедете?

— За меня не беспокойтесь, — непринужденно ответил Пьетро. — Я много раз спускался здесь в темноте — не так быстро как днем, конечно. Но вы можете пойти со мной и посмотреть, как я буду отъезжать, — увидите, что я в порядке.

— Ладно, — согласился Джимми. — Генри, не хотите подышать свежим воздухом?

Втроем они дошли до отправной точки первого маршрута. Генри и Джимми помахали Пьетро на прощание, и тот отправился в деревню. Когда быстро удаляющаяся фигура скрылась из виду за деревьями, они повернулись, и Тиббет бросил взгляд на подъемник. Сейчас он был пуст, хотя кресла продолжали, цокая, вращаться по замкнутому кругу. Он

увидел Марио, входящего и выходящего из своей будки и дующего на пальцы, чтобы согреть их, — вечерний воздух был морозным. «Интересно... — подумал он. — Да ладно, скоро узнаю...»

Генри нашел жену в их комнате; шлепая босыми ногами, Эмми искала чулки, которые — она готова была поклясться в этом — повесила на спинку стула.

— Привет, дорогой. Есть новости?

И очень огорчилась, когда Генри рассказал ей о Каро.

— Глупый ребенок... — вздохнула Эмми.

— Хорошо если это только глупость, — мрачно прокомментировал Генри. — Может быть и нечто худшее.

Оставив свои поиски, Эмми сказала:

— Ты о Каро? Ну конечно же, нет, Генри. Она такое славное существо. А, черт, куда Анна дела мои чулки?

В конце концов чулки нашлись под одной из рубашек Генри, но к тому времени он обнаружил пропажу одной из своих запонок. Однако им все же удалось переодеться в свои *apres ski*³². Когда Эмми сидела и решительными движениями расчесывала свои густые черные волосы, Генри, поправляя галстук, сказал:

— Ну, я готов. Думаю, мне стоит пойти поискать Спецци, если он еще здесь, и рассказать ему о провале с допросом Каро. Который час?

— Пять минут седьмого, — ответила Эмми, взглянув на часы.

— Значит, до прихода Марио больше часа. Пойду найду капитана, чтобы покончить с этим.

— Марио?

— Он придет поговорить со мной, когда подъемник закончит работу. И я надеюсь, что это станет завершением дела. Видишь ли, он...

Генри не успел закончить фразу. Раздался оглушительный стук в дверь, и в комнату, не дожидаясь разрешения, ворвался Спецци.

— Энрико! — закричал он. — Пойдемте немедленно! Случилось ужасное!

Генри почувствовал, как ледяная рука сжала его сердце.

— Что?! — спросил он.

— Марио... бедный старик! Он мертв — застрелен на подъемнике, точно так же, как Хозер!

Глава 15

На какой-то момент Генри оцепенел, затем не то самому себе, не то кому-то сказал:

— Этого не может быть.

— Увы, может. И это случилось. — Спецци опустился на кровать. — Когда вы сегодня днем сказали, что Марио знает имя убийцы, я, признаться, вам не поверил. Но теперь очевидно, что вы были правы. Он знал и заплатил за это жизнью.

Генри невероятным усилием взял себя в руки.

— Расскажите мне все, что знаете об этом, быстрее, а потом пойдем вниз.

— Знаю-то я очень мало, — ответил капитан. — Карло сообщил новость по телефону из деревни. Он был в шоке, едва мог говорить. Только без конца повторял, что все точно так же, как с герром Хозером.

³² После лыж (фр.)

— Когда он позвонил?

— Только что. Я помчался сразу к вам. Он остановил подъемник и вызвал врача. Сейчас ждет от нас указаний.

— Так. — Теперь инспектор говорил быстро и отрывочно, с облегчением предвкушая ближайшие действия, потому что только они могли рассеять кошмар, начинавший накрывать его. — Все вернулись в отель?

— Не знаю.

— Пойдем посмотрим. Эмми, проверь, на месте ли Герда, а потом постучи в номер барона, узнай, вернулся ли он. И присмотри за Труди Книпфер.

— Конечно. — И Эмми быстро вышла.

Искать Роджера и полковника Бакфаста не пришлось. Они были в холле: выйдя в коридор, Генри и Спецци сразу услышали их голоса.

— Никогда раньше такого не было, — говорил полковник. — Надеюсь, парень не заболел.

— Должен сказать, в последнее время он плоховато выглядел, — отвечал Роджер.

Тиббет спустился по лестнице.

— О ком вы говорите? — спросил он.

— О Марио, — пояснил Роджер.

— Очень необычно, — вступил полковник. — Я сразу подумал, что это он... Было, конечно, темно, я не мог хорошо рассмотреть, но сам себе сказал еще там, на подъемнике: «Ей-богу, похоже, это старина Марио едет вниз». Так и вышло: когда мы добрались до верхней площадки, его там не оказалось. Первый раз такое на моей памяти.

— Мы беспокоимся, не заболел ли он, — добавил Роджер.

— Боюсь, у меня плохая новость, — сказал Генри. — Марио мертв. Его застрелили.

— Господи! — Роджер побледнел как мел, а полковник нерешительно сделал шаг навстречу инспектору, но схватился рукой за перила, чтобы не упасть. Вид у него был такой, словно его вот-вот вырвет.

— Застрелили? — тупо повторил он.

— На подъемнике, надо полагать, — произнес Роджер ледяным голосом.

— Еще не знаю, — ответил Тиббет, — но похоже на то.

— Прелестно, должен признаться. — Стейнз повернулся к полковнику Бакфасту. — Как вам перспектива оказаться главным подозреваемым в деле о двойном убийстве, полковник?

— Гл... Кем?..

— Вы что, не понимаете, что только вы, Герда и я в обоих случаях ехали вверх? Логично, не правда ли? Один из нас и есть преступник.

Казалось, что полковник хочет, но не может сделать вдох.

— Не понимаю, Стейнз, как вы можете говорить об этом так легкомысленно, — наконец выговорил он. — Во всяком случае, барон тоже был на подъемнике. Он поехал вверх минут за пять до нас.

— Да, но когда убили Хозера, его даже в Санта-Кьяре не было, — злобно уточнил Роджер. — Нет, боюсь, это один из нас. На кого бы вы поставили: на меня или на Герду? А может, сами собираетесь сделать признание?

— Дорогой мой Стейнз... — начал полковник в бешенстве, но Тиббет твердо перебил его:

— Значит, Герда подошла к подъемнику вместе с вами, так? А барон уже ехал вверх. Это означает, что теперь все здесь, в отеле.

Он быстро о чем-то переговорил со Спецци по-итальянски, потом продолжил:

— Я сейчас отправляюсь в деревню. Капитан Спецци останется здесь; он согласен со мной, что с целью обнаружения орудия убийства немедленно должен быть проведен обыск. У него еще нет ордера, разумеется, и вы вольны отказаться, но я очень надеюсь, что вы проявите понимание. Две смерти мы уже имеем и не можем допустить третьей.

Оба мужчины выразили готовность, чтобы их обыскали. Призвали Россати, и тот со слезами на глазах согласился, чтобы прочесали весь отель в поисках оружия. Генри позвал Эмми и предложил Спецци воспользоваться ее услугами для обыска женщин. Капитан принял предложение с благодарностью. Решать между собой, кто сообщит плохую новость барону, Генри предоставил Спецци и Россати, после чего отправился к подъемнику.

Несколько минут он провел в будке Марио — там царил теперь полная тишина, если не считать тиканья часов. Потом инспектор тщательно обследовал платформу за пределами будки. Кресла неподвижно висели в воздухе, их зловещие паучьи тени лежали на снегу под лампами. С особым вниманием он изучил книгу, в которой Марио отмечал поломки подъемника, но не нашел там ничего примечательного, кроме записи о том, что сегодня вскоре после трех часов дня выбило предохранитель и он был заменен.

Наконец Генри поднял трубку телефона, по которому Марио связывался с Карло, и покрутил старомодную ручку, чтобы в нижней будке зазвонил звонок. Карло ответил немедленно.

— Это Тиббет, — сказал Генри. — Запустите подъемник, пожалуйста. Мне нужно вниз.

Странная была поездка. Генри наблюдал за процессией пустых кресел, ползущих вверх, и с иррациональным страхом ожидал увидеть, что в одном из них кто-то сидит... какая-нибудь призрачная фигура с пистолетом, нацеленным на жертву, для которой уже не было спасения и которую безжалостный механизм канатной дороги неотвратно нес навстречу смерти — все ближе и ближе.

С раздражением отбросив эту ребяческую фантазию, инспектор закрыл глаза и предался размышлениям. Но лица кружились перед его мысленным взором, проплывали одно за другим, словно на карусели, насмехаясь над ним; и каждый раз одна и та же мысль пронзала мозг, словно грозная молния: «Должно быть, я ошибся... ошибся...»

Сцена, которую он застал внизу, горько напоминала о вечере, когда погиб Хозер, — за исключением того, что на сей раз не было метели. Марио лежал в снегу там, куда упал, — жалкий бесформенный тюк старой одежды, еще недавно бывший человеком. Карло стоял возле тела друга, словно верный пес над трупом хозяина, и Генри видел слезы на узком морщинистом лице.

Несколько молодых карабинеров отрядили сдерживать натиск местных жителей, обступивших площадку подъемника. Но если в случае с Хозером болтливому любопытству толпы противостояло добродушное подтрунивание со стороны полицейских, то сейчас жители деревни стояли молча, как и карабинеры, один из которых лишь изредка, когда кто-нибудь случайно подходил слишком близко, предупреждающе поднимал руку. Эта смерть не была для них будоражающим скандалом, предметом праздного любопытства и досужих сплетен, — это была смерть одного из них, смерть в семье.

Врач — маленький смуглый жизнерадостный человек в роговых очках — тепло поприветствовал инспектор.

— Я его еще не осматривал, — сказал он, — только удостоверился, что он мертв. В этом, увы, нет никаких сомнений. Бедный старик. Фотографы уже все засняли, так что, если хотите, можете взглянуть на тело, после этого мы заберем его в морг, и там я продолжу работу.

— Спасибо, — сказал Генри. — Я вас надолго не задержу.

Когда он склонился над телом, Карло продолжал молча стоять рядом. Лицо Марио выглядело очень спокойным. Его можно было принять за человека, уснувшего в снегу, если бы не уродливое красное пятно, расплывшееся на грязной белой рубашке. Тиббет выпрямился.

— Расскажите мне, что случилось, — обратился он к Карло. — Вы хотели помочь ему сойти с кресла и...

— Это ужасно, синьор... ужасно. Незадолго до этого я говорил с ним по телефону...

— Когда?

— Не уверен насчет точного времени, — сокрушенно признал Карло. — Около

половины шестого, наверное, или чуть позже. Я сообщил, что последние постояльцы «Белла Висты» только что сели на подъемник и что сегодня вечером вряд ли будут еще посетители. Он... он неважно себя чувствовал, синьор, и...

— Продолжайте, — подбодрил его Генри.

— Я не хотел ничего плохого, — покаянным голосом взмолился Карло. — Просто не видел нужды в том, чтобы он торчал наверху еще полтора часа. И я... я предложил, чтобы Марио, когда мистер Стейнз доедет до верху — он ехал последним, — спускался вниз.

— А так делать разрешается? — спросил инспектор.

Карло неловко шаркнул ногами.

— Это против правил, синьор, я знаю, но... Марио — старый человек, а мой сын, который работает на Альпийской розе, уже был дома. Мы живем тут неподалеку. Если бы кому-то наверху понадобилась помощь, мой сын тут же поднялся бы и помог.

— А если наверху выбило бы предохранитель?

— Я бы позвонил Беппи в «Белла Висту». Он разбирается в подъемнике. Раньше сам работал на месте Марио.

— Значит, это была вполне отработанная схема? — спросил Генри.

— Нет-нет, синьор... Мы пользовались ею только раз или два, когда Марио плохо себя чувствовал. В любом случае он отказался спуститься раньше времени.

— И что сказал?

— Что у него в «Белла Висте» назначена встреча после работы. Еще сказал, что это очень важно.

— Ясно. А дальше?

— Я спросил, как он собирается потом спускаться в деревню, и Марио ответил — на лыжах. Я сказал, что он с ума сошел, ведь он нездоров, и вообще ему ни в коем случае нельзя спускаться на лыжах в темноте. А он рассмеялся и ответил: «Вероятно, после того, что я им расскажу, для меня персонально запустят подъемник», — и повесил трубку.

— Что вы делали потом?

— Ждал здесь, — ответил Карло. — Сын принес мне чашку кофе, потом я перемолвился словечком с Пьетро — он съехал на лыжах вскоре после этого. Было без четверти шесть, я знаю точно, потому что Пьетро крикнул, чтобы я посмотрел время на своих часах, — хотел сверить. У него, как он сказал, назначена встреча, и он боялся опоздать. Думаю, Марио я увидел приблизительно через четверть часа; он спускался в кресле. Сначала я обрадовался, что он передумал и последовал моему совету. Потом сообразил, что постояльцы «Белла Висты» не успели доехать до верху, прежде чем Марио оттуда уехал, и решил, что, должно быть, ему совсем плохо, раз он оставил свое место, когда на подъемнике оставались люди, да еще и пропустил важную встречу. А когда он подъехал ближе, я увидел, что он весь какой-то обмякший... как будто без сознания, что ли. И страшущая перекладка была опущена, что мне показалось странным. Ну я быстро подошел, чтобы помочь ему, и... — У Карло сорвался голос. — Прямо как герр Хозер, — выдавил он. — Прямо как герр Хозер...

— Вы попытались помочь ему... — мягко подсказал Генри.

— Я взял его за руку, и он упал — вот. А потом я понял, что мой друг Марио мертв... — Карло отвернулся.

Тиббет вернулся к Марио, осторожно извлек неказистое содержимое его карманов и сложил все в жалкую кучку: пятьсот лир, в основном мелкими монетками; потрепанный карманный нож; большой старомодный ключ и маленький, поновее; огрызок карандаша; очень грязный носовой платок и пять черных сигарет в лиловой пачке. Что бы ни собирался рассказать Марио, совершенно очевидно, что он не был намерен подтверждать слова какими бы то ни было вещественными уликами.

Генри аккуратно связал все принадлежности старика в узелок из его же грязного носового платка и сказал доктору:

— Ну все. Можете его увозить. Я возвращаюсь в отель. Позвоните мне, пожалуйста,

когда закончите осмотр.

— Конечно, синьор.

Не успели санитары с носилками подойти к телу, как толпа жителей деревни вдруг расступилась — молча, безо всякой команды, — и в круг света ступила высокая фигура.

— Где мой отец? — спросил Пьетро. Его лицо в резком свете казалось высеченным из гранита, белое, суровое, изрезанное глубокими тенями. Генри положил руку на плечо молодого человека.

— *Caro Pietro*, — тихо произнес он. — Что тут скажешь?

Молодой человек неотрывно глядел на тело отца.

— Мне сообщили, когда я сидел в баре «Шмидт»... — с трудом выговорил он. — Я сразу пошел к маме. Она велела принести его домой.

Инспектор и врач переглянулись, потом Генри сказал:

— Боюсь, это невозможно, Пьетро.

— Невозможно? Неужели моя мать еще недостаточно настрадалась, чтобы...

— Ваш отец убит, — объяснил Тиббет. — Позже вы сможете забрать его домой, но сначала тело должен осмотреть врач. Это обязательно, если мы хотим найти убийцу.

Молодой человек ничего не ответил. Он прошел вперед, опустился на колени рядом с отцом, склонил голову, словно в молитве, и вдруг в мертвой тишине, словно погребальный звон колоколов, раздался бой церковных часов — семь ударов. Наконец Пьетро поднял голову, на его лице застыло мрачное выражение.

— Хорошо, Энрико, — сказал он. — Я принимаю ваше решение.

Он снова опустил голову, с минуту смотрел на окаменевшее лицо отца, потом тихо добавил:

— Есть долги, которые должны быть оплачены.

Затем резко встал и зашагал прочь сквозь толпу, молча расступившуюся, чтобы дать ему дорогу.

Когда Генри вернулся, «Белла Виста» была погружена в зловещую тишину. Все постояльцы, за исключением фон Вюртбургов, собрались в баре. Они разбились на маленькие группки и переговаривались приглушенными голосами. Роджер и Каро за самым дальним столиком в углу серьезно о чем-то беседовали. Джимми сидел у стойки, Бакфасты молча — на своих обычных местах. Троица Книпферов за столом у дверей низкими голосами вела разговор с Гердой по-немецки. Спецци и Эмми не было видно.

Генри поднялся наверх и обнаружил жену перебирающей содержимое ящиков туалетного столика в комнате Герды.

— То, что я делаю, мне отвратительно, — сказала она. — Ничего здесь, разумеется, нет. Спецци даже заставил меня обыскать Труди Книпфер, а потом мне пришлось прошерстить всю ее комнату, несмотря на то, что она вернулась в отель давным-давно, даже раньше, чем Джимми и Каро.

В комнате Герды не обнаружилось ничего интересного, если не считать маленькой фотографии, аккуратно вставленной в рамку. На ней были запечатлены потрясающей красоты блондин и хорошенькая темноволосая женщина, одетая по моде двадцатипятилетней давности; на коленях у женщины сидела маленькая темноволосая девочка лет трех-четырёх, безудержно хохотавшая. Еще имелся более крупный портрет мужчины, тщательно отретушированный, из тех, какие актеры тридцатых годов посылали своим поклонникам. Внизу была подпись: «Моей дорогой жене со всей моей любовью — Готфрид. Май, 1936 г.»

Взглянув на фотографии, Тиббет вздохнул:

— Здесь ничего нет. Давай осмотрим комнату Труди.

Комната фройляйн Книпфер была такой же безликой и не представляющей никакого интереса, как тогда, когда Генри осматривал ее днем. Однако теперь он не считал возможным проигнорировать запертый ящик и попросил Эмми пойти и позвать Труди.

— Фройляйн Книпфер, — вежливо обратился к ней инспектор, — мне очень неловко

вас беспокоить, но, как вы знаете, мы обязаны обыскать все комнаты, чтобы попытаться найти пропавший пистолет. Не будете ли вы любезны дать мне ключ от этого ящичка?

— Нет, — ответила Труды. — Не буду.

Она смотрела на Генри со смешанным выражением презрения и неприязни.

— Я бы не советовал вам упрямыться, фройляйн. Видите ли, если вы откажетесь, мы будем вынуждены прибегнуть к худшему варианту. На ночь я оставляю в этой комнате для охраны полицейского, а завтра утром капитан Спецци вернется с ордером, и мы взломаем ящик. Уверен, вам этого не хочется.

— Там нет пистолета, — сказала Труды. — Лишь нечто сугубо личное. Для вас это не представляет интереса.

— Простите, фройляйн. Я вынужден настаивать.

Поколебавшись с минуту, Труды холодно произнесла:

— Вы плохо обыскали комнату, иначе нашли бы ключ.

Метнувшись мимо инспектора к умывальнику, она пошарила в мешочке для туалетных принадлежностей и достала маленький ключик.

— Вот! — крикнула девушка и едва ли не швырнула ключ Генри в лицо, после чего вышла, хлопнув дверью.

Тиббет отпер ящик. Внутри лежал маленький дневник. Он присел на кровать и начал читать.

Большинство записей ничего интересного не представляли. Труды описывала свою весьма безотрадную жизнь в Гамбурге, протекавшую под властным доминированием персонажа, который был обозначен как «Рара». Прибытие семейства в «Белла Висту» было должным образом зафиксировано, после чего шла короткая запись следующего содержания: «Сегодня вечером Рара сказал, что я должна выйти замуж за Ф.Х.» После этого «Ф.Х.» был вкраплен почти в каждую запись, и обычно его упоминание сопровождалось каким-нибудь уничижительным комментарием. В день накануне смерти Хозера Труды записала: «Сегодня я сказала Рара, что не перенесу этого брака. Он настаивал. Конечно, я не могу его послушаться. Нужно найти какой-то выход». На день убийства приходилась лишь одна короткая запись: «Ф.Х. сегодня убит. Я испытываю восхитительное чувство освобождения и знаю, что мне теперь делать».

Генри встал и положил дневник в карман.

— Нужно показать это Спецци, — сказал он жене. — Пойдем вниз.

Капитана и его адъютанта они нашли в холле, и все четвером переместились в кабинет Россати, который снова был превращен в командный пункт.

— Мы обыскали все, — доложил Спецци. — Ничего не нашли. А ведь у убийцы было не так уж много времени, чтобы избавиться от оружия. Россати был в баре, Анна — на кухне. Владелец отеля видел, как барон вошел в холл и проследовал прямо наверх, а несколько минут спустя из лыжного сарая пришли лыжники, все трое.

— Вы, конечно, и сарай осмотрели?

— Я его разобрал на кусочки, — грустно пошутил капитан. — В любом случае они все время находились там втроем, так что убийце было бы трудно отыскать какой-нибудь замысловатый тайник. По словам Россати, Герда сразу поднялась к себе, а мужчины остались в холле, где мы их и нашли.

— Мне очень жаль, что вам пришлось проделать столько бесплодной работы, — сказал Генри. — Но это было необходимо. А мы с Эмми обнаружили кое-что, что может оказаться важным.

Он передал Спецци дневник, и тот прочел его с чрезвычайным вниманием. Дойдя до дня смерти Хозера, капитан присвистнул.

— Очень интересно, Энрико, — сказал он. — Вернее, было бы интересным, если бы существовала пусть даже отдаленная возможность того, что фройляйн Книпфер могла совершить хоть одно из двух убийств. К несчастью, это не так.

— Мне все равно это представляется интересным, — возразил Генри. — А теперь,

возвращаясь к пистолету: в сущности, я и не ожидал, что вы его здесь найдете. По моему предположению, на сей раз его действительно сбросили с подъемника. Слава богу, сейчас не идет снег. Когда вы сможете отправить людей на поиски?

— Могу, если хотите, отрядить партию уже сегодня вечером, — с сомнением в голосе ответил Спецци, — но луна теперь лишь во второй четверти, и я очень сомневаюсь, что они что-нибудь найдут в темноте.

Он подошел к окну, открыл его и выглянул наружу.

— Облачно, но не думаю, что ночью пойдет снег. Вот что мы сделаем. Под самим подъемником света достаточно, особенно вблизи пилонов. Я сейчас же отправлю людей искать там. Конечно, если убийца швырнул пистолет в какую-нибудь расщелину или в деревья, — а я бы именно так и поступил на его месте, — сегодня мы его не найдем; но это потребовало бы весьма энергичных телодвижений, которые вполне мог заметить тот, кто ехал сзади.

— Если только убийца не ехал последним, — заметил Тиббет.

— Согласен. Но, боюсь, это не наш случай, — вздохнул капитан. — Так или иначе, мы все осмотрим.

— Вы приняли совершенно верное решение, — сказал Генри. — Думаю, это в любом случае важно.

Глава 16

Не успел Спецци закончить телефонный разговор с деревней, чтобы организовать поисковую группу, как раздался стук в дверь, и вошел Роджер. Он посмотрел на инспектора робко, словно школьник на строгого учителя.

— Генри, не мог бы я переговорить с вами — сказал он неуверенно. — Есть... есть нечто, что я хотел бы вам сообщить.

Тиббет свирепо взглянул на него.

— Чрезвычайно рад слышать, — ответил он. — Как раз собирался послать за вами.

— Вообще-то я имел в виду... то есть не могли бы мы переговорить с глазу на глаз? — Стейнз бросил на капитана сконфуженный взгляд.

— Нет, — твердо заявил Генри. — Это официальный допрос, и Эмми будет вести протокол.

Роджер явно огорчился, но сел и сказал со всей любезностью, на которую был способен в этот момент:

— Ну что ж. Раз вы настаиваете...

Наступила долгая пауза, которую наконец прервал Тиббет:

— Итак, вы собираетесь сделать заявление или мне начинать задавать вам вопросы?

— Это касается дела Хозера, — не сразу ответил Стейнз. — Второе убийство поставило меня в крайне щекотливое положение, и я вижу единственный выход: рассказать все начистоту.

— Давно пора, — заметил Генри.

— Раньше я вам говорил, что у Хозера не было ко мне никакого делового предложения, — начал Роджер. — Должен признаться, это не так. Он хотел, чтобы я кое-что вывез отсюда контрабандой, и... ну, честно говоря, я согласился. Мне это показалось хорошей возможностью поправить свои дела — я сейчас весьма стеснен в средствах. Конечно, следовало все это рассказать вам раньше, но... полагаю, вы сами прекрасно понимаете, почему я этого не сделал.

— Вы не сообщаете ничего такого, чего бы я уже не знал, — произнес инспектор. —

Кстати, что вы сделали со вторым письмом Хозера? Сожгли, полагаю?

— Как вы узнали? — не веря своим ушам, воскликнул Роджер.

— Это же очевидно, что должно было быть второе письмо, — ответил Генри. — Если только он не звонил вам в Лондон. Кроме всего прочего, в том письме, которое вы мне показали, не упоминалось никаких дат. Просто неопределенная отсылка к январю месяцу. Обычно Хозер не задерживался здесь дольше двух недель, поэтому должен был назначить вам точную дату встречи. Вообще это письмо такая же фикция, как оловянные полкроны. Вы все обсуждали с ним здесь в прошлом году, не так ли?

Тень улыбки скользнула по лицу Стейнза.

— Ладно, — сказал он. — Слишком уж вы умны. Да, первый раз он завел разговор в прошлом году, и я дал ему понять, что мог бы этим заинтересоваться. Получив от него письмо, я не удивился — оно лишь подтвердило ту предварительную схему, которую мы выработали. Я ответил согласием, и он снова написал мне, назначив встречу на двадцать пятое января.

— На двадцать пятое января? — удивился Генри. — То есть на сегодня?

— Он сообщил мне, — продолжил Роджер, — что уедет из «Белла Висты» двенадцатого — за четыре дня до нашего приезда — и вернется двадцать четвертого. Поэтому, как вы догадываетесь, я удивился, застав его здесь по приезде, но Хозер просто сказал, что у него в последний момент изменились планы. Однако велел не волноваться, он, мол, съездит в Рим за моим... грузом и привезет его в какой-то из дней второй недели нашего отдыха. Когда его убили, он как раз направлялся за ним. Так что... я признаю, что вел себя отнюдь не как гипсовый святой, однако вы должны согласиться, что у меня был очень сильный мотив не желать Хозеру смерти.

— А что с вашей историей насчет шантажа?

Стейнз нервно рассмеялся.

— Ах, это... Это ерунда, в самом деле ерунда. Хозер был, как вам, несомненно, известно, мерзким маленьким негодяем, и эту записку он пытался использовать для того, чтобы заставить меня согласиться на меньшую часть прибыли, а также в качестве гарантии, что я его не выдам. Но даже он вынужден был признать, что это фальшивка, когда сравнил ее с моим подлинным почерком.

— Значит, рассказанная вами история о том, как Хозер сжег записку, тоже была ложью?

— Мне стыдно, но это так.

Роджер обезоруживающе улыбнулся и, весьма правдоподобно изобразив искренность, добавил:

— Видите ли, я знал, что вы найдете записку, но был наивен, допустив, что вы не свяжете ее со мной. Как только вы тем вечером в баре упомянули «Нэнси Мод», я понял, что вы сложите два и два, и решил придумать историю, чтобы объяснить, почему я сразу не сообщил о попытке шантажа в полицию. Понимаете, я не хотел, чтобы все остальное вышло наружу.

— Я все очень хорошо понимаю, — сухо отозвался Генри. — Если можно так выразиться, ваша выдумка оказалась немного чересчур наивной и породила множество лазеек. Однако мы до сих пор не дошли до действительно любопытной части всей этой истории. Каро наверняка уже рассказала вам о том, что римская полиция по почерку идентифицировала ее как автора фальшивки.

Роджер вспыхнул, и в его голосе послышалась настоящая воинственность.

— Да, рассказала. И я считаю достойным презрения то, как вы запугивали бедную девочку разговорами об адвокате и судебном преследовании. Вам не хуже моего известно, чего стоят так называемые графологические экспертизы: на каждую, подтверждающую, что это написала она, я могу представить две, которые будут это отрицать. Во всяком случае, записка не является неопровержимым доказательством, и даже самому ничтожному сыщику очевидно, что у девушки не было ни мотива, ни возможности...

— На вашем месте я бы приберег свой праведный гнев для другого случая, — перебил его Тиббет. — Лучше дайте мне свое объяснение тому, почему Каро с момента смерти Хозера пребывает в состоянии ужаса на грани нервного срыва.

— Боюсь, это моя вина, — сбавил тон Роджер. — Я не собирался посвящать Каро в наши с Хозером грязные делишки, но по несчастливой случайности она услышала мой разговор с ним в первый день по приезде. Слышала она не так много, но достаточно для возникновения подозрений. Короче говоря, Каро пилила и пилила меня до тех пор, пока я не выдержал и, как дурак, все ей не рассказал. С ней, конечно, случилась истерика, и она решила проигнорировать всю эту историю. Если послушать, как Каро все восприняла, так можно подумать, что я затеял... не меньше чем кражу королевских регалий. Она пригрозила, что все расскажет отцу, если я не пообещаю никогда больше не иметь дела с Хозером.

— И тогда вы сказали ей, что были бы несказанно рады выйти из игры, но не можете, потому что Хозер вас шантажирует.

Роджеру хватило совести показать, что ему стыдно.

— Что еще я мог сделать? — сказал он. — Вот почему у нее такой зуб на бедного старину Фрица.

— А что вы делали в комнате Хозера вечером накануне его смерти?

— Господи, да вы все знаете! — восхищенно воскликнул Стейнз. — По правде говоря, это был совершенно невинный визит. Я зашел взять книгу, которую тот обещал мне дать.

— Какую книгу?

— «Сага Тереса» Ренато Лучиано, — без запинки выпалил Роджер. — Восхитительно грязная книжонка, и в Англии еще не опубликована. Я, знаете ли, довольно бегло читаю по-итальянски. Книга и сейчас у меня в комнате, если хотите, сами посмотрите.

Генри вопросительно взглянул на Спецци, тот кивнул и подтвердил:

— Да, книга там.

— Вы видели пистолет Хозера? — спросил инспектор.

— Да. Он лежал на столе.

Генри испытующе смотрел на Роджера. Лицо молодого человека являло собой воплощение искренности и простодушия.

— Признаюсь, я безгранично рад, что снял этот камень с души. Какое невероятное облегчение, что в конце концов я не оказался связанным с Хозером и его контрабандными делишками.

— Кстати о контрабанде, — сказал Тиббет. — Из чего должен был состоять ваш груз?

— Часы, — без колебаний ответил молодой человек.

— Вы уверены?

— Конечно. Мы условились, что я стану бывать здесь дважды в год — летом и зимой. Хозер велел мне всегда приезжать с компанией, на дешевом поезде, сказал, что это будет хорошим прикрытием. И каждый раз я должен был увозить отсюда весьма крупную партию. Впоследствии мне предстояло привозить и груз из Англии, но это мы подробно не обсуждали. Конечно, состояния это мне не принесло бы, но могло дать постоянный источник небольшого дохода.

— Можете считать, вам чрезвычайно повезло, что Хозер недолго прожил и не успел втянуть вас в свои дела сильнее, — мрачно сказал Генри. — Знаете, часами вам долго промышлять не пришлось бы. А пути назад уже не было бы. Искренне надеюсь, что вы усвоили урок.

— Вам нет нужды повторять дважды, — смиренно подтвердил Роджер. — Отныне — только сугубо легальная деятельность.

— А теперь, когда вы сделали свое чистосердечное признание, — с легкой иронией произнес Тиббет, — поговорим о втором убийстве. Мне нужно самое что ни на есть точное описание всех ваших сегодняшних передвижений.

— Большинство из них вам известны, — сказал Стейнз. — Утром мы вышли вместе со стариком Бакфастом, совершили спуск по третьему маршруту, потом отправились на

Альпийскую розу, где подцепили Герду. Ленч у нас, как вы знаете, был в «Олимпии», а как только закончился перерыв на подъемнике, мы поехали наверх, чтобы еще раз спуститься по третьему маршруту, пока туда не набежала толпа.

Он помолчал, потом добавил:

— Могу честно сказать, что все мы трое знали о вашей предстоявшей вечерней встрече с Марио.

— Знали? — удивился Генри. — Откуда?

— Мы поднимались прямо за Пьетро, который ехал за своими подопечными, и пока надевали лыжи наверху, я слышал, как он разговаривал с Марио. Похоже, он волновался за старика. Должен сказать, я и сам заметил, что тот выглядит как привидение. Короче, я слышал, как Пьетро сказал: «Отец, ты упрямый старый дурак. Почему бы тебе просто спокойно не вернуться домой?» А Марио ответил: «Я уже говорил тебе, что вечером встречаюсь с синьором Тиббетом, и ничто меня не остановит». — Конечно, — уныло добавил Роджер, — я один понял, о чем они разговаривали, — по крайней мере, не думаю, что Герда знает итальянский. А уж полковник не знает точно. Но я, как идиот, все им разболтал.

— И что они сказали?

— Да ничего особенного. — Стейнз нахмурился. — Мы договорились съехать по третьему маршруту, и тут Бакфаст засуетился: мол, взял не те лыжные очки. Он настоял, чтобы мы зашли за другими в отель, и продержал нас там столько, что чертова трасса к тому времени, когда мы там появились, оказалась забита людьми, и все удовольствие было испорчено. Тем не менее... на чем я остановился? Ах да, Марио. Мы с Гердой немного посплетничали о том, что нужно от вас Марио, потом вернулся полковник, и мы с ним отправились к спуску. Но, как я уже сказал, народу на нем было как на Пикадилли-сёркус в час пик, поэтому, спустившись, мы решили снова перебазироваться на Альпийскую розу. Закончили кататься без четверти пять и пошли пить чай в «Олимпию». Кстати, барон тоже там был.

— Вы с ним говорили?

— Не то чтобы говорили. Он ведь малый не слишком общительный. Просто холодно кивнули друг другу. Он ушел за несколько минут до нас. Когда мы садились на подъемник, Карло сказал, что мы — последние, барон уже уехал наверх.

— В котором часу это было?

— Честно говоря, не помню. Незадолго до половины шестого, полагаю. Мы не засиживались за чаем.

— Насколько я понимаю, вы ехали последним.

— Да. Герда — первой, потом полковник, потом я.

— И вы видели, как Марио едет вниз?

— Да... но я не знал, что это он. Мне такое и в голову не приходило, пока мы не обнаружили, что старика нет на верхней станции.

— Какую часть пути вы проехали, когда встретились с ним?

Роджер помолчал.

— Наверное, больше половины... Трудно сказать точно.

— А теперь, — попросил Генри, — хорошенько подумайте, потому что это важно. Не видели ли вы, чтобы что-то упало с подъемника, — ну как если бы кто-то, ехавший впереди вас, что-то бросил или уронил...

— Пистолет? — слабо улыбнулся Роджер. — Нет. Имейте в виду: я ни в чем не готов поклясться, но почти уверен, черт возьми, что я бы такое заметил.

Похоже, больше Роджеру нечего было рассказать, поэтому Тиббет отпустил его к остальным, которые уже приступили к ужину. Генри предложил, чтобы им — ему, Эмми, Спецци и его помощникам — ужин принесли в кабинет, тогда он смог бы во время еды пересказать капитану суть своей беседы с Роджером. Они почти покончили с основным блюдом, когда зазвонил телефон. Генри снял трубку.

Это был врач из Санта-Кьяры.

— Предварительное заключение, инспектор, — бодро сказал он. — Смерть наступила от выстрела в сердце из пистолета 32-го калибра; рана почти идентична ране Хозера, хотя я бы сказал, что расстояние, с которого произведен выстрел, на этот раз немного меньше, — впрочем, определить его с точностью до нескольких дюймов невозможно. Смерть была мгновенной и наступила в пределах одного часа до момента осмотра. С вашего разрешения, я прямо сейчас отправлю обе пули на экспертизу. Будет нетрудно установить, выпущены ли они из одного и того же оружия.

Не успел Генри положить трубку, как телефон зазвонил снова. На сей раз звонили капитану, который ответил с набитым ртом. Послушав несколько секунд, Спецци быстро проглотил еду, попросил собеседника не вешать трубку и повернулся к Тиббету. Глаза его блеснули от волнения.

— Энрико! — воскликнул он. — Они нашли пистолет!

— Слава богу, — с облегчением произнес Генри. — Где?

Снова последовал короткий телефонный разговор, после чего, прикрыв ладонью микрофон, Спецци сообщил:

— Под подъемником — в фуге от пилона, примерно в трех четвертях пути вниз. Спрашивают, что с ним делать.

— Пусть запишут все данные: номер, производителя и так далее и сообщат нам по телефону. Потом пусть сразу отправят на экспертизу вместе с пулями и скажут, чтобы обязательно сняли отпечатки пальцев.

Капитан передал эти инструкции, присовокупив к ним множество собственных по поводу необходимости обращаться с оружием аккуратно, чтобы не стереть отпечатки, повесил трубку и победно произнес:

— Ну наконец хоть что-то! На сей раз убийца сделал ошибку!

— Мне вот что пришло в голову, — сказала Эмми. — Поскольку обе пули выпущены из одного пистолета, значит, бедный Франко точно невиновен.

— Да, — с нескрываемым облегчением ответил Спецци, когда Генри перевел ему это. — Думаю, завтра я отпущу его. Получается, молодому человеку повезло, что он сегодня отсиживался в тюрьме. Даже барону будет теперь трудно утверждать, что мог убить Марио, а баронесса, надеюсь, будет благодарна за то, что невиновность ди Санти доказана. Так что все будут удовлетворены. Итак, — продолжал капитан, закуривая, — наконец-то круг сужается. Ясно, что теперь у нас только трое подозреваемых: полковник, Стейнз и фройляйн Герда. Судя по тому, что вы мне рассказали, маловероятно, что Хозера убил Стейнз. У полковника нет мотива, к тому же он — человек исключительно прямолинейный. Остается только фройляйн Герда, как я все время и говорил.

— Все это — не доказательства, — охладил его пыл Тиббет, — и, рассуждая с точки зрения психологии...

Спецци жестом отмел его соображения.

— Ваша беда, мой дорогой Энрико, — заметил он с недопустимой, по мнению Генри, бесцеремонностью, — в том, что вы ищите сложности там, где их нет. Вы говорите: «Этот человек мог совершить преступление, но это не в его характере». Ну разве это доказательство? И потом, вы сентиментальны. Вы хотите оправдать девушку, потому что она красива и у нее трагическая судьба. Но я говорю вам: когда речь идет об убийстве, невозможно предсказать, как поступит человек. А я человек простой. Я ищу очевидные объяснения, логические; вот вы усмехаетесь, но увидите, что я прав. В этом деле я был бы всей душой рад ошибиться, потому что фройляйн Герда...

Итальянец замолчал, вздохнул и закончил:

— Но мы должны смотреть фактам в лицо.

— Это именно то, что я стараюсь делать, — возразил Тиббет. — Всем фактам, — веско проговорил он, — а не только тем, которые подходят под нашу концепцию.

— Не понимаю.

Но Генри, чья гордость была задета как самодовольством Спецци, так и его необоснованным упреком в сентиментальности (в котором, положив руку на сердце, он не мог не признать некоторой доли справедливости), упрямо молчал, сосредоточившись на поедании мандарина.

После ужина они отважно вступили в логово барона. Фон Вюртбург, уязвленный тем, что его унизили, подвергнув номер обыску, был до крайности раздражен и не желал помогать.

Он сказал, что после ленча отправился в Монтелунгу на машине по личному делу, которое никак не касается полиции. Вернулся в половине пятого и выпил чаю в «Олимпии». Незадолго до половины шестого сел на подъемник и вернулся в отель. На третьей четверти пути действительно заметил кого-то, двигавшегося навстречу. Разумеется, он не стал строить догадки о том, кто это мог быть, решил, что кто-то из местных. Все происходящее его ни в малейшей степени не интересовало. Барон был чрезвычайно недоволен, не обнаружив служителя наверху, и решил сообщить об этом администрации. Он искренне надеялся, что это больше не повторится, но чего еще ожидать от итальянцев, понятия не имеющих о дисциплине.

Возмущенный, Спецци спросил, видел ли он в «Олимпии» Герду, Роджера и полковника. Барон холодно ответил — да. Нет, он не разговаривал с ними: вряд ли можно ожидать, что он станет разговаривать с домашней прислугой после того, как уволил ее. Если приезжим англичанам угодно водить такую компанию, это их личное дело.

До сих пор барон вел себя, не выходя за рамки формальностей, но под конец вдруг сделал совершенно неожиданное замечание:

— Предполагаю, — сказал он, ничуть не смягчив сурового выражения лица, — что теперь вы сочтете правильным отпустить ди Санти.

Капитан уклончиво пробормотал что-то насчет результата сравнения пуль. Барон улыбнулся без малейшего намека на юмор.

— Я смею считать себя справедливым человеком, — заявил он. — Понимаю, что юноша был арестован в значительной мере под моим давлением, но теперь вижу, что я был не прав. Вы меня очень обяжете, если освободите его как можно скорее.

На этом беседа была окончена. Генри и Спецци с облегчением перешли к более приятному делу — беседе с полковником Бакфастом.

Слова, сказанные Роджером в холле, явно произвели на полковника глубокое впечатление. Он чувствовал себя как на раскаленных углях и начал с того, что потребовал присутствия своего адвоката и британского консула.

— Дорогой полковник, — успокоил его Тиббет, — вас никто ни в чем не обвиняет. Мы просто стараемся восстановить четкую картину того, что произошло.

— Мое положение... щекотливое... весьма щекотливое... — ответил Бакфаст, багровея. — Чрезвычайно. Я знаю свои гражданские права.

Генри вздохнул.

— Я тоже, но было бы гораздо проще, если бы вы просто подтвердили несколько фактов, которые сообщил нам Стейнз.

— А что он говорит? — отрывисто спросил полковник.

Инспектор зачитал ему ту часть протокола опроса Роджера, где тот излагал последовательность их передвижений во время катания на лыжах, и полковник нехотя признал, что все изложено точно. Когда Генри коснулся вопроса о лыжных очках, Бакфаст стал более разговорчив.

— Стейнз был крайне недоволен задержкой, — сказал он, — но рисковать глазами чрезвычайно неразумно. Снежная слепота. Она случается гораздо чаще, чем кажется многим. От нас в команде всегда требовали надевать очки.

— А что, солнце стало ярче светить, да? — спросил Тиббет.

Полковник посмотрел на него снисходительно.

— Это нормально для полуденного времени, — сказал он с неуклюжим сарказмом. —

У меня очки со сменными линзами, знаете, есть такие. Когда я катался в них последний раз, шел снег, поэтому в них стояли желтые линзы. А зеленые я просто забыл в комнате. Чтобы сходить за ними, нужно было не более пяти минут. Но Стейнз поднял такой шум, — можно было подумать, будто я совершаю преступление. — Не сразу осознав неуместность подобного сравнения, Бакфаст покраснел. — То есть...

— Я понимаю, что вы имели в виду, — с улыбкой сказал Генри. — Молодежь склонна проявлять нетерпение.

Полковник не смог уточнить время, когда их компания поднималась вверх, но настаивал на своем прежнем утверждении, что узнал Марио в ехавшем вниз человеке, когда сам уже приближался к верхней станции, и что вид старика показался ему болезненным.

— Почему вы так решили?

Но Бакфаст не находил слов, чтобы описать свое впечатление.

— Марио уже несколько дней выглядел нездоровым. Все это заметили.

— Вы знали, что он собирался встретиться со мной? — спросил Генри.

— Так сказал Стейнз. Я не обратил на это особого внимания, полагал, что арест ди Санти — последнее, что мы услышим об этом убийстве.

Определенно заявив, что он не видел, чтобы что-то падало с подъемника, но признав при этом, что большую часть пути проехал с закрытыми глазами, полковник удалился, всем своим видом являя аллегория оскорбленной невинности.

— А теперь повидаемся с фройляйн, — сказал капитан.

Никогда Генри не забудет допроса, который последовал за этим. Герда и Специ смотрели друг на друга в накаленной атмосфере едва сдерживаемого волнения. Капитан, решительно настроенный исполнить свой долг, невзирая на личные чувства, был суровее, чем когда-либо на памяти Генри. Герда выглядела спокойной и уравновешенной, но на лице ее читалось выражение смертной муки, от которого у инспектора сжималось сердце. «Ах, если бы они встретились при иных обстоятельствах...» — думал он. Теперь же напряжение, в котором происходила встреча, казалось ему мрачным и трагическим аналогом труднейшего финала на центральном корте Уимблдона.

Специ испробовал все известные ему тактики, от учтиво задаваемых неожиданных вопросов и тихой угрозы до открытого запугивания и крика. Герда парировала каждую его атаку, как теннисист, который изматывает более подвижного противника размеренно твердыми ударами от задней линии. Снова и снова капитан оказывался сбитым с позиции, когда пытался, метафорически выражаясь, атаковать у сетки. Окончательный итог — сет и матч в пользу молодой немки. Специ, однако, не осознавал своего поражения и продолжал швырять на стол тузы.

— Вам, должно быть, интересно будет узнать, — рявкнул он, — что мы нашли пистолет!

— Я очень рада, — отвечала Герда.

— Вы умыкнули его из чемодана Хозера в «Олимпии»! — гремел капитан. — Признайтесь!

Девушка дернулась, словно от удара, но ответила спокойно:

— Мне очень жаль, капитан, но я этого не делала. Я вообще не знала о существовании пистолета.

— В тот день вы ходили в раздевалку! Не пытайтесь это отрицать!

— Я и не отрицаю. Я ходила туда, чтобы повесить свой анорак.

— И спрятали пистолет в карман.

— Нет.

— Вы ждали, что, когда Хозер будет проезжать мимо вас...

— Простите, капитан, но должна вам напомнить: я считала, что Хозер давным-давно покинул отель.

— Ах так! Значит, вы интересовались его передвижениями!

— Не специально. За завтраком он громко сказал, что собирается обедать в деревне и не намерен возвращаться в отель до отъезда.

— Однако, увидев его багаж в «Олимпии», вы поняли, что он еще не уехал из Санта-Кьяры.

— Конечно. Он говорил, что поедет на последнем поезде.

— Бесплезно пытаться провести меня! — закричал Спецци. — Вы убили Марио потому, что он знал, что вы — убийца Хозера, и собирался рассказать об этом инспектору!

— Откуда он мог это узнать, капитан?

— Он видел вас с пистолетом! — выкрикнул Спецци. — Он обнаружил, где вы его спрятали!

— Вот как? И где же я его спрятала?

— Откуда я теперь это узнаю, если Марио мертв?! — Капитан окончательно вышел из себя. — Но вы знали, что он знает, что вы знаете...

Спецци смолк, чтобы перевести дыхание и выпутаться из им самим запутанной фразы.

— Как странно в таком случае, — заметила Герда, — что Марио не сообщил вам об этом раньше.

Так продолжалось до бесконечности. Окончательно выдохшись, капитан нехотя отпустил девушку с коротким напутствием: пусть, мол, не надеется, что ей удастся скрыть свое преступление. Дверь за Гердой тихо закрылась, и Спецци вытер пот со лба, потом бросил подозрительный взгляд на инспектора и сказал:

— Да, она очень умна и к тому же хладнокровна. Не думайте, что я не раскусил ее.

Генри ничего не ответил.

Крайне раздраженный, капитан взорвался:

— Ладно, если это не она, то кто? Видит бог, больше всего на свете мне хотелось бы доказать ее невиновность. Помогите же мне. Вчера вы думали, что разрешили загадку, но теперь, как я заметил, об этом больше и не упоминаете. Критиковать легко! Но где же ваша разгадка?

— Я сообщу вам это довольно скоро, — ответил Тиббет. При виде страданий Спецци он испытывал неловкость за свое недавнее ребяческое раздражение.

— То, что мы с вами пользуемся разными методами, — продолжил он, — вовсе не означает, что мы не можем прийти к одинаковым окончательным выводам. Уверен, так и будет.

— Что касается меня, то я уже к ним пришел, — сказал капитан. — Сожалею лишь о том, что не арестовал девушку сразу же, как хотел. Тогда бедняга Марио был бы жив.

Он встал из-за стола.

— Думаю, сегодня вечером мы больше ничего сделать не можем.

— Вы не собираетесь составить хронологию событий в связи с последним убийством? — спросил Генри.

— Конечно, собираюсь, — подтвердил Спецци немного высокомерным тоном.

— Пожалуйста, поделитесь со мной копией, — попросил инспектор. — В прошлый раз это оказалось чрезвычайно полезным.

Капитан, не будучи уверен, следует воспринимать это как комплимент или как оскорбление, ограничился коротким обещанием:

— Разумеется.

Прежде чем капитан покинул комнату, Генри сказал:

— Кстати — это всего лишь предложение, конечно, — завтра я бы на вашем месте запретил всем покидать отель. Никакой конкретной пользы в этом нет, но это заставит всех поволноваться. С моей точки зрения, единственный для нас способ добыть доказательства в этом деле — это предоставить убийце достаточно длинную веревку... чтобы повеситься.

— Я уже и сам принял такое решение, — сдержанно ответил Спецци.

Когда капитан со своими карабинерами удалился, Эмми сказала:

— Ну и ну! Бедная Герда! Он и впрямь на ней заикнулся.

— Да, — рассеянно согласился Генри, почесывая затылок. — Знаешь, Эмми, нюх подсказывает мне, что мы все равно не с того конца подходим к этому делу. Полностью

признаю, что был так же глуп, как остальные, потому что позволил увести себя в сторону, вместо того чтобы придерживаться собственного хода мысли. Но когда смотришь в лицо фактам — как пронизательно рекомендовал Спецци, — сразу начинаешь видеть другую перспективу... другую... понимаешь, что я имею в виду?

— Нет, — ответила Эмми, — но верю тебе на слово.

Она ощущала поднимающееся волнение. Впервые в ходе расследования этого дела Генри упомянул свой «нюх» безо всякого смущения — так спонтанно это слово вырывалось у него только тогда, когда он действительно нащупывал след. На ранних стадиях расследования Тиббет порой тоже употреблял его, но лишь в кавычках и с извиняющейся улыбкой. На сей раз все было реально.

Когда они готовились ко сну, Генри был молчалив и задумчив, блуждал по комнате, словно во сне. Эмми подошла к окну и открыла его.

— Мрачная ночь, — сказала она. — Небо затянуто облаками, луны не видно. Есть в этом что-то мистическое. Даже огни на подъемнике кажутся холодными и призрачными. А в одном месте, где фонарь перегорел, лежит огромная черная тень — как будто у подъемника сломана спина... Она вздрогнула и отвернулась от окна.

Генри не слушал жену. Он сидел на кровати, обхватив ладонями свою седеющую голову, и произнес лишь одно:

— Есть что-то, что я упустил... должно быть... должно...

Глава 17

Рассвет следующего дня был тусклым и хмурым. Как и предсказывал Спецци, снег не пошел, но небо словно набухло, и было лишь вопросом нескольких часов, чтобы огромные тяжелые тучи извергли бремя из своих чрев, окутав ландшафт туманной белизной.

Генри проснулся рано и разбудил Эмми.

— Дорогая, можешь кое-что для меня сделать? — спросил он.

— Что именно? — сонно поинтересовалась она.

— Встань, спустись в деревню, как только включат подъемник, и постарайся успеть на поезд в девять сорок до Имменфельда.

— До Имменфельда? — Взъерошенная и удивленная Эмми села в постели. — Зачем?

— Я хочу, чтобы ты попыталась узнать, что делал там Роджер в день убийства Хозера.

— Роджер? Но ведь он катался на лыжах с полковником...

— Полковник сказал, — вставил Генри, — что после ленча он осваивал местные спуски, пока Роджер ходил по магазинам. В Имменфельде не так уж много англичан, так что, если повезет, его вспомнят. Я хочу знать, что он делал, что купил и с кем разговаривал. И есть ли какой-нибудь значительный промежуток времени, на протяжении которого он вообще выпал из поля зрения.

— Ладно. — Эмми встала с постели и потянулась. — Не вижу в этом особого смысла, но для тебя — все что пожелаешь.

Они рано позавтракали, и Эмми отправилась к подъемнику, договорившись встретиться с Генри в «Олимпии» в половине первого.

Тем временем инспектор поднялся на верхний этаж и постучал в дверь Труди Книпфер.

— Войдите! — крикнула она. Девушка стояла перед зеркалом в лыжном костюме и закручивала свои толстые светлые косы в уродливые крендели над ушами. Увидев Генри, она смутилась. — О, это вы. Не вернете ли мой дневник?

— Боюсь, пока нет, — сказал Тиббет. — Он у итальянской полиции.

— Они не имеют права держать его у себя, — холодно произнесла Труди. — Я

поговорю с капитаном. Ну а вы зачем пришли?

— Просто перекинуться с вами словечком, пока вы не ушли кататься на лыжах, если вы не возражаете, фройляйн.

— Давайте, — сказала Труды и снова занялась волосами.

— Должно быть, вы слышали, что вчера убили Марио.

— Мне сказали, что он умер, — равнодушно констатировала девушка.

— Эти две смерти — Хозера и Марио — связаны между собой, — продолжил Генри.

— Разумеется, — коротко произнесла Труды голосом, искаженным от обилия шпилек, зажатых между губ. Она извлекала их одну за другой и злобно втыкала в косы.

— Похоже, известие о смерти Марио не очень вас удивило, — продолжал инспектор.

Труды мрачным взглядом встретила взгляд Генри в зеркале.

— А вас? — спросила она.

— Очень, — ответил Тиббет. — Видите ли, старик хотел поговорить со мной вчера вечером.

— Да, Герда нам это сказала. Но, полагаю, ему не возбранялось передумать. Вероятно, он запаниковал.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, насколько я понимаю, он уже спускался на подъемнике, когда... когда умер. Так что, скорее всего, к тому времени он уже решил не встречаться с вами.

— Фройляйн Книпфер, — после небольшой паузы очень серьезно произнес Генри, — я уверен, вы знаете, кто убил Фрица Хозера.

Труды развернулась и посмотрела на него в упор.

— А вы знаете? — дерзко спросила она.

— Да, — ответил Тиббет. — Думаю, что знаю.

— Тогда вам не требуется ни моя, ни чья бы то иная помощь.

— Как вы считаете, — настаивал Генри, — может тот же самый человек быть ответственным и за вторую смерть?

— Но это очевидно, разве нет? — сказала Труды. — А теперь прошу меня извинить. Мне пора завтракать, иначе я опоздаю на урок.

В дверях она задержалась и сказала:

— Извините, герр Тиббет, но я удивлена, что с таким блестящим детективом, как вы, дело все еще не раскрыто.

Выдав намеренное оскорбление, девушка вышла из комнаты.

Генри медленно и задумчиво спустился вниз и нашел Россати в его кабинете.

— Я хочу знать, синьор Россати, — сказал он, — что вы делали вчера вечером между четвертью шестого и без четверти шесть.

— Я? Это не секрет, синьор Тиббет. Я был здесь, писал кое-какие письма. Дверь была открыта, меня все должны были видеть.

— Кого вы подразумеваете под словом «все»?

— Синьора Джимми и двух молодых леди. И еще Книпферов.

— Где они находились?

— В баре, пили чай, — ответил владелец отеля. — Первыми вошли трое Книпферов... вскоре после четверти шестого. Затем, приблизительно в половине шестого, спустился синьор Джимми с двумя молодыми дамами. Они тоже вошли в бар.

— Спасибо, — поблагодарил Генри и отправился на поиски Анны, которая подтвердила, что подавала чай Книпферам и троим англичанам. Потом инспектор переговорил с герром Книпфером, который сидел с женой на террасе.

— Конечно, все так и было, — подтвердил тот. — Мы все шестером были в баре.

— Кто-нибудь выходил оттуда? — спросил Генри.

— Разумеется, нет. Мы все еще находились там, когда явился капитан Спецци и подверг нас обыску.

«Ну вот, кажется, и все», — подумал инспектор.

Он поднялся к себе, чтобы надеть анорак, и заметил на туалетном столике коробку шоколада, которую Пьетро принес для Марии Пиа. В суматохе предыдущего вечера он совсем забыл о ней.

Взяв коробку, он спустился на второй этаж и постучал в дверь баронессы.

— Смотрите, Генри, — приветствовала она его. — Я уже встаю.

Баронесса действительно больше не лежала в постели, а сидела в кресле у окна; ее закованная в гипс нога неуклюже торчала из-под оборок лимонно-желтого пеньюара.

— Я рада, что вы пришли меня навестить, — сказала она. — Герман отправился погулять, дети катаются на лыжах, а я из-за этого снегопада чувствую себя очень грустной и одинокой.

Тиббет выглянул из окна. Снег падал мелкими тусклыми хлопьями, и все вокруг казалось унылым и непривлекательным.

— Я кое-что принес, это должно вас взбодрить, — сказал Генри. — Подарок. — И протянул ей коробку шоколада.

— О, Генри, не стоило...

— Не от меня, к сожалению, — прервал ее инспектор. — Это от Пьетро. С добрыми пожеланиями и сочувствием от всей деревни. Он сам хотел вас навестить вчера, но ему не позволили.

— О, бедный Пьетро... Генри, я ужасная женщина, эгоистка. Я так обрадовалась тому, что с Франко сняты все подозрения... — Она с волнением посмотрела ему прямо в глаза. — Они ведь сняты, да? Почему его не выпускают?

— Скоро выпустят, — заверил Тиббет.

— Слава богу, — просто сказала баронесса. — Но это все равно меня не оправдывает. Я почти перестала думать о бедном Марио... о Розе и Марии, о Пьетро. А он вот передал мне подарок, и мне стыдно. Должно было бы быть наоборот. Ведь это он сейчас нуждается в сочувствии.

— Да, — согласился Генри. Пододвинув поближе стул, он сел рядом с ней. — Какая трагическая судьба у их семьи. Сначала Джулио, теперь Марио. Словно кто-то насыпает на них несчастья. Но я нередко замечал, что за некоторыми семьями — безо всякой видимой причины — несчастье как будто ходит по пятам.

— В данном случае причина, вероятно, есть, — сказала Мария Пиа.

— Что вы имеете в виду?

— У всех Веспы есть какая-то дикая жилка. Не у Розы, конечно, она — словно Мать-земля. Но мужчины в этой семье всегда были безумцами. Вы знаете, что отец Марио погиб в горах? Это местная легенда. Кажется, какие-то богатые придурки-англичане заключили с ним пари, что он не взберется на Альпийскую розу в кромешной тьме. На кону стояла довольно крупная сумма — то есть для него крупная — и ничто не смогло его остановить. Веспы добрался до вершины и оставил там свой ледоруб в качестве доказательства, а потом сорвался. Когда его нашли, он был еще жив, и единственное, что его интересовало, — это то, что он выиграл пари. «Перестань распускать сопли, — сказал отец Марио, которому тогда было лет пятнадцать, — иди и заberi деньги». А когда Марио вернулся от англичан с чеком, то сказал сыну: «Скажи им, что я предпочитаю золотые соверены», — и умер. Марио не раз рассказывал мне эту историю. В деревне говорят, никто из Веспы никогда не заканчивал жизнь в своей постели. Ну, можно сказать, что отец Марио закончил — но отнюдь не в общепринятом смысле.

— Интересно, а что стало с теми деньгами? — спросил Генри.

— О, сейчас они почти ничего не стоят, — ответила Мария Пиа. — Думаю, там было около сотни фунтов. Насколько я знаю Марио, он хранил их, как скупец, многие годы, а потом отдал сыновьям. Рискну предположить, что большая часть досталась Джулио.

— Похоже, Джулио был весьма богатым молодым человеком, — сказал Генри. — Как вы думаете, откуда у него были деньги?

— Ну... — Мария Пиа широко развела руками. — Вы же понимаете, как бывает в

таких деревнях. Все молодые инструкторы... — Внезапно она осеклась. — Герман идет.

Генри выглянул из окна и сквозь метель разглядел барона, поднимавшегося по тропе.

— Вам теперь лучше уйти, — сказала Мария Пиа. — Передайте Пьетро мою благодарность и соболезнования, скажите, что я его люблю... и еще дайте ему вот это...

На столике рядом с ней стояла большая ваза с красными розами. Баронесса вынула одну и вручила ее инспектору.

— Герман купил их для меня вчера в Монтелунге, — сказала она. — Одному богу известно, сколько они стоят. Я хотела бы все их отослать Розе и Пьетро, но не посмею. Возьмите хоть одну. И скажите, что я буду молиться за них.

— Все сделаю, — пообещал тронутый до глубины души Генри. Нетрудно было понять, почему люди любят Марию Пиа. — А пока я прощаюсь с вами. Скоро снова вас навещу.

— Да, пожалуйста, приходите. И если вы увидите Франко...

— Я передам ему все полагающиеся слова от вас, — серьезно пообещал Тиббет.

Он покинул комнату как раз вовремя, потому что, когда спустился в холл, барон был уже там. Генри, чувствуя себя персонажем французского фарса, поспешно спрятал розу в карман и пошел в сарай за лыжами.

Он медленно скользил сквозь вихрящийся снег, который валил все гуще, ухудшая видимость. Спустившись в деревню, Генри первым делом пошел в «Олимпию», полагая, что Эмми уже ждет его там. Однако, войдя, с удивлением увидел, что на часах над баром только без четверти двенадцать, — стало быть, спуск занял у него меньше часа. Поэтому, оставив лыжи на специальной подставке у входа в кафе, он направился к дому Веспи. Магазин не работал, все ставни были закрыты, группа замерзших репортеров слонялась вокруг под метелью, проклиная свою долю. Появление инспектора наконец предоставило этим несчастным созданиям повод хоть чем-то заняться, поэтому журналисты моментально окружили его. Тиббет с трудом протиснулся сквозь толпу, игнорируя все их мольбы сделать какое-нибудь заявление, и постучал в дверь.

Поначалу ответом ему была мертвая тишина. Генри отступил на шаг назад и, подняв голову, посмотрел вверх как раз вовремя, чтобы заметить маленькое бледное личико, выглядывавшее из-за кружевной занавески в одном из окон верхнего этажа. Вскоре после этого послышались шаркающие шаги, скрежет отодвигаемой щеколды, и дверь со скрипом приоткрылась, явив обладательницу личика — Марию, младшую дочь Розы.

— Что вы хотите? — шепотом спросила девушка.

— Мне очень неловко вас беспокоить, — ответил Генри, — но, боюсь, мне необходимо повидать вашу матушку.

— Входите, — сказала Мария и приоткрыла дверь еще на дюйм — ровно настолько, чтобы инспектор смог проскользнуть внутрь, — после чего захлопнула ее снова перед репортерами испытывавшими танталовы муки.

В магазине было темно, как в могиле. Пока Мария задвигала щеколду, Генри стоял, ожидая, когда глаза привыкнут к сумраку, потом последовал за ней по проходу между бочонками пасты и чечевицы, выстроившимися позади прилавка, в гостиную. Здесь ставни тоже были закрыты, но от двух оплывших свечей на каминной полке исходил дрожащий свет, отчего лицо Джулио на фотографии то исчезало, то появлялось вновь, словно в захудалом кинотеатре крутили пленку. Это придавало изображению тревожный эффект подобия жизни, и у Генри вдруг возникло ощущение, что юноша пристально за ним наблюдает. Но красивое лицо было по-прежнему загадочным, своих секретов оно не выдавало.

— Я скажу маме, что вы пришли. — И Мария убежала наверх.

С тяжелым сердцем Тиббет достал из кармана узелок с убогими пожитками Марио и розу — теперь немного потрепанную, — которую дала ему Мария Пиа. Спустя минуту на лестнице послышались медленные тяжелые шаги, и появилась Роза Веспи. Генри потрясли произошедшие в ней изменения. Веселое круглое лицо стало белым и осунувшимся, а черные глаза в тусклом свете были полны боли и отчаяния.

Голосом, который после шепота Марии показался пугающе резким, Роза спросила:

— Чего вы теперь хотите? Почему не оставите нас в покое?

— Прошу простить, синьора, — ответил Генри, — и принять мои глубочайшие соболезнования. Я принес вам это. От баронессы фон Вюртбург. Она просила передать, что молится за вас.

— Очень любезно с ее стороны, — произнесла Роза без малейшего выражения, взяла цветок и положила его на каминную полку.

— А также, — продолжил инспектор, — я хотел вернуть вам вот это.

Он положил на стол узелок из носового платка и развязал, продемонстрировав вдове его жалкое содержимое.

Роза мельком взглянула на кучку предметов.

— Значит, они все же решили его не грабить, да? Мы должны быть за это благодарны.

В ее голосе звучала горечь.

— Никто не собирался грабить его, синьора, — мягко возразил Генри. — Мы лишь надеялись, что среди принадлежностей Марио найдется что-нибудь, что поможет раскрыть убийство.

— Какое это теперь имеет значение? — безнадежно вздохнула Роза и тяжело опустилась на стул. — Он мертв. Какая разница, кто его убил?

Генри ничего не ответил на это, но поднес два ключа поближе к Розе так, чтобы она могла видеть их в мерцающем свете свечей.

— Синьора Веспи, — сказал он, — вы узнаете эти ключи?

Роза безразлично взглянула на них.

— Конечно. Это — ключ от магазина, а другой — от радио.

— От радио?

— Попробуйте сами, если хотите. Марио гордился этим радио и носил ключ от него с собой.

Инспектор прошел к радиоле, вставил маленький ключ в замочек и попробовал повернуть против часовой стрелки. Ничего не вышло. Тогда он повернул ключ по часовой стрелке, тот повернулся легко, но, когда Генри попытался поднять крышку, та не сдвинулась с места.

— Радиола не была заперта, — сказал он. — Я думал, Марио держал ее под замком.

— Может, и не заперта, — равнодушно согласилась Роза. — У Пьетро тоже есть ключ.

Генри снова отпер замочек и откинул крышку. В мерцании свечей показалась металлическая ручка и звукоснимающая головка. Он снова закрыл крышку и положил ключи на стол вместе с остальными пожитками Марио, а сам сел на стул напротив Розы.

— Синьора, — сказал он, — боюсь, я должен задать вам несколько вопросов. Я понимаю, как тяжело это для вас, но, уверен, вы так же, как и мы, хотите найти преступника.

По-прежнему безучастно вдова повторила:

— Какое это теперь имеет значение?

Но, по крайней мере, она не отказывалась отвечать, поэтому Генри продолжил:

— Прежде всего, вы не знаете, были ли у Марио враги?

— Враги? — Роза медленно подняла голову и посмотрела на инспектора. — Марио все любили. Все — вся деревня. Вы же это знаете, синьор.

— Да, — ответил Генри, — знаю. Но полиция считает, что ваш муж был застрелен, так как знал имя убийцы герра Хозера, и он собирался вчера вечером прийти ко мне и назвать это имя. Скажите, он хоть как-то намекал вам, кто это мог быть?

Роза начала тихо плакать.

— В последние дни муж был странным, — сказала она, — но ничего мне не говорил. Он изводился от тревоги, особенно когда арестовали синьора ди Санти. А вчера сказал мне: «Роза, теперь я знаю, что мне делать...»

Тиббет даже вздрогнул, узнав фразу из дневника Труди Книпфер: «Теперь я знаю, что мне делать...»

— Но имени он не называл?

— Нет, синьор, ни разу.

Роза стала разговорчивее, словно находила облегчение в том, чтобы облекать свою боль в слова.

— Но вчера... вчера после обеда он долго разговаривал с Пьетро, здесь. Я была на кухне и слышала их голоса. Потом муж пришел ко мне и именно тогда сказал это: «Теперь я знаю, что мне делать, Роза. Мне нужно сегодня вечером увидеться с синьором Тиббетом. Не жди меня к ужину». А потом поцеловал меня и ушел, и больше я его не видела, пока...

Ее голос сорвался на рыдания.

Генри мягко, но настойчиво продолжил:

— Значит, что-то, сказанное Пьетро, заставило его принять решение? Вы спрашивали сына, о чем они говорили?

Роза кивнула.

— Конечно... Я пришла сюда прямо из кухни. Пьетро стоял возле радио, смотрел в окно, и я видела, что сын расстроен. Он сказал, что Марио много говорил о герре Хозере, спрашивал о том, что происходило в день убийства. И еще он сказал: «Это из-за того что ты рассказала папе, что синьор Тиббет приходил сюда сегодня утром, ему пришла в голову эта безумная идея»... Видите ли, я за обедом рассказала Марио, что вы приходили ко мне. «Если папа что-то знает, — сказал Пьетро, — ему опасно идти в полицию». А я сказала: «Пьетро, ты должен его остановить. Если он знает что-то плохое, он должен забыть об этом и никому ничего не рассказывать, иначе с ним может случиться беда». И Пьетро попытался его уговорить, синьор, но было слишком поздно.

— Да, — согласился Генри, — слишком поздно.

— Пьетро, — повторяла Роза со слезами в голосе. — Сумасшедший Пьетро... сумасшедший Марио... сумасшедший Джулио... скоро я останусь совсем одна...

— Ну-ну, синьора, — попытался успокоить ее инспектор. — Вы пережили ужасные трагедии, но Пьетро еще...

— Он сумасшедший, синьор, сумасшедший — как и остальные. — Роза посмотрела на него. — Вы слышали, что он сделал?

— Нет, — ответил Генри.

— Сегодня утром... когда отец еще не похоронен... я услышала, как он очень рано спустился по лестнице, гораздо раньше, чем обычно. Я пошла за ним, просила его не делать этого, но он ответил, что должен. Это пари, сказал он. Я умоляла, но он сказал, что отец хотел бы, чтобы он поступил именно так, и дед тоже. Я не смогла его остановить, так что он это сделал.

— Сделал — что? — спросил Тиббет.

— Галли, синьор. — Теперь Роза говорила едва слышно. — Карло и остальные инструкторы... они заключили с Пьетро пари, что он не спустится с Галли сегодня утром, до начала занятий. А вчера вечером они пришли сюда и сказали, что пари отменяется. Но Пьетро не согласился, сказал: «Пари есть пари». Вот и отец Марио сказал то же самое, перед тем как умереть.

— Но Пьетро не умер.

— С ним будет то же самое, что и со всеми Веспи, — устало проговорила Роза. — Они не умирают в своей постели.

Генри был рад покинуть гнетущую трагическую атмосферу гостиной Розы Веспи и выйти на ярко-белую от снега улицу. Метель ослабла, видимость улучшилась. Генри направился на другой конец деревни в «Олимпию». С Эмми они встретились прямо на пороге.

— Вот это чувство времени, — бодро заметила она. — Я голодна как волк. Давай поедим.

— Я смотрю, ты прямо лопаешься от удовольствия. Раскопала что-то интересное?

— Все расскажу, когда закажем еду, — сохраняя интригу, ответила Эмми.

Они уселись за столик в углу и заказали зеленые тальятелле³³ — здешнее фирменное блюдо — и бутылку соаве³⁴. Когда официант удалился на кухню, Генри сказал:

— Ну, давай рассказывай!

— Учитывая, что у меня было всего два часа, — начала Эмми не без самодовольства, — полагаю, я неплохо справилась.

— Но что...

— Не торопи меня. Я хочу все рассказать по порядку.

— Ладно, только приступай уже.

— Так вот, начала я с того, что на станции расспросила про местные рестораны; оказалось, что из приличных там всего один. Туда я и направилась. Мне очень повезло: местная официантка запомнила их — отчасти потому, что они пришли довольно поздно для ленча, отчасти потому что Роджер спросил ее, где здесь лыжные магазины. Она думает, что ресторан они покинули около трех.

— Похоже на правду, — согласился Генри. — Полковник сказал, что в Имменфельд они приехали к двум.

— Там два лыжных магазина, — продолжила Эмми, — я проверила оба. Первый расположен по соседству с рестораном, поэтому я решила, что туда он обязательно заходил. И действительно, там его тоже запомнили. Сказали, что англичанин интересовался лыжными палками, но ничего не купил.

— Ты спросила у них про время?

— Разумеется, — ответила Эмми. — Они полагают, это было сразу после трех.

— Хорошо. Что ты сделала потом?

— Потом... — начала было она, но прервалась, так как официант принес дымящееся блюдо. Когда они от души наложили себе в тарелки вкуснейших ленточек тальятелле с маслом, Эмми с полным ртом продолжила свой рассказ: — После этого я проверила все магазины, расположенные на главной улице. Это не заняло много времени, местечко-то небольшое. Набор типичный — продуктовые магазинчики, спортивные и обычные туристские заведения, все как здесь.

Она немного поела молча, потом снова заговорила:

— Я выяснила, что Роджер заходил и в другой лыжный магазин — чтобы ему натерли лыжи, сказал, что забыл взять с собой мазь. Время там запомнили очень приблизительно, где-то в середине дня.

— Ну, скажем, этим он занимался до половины четвертого, может, чуть дольше. До отхода поезда остается еще почти час.

— Похоже, он купил еще сигареты — женщина в лавке определенно сказать не могла, но вроде бы смутно припомнила англичанина в синем анораке. Но есть еще один магазин, куда он заходил определенно, и там он купил... пари держу, ты не догадаешься — что.

— Сдаюсь, — нетерпеливо сказал Генри. — Продолжай.

— Так вот, там есть нечто среднее между магазином канцелярских товаров и хозяйственным, где продают также газеты, открытки, сувениры, карты и кое-какие книжки, — ну ты знаешь, тут возле церкви тоже есть такой.

Генри кивнул.

— Итак, он туда зашел, провел очень много времени, разглядывая открытки, книжки и прочее, и в конце концов купил одну книгу, девушка-продавщица запомнила, какую именно.

— Не говори, сам догадаюсь, — перебил ее Генри.

— Да! — победно воскликнула Эмми. — Это была «Cara Teresa» Ренато Лучиано!

После ленча инспектор сказал:

— Теперь я пойду в лыжную школу. Надо повидать Пьетро.

³³ Широкая лапша шириной 4—5 см, окрашенная приправами в разные цвета.

³⁴ Белое сухое вино производства «Кантина ди Соаве» (Италия, Венето, Соаве).

— Хочешь, чтобы я еще что-нибудь сделала для тебя? — спросила Эмми.

— Иди катайся на лыжах, — ответил Генри. — Увидимся в отеле за чаем.

В конторе лыжной школы, однако, его ждало разочарование. Погода с утра была настолько плохая, что Пьетро решил отменить занятия, назначенные на половину двенадцатого. Он вернулся со своими подопечными в «Белла Висту» на ранний ленч, имея в виду, что, если снег и туман рассеются, группа встанет на лыжи в два часа и будет долгое занятие. Звонок отель подтвердил, что так они и сделали.

Генри поинтересовался, с ними ли Роджер, но ему ответили, что они с Гердой уехали рано утром, прихватив сухой паек.

Расстроенный, он пошел по деревенской улице в полицейский участок. Там он нашел Спецци, весьма воодушевленного заключением экспертизы по пистолету.

— Это пистолет Хозера, никаких сомнений, — сообщил он. — По номеру удалось отследить, где пистолет был куплен. И обе пули выпущены из него. Разумеется, никаких отпечатков. Их и ожидать не следовало — в такую погоду все ходят в перчатках.

— Что ж, я рад, что это установлено. — И Генри, в свою очередь, рассказал капитану о том, что поведала ему Роза Веспи.

Спецци мгновенно заинтересовался.

— Вы преуспели больше, чем я, — с сожалением признал он. — Я заходил туда рано утром, когда тело бедного Марио только перевезли из морга домой. По этой причине, а также из-за того состояния, в котором пребывала Роза из-за выходки Пьетро, как вы догадываетесь, я не добился ничего кроме истерики. Я собирался вернуться туда днем, но вы уже сделали за меня эту работу. Значит, принять решение Марио заставило что-то, что сказал ему сын? Вы виделись с Пьетро?

— Пытался, — ответил Генри, — но до вечера не получится. Давайте поговорим с ним вместе, когда он вернется.

— С удовольствием, — согласился капитан. Он позвонил в контору лыжной школы и оставил сообщение для Пьетро, чтобы тот сразу по возвращении явился в полицейский участок.

Затем Тиббет поведал капитану об открытии, сделанном Эмми в Имменфельде, и это произвело на Спецци большое впечатление.

— Отличная работа, — прокомментировал он. — То, что вы об этом подумали, — просто вдохновение. Книга — важное вещественное доказательство.

— Возможно, — сказал Генри, — но меня в рассказе жены больше заинтересовало другое.

Капитан пристально посмотрел на него.

— А меня занимает книга. Этот ваш мистер Стейнз... он постоянно лжет. Но скоро мы выясним правду. И все же, несмотря ни на что, я уверен, что виновница — девушка. Должна быть.

— Вы еще не составили свою таблицу? Хронологию? — Генри очень хотелось сменить тему.

— Только что закончил. — Спецци указал на стопку отпечатанных на машинке листков, лежавших на столе. — Подождите, я добавлю информацию, которую вы мне только что сообщили.

Он взял авторучку и, быстро записывая что-то на экземпляре, находившемся сверху, спросил:

— Можете назвать точное время событий, о которых поведала вам синьора Веспи?

— Даже пытаться не буду, — ответил Генри. — Но если вспомнить, что Марио всегда после обеда садился на подъемник без четверти два, можно восстановить остальное.

Через несколько минут капитан вручил коллеге лист бумаги, который тот внимательно изучил.

9.00—9.30 Лыжники покидают «Белла Висту». Пассденделл и мисс Уиттакер под

руководством Пьетро упражняются на спуске номер один. Стейнз и полк. Бакфаст — на спуске номер три.

10.30 (прибл.) Стейнз и Бакфаст отправляются на Альпийскую розу, где к ним присоединяется фройляйн Герда.

12.30 Группа Пьетро возвращается в «Белла Висту» на ленч. Марио останавливает подъемник и едет на лыжах вниз.

12.45 (прибл.) Марио приезжает домой на обед.

12.55 Стейнз, Бакфаст и Герда прибывают в «Олимпию».

13.15—13.40 В этот промежуток времени Роза слышит, как разговаривают Марио и Пьетро.

13.40 Марио сообщает Розе, что намерен встретиться с инспектором Тиббетом, и уходит из дома.

13.45 Марио садится на подъемник. Роза разговаривает с Пьетро.

13.59 Стейнз, Бакфаст и Герда покидают «Олимпию».

14.00 Пьетро садится на подъемник, за ним — трое остальных.

14.25 Лыжники достигают верхней станции. Пьетро говорит с отцом; это слышит Стейнз, который рассказывает об их разговоре остальным.

14.30 Инспектор Тиббет садится на подъемник на нижней станции. Бакфаст возвращается в отель за очками.

14.40 Лыжники отправляются по маршруту номер три.

14.55 Инспектор Тиббет достигает верхней станции подъемника. Марио просит его встретиться с ним вечером после работы.

15.00 (прибл.) Трое лыжников отправляются на Альпийскую розу.

16.30 Барон фон Вюртбург на машине возвращается из Монтелунги и идет в «Олимпию». (N. В. Время, когда барон спустился на подъемнике и отбыл в Монтелунгу, неизвестно, но, поскольку ленч он ел в отеле, можно предположить, что уехал вскоре после 14.00)

16.35 (прибл.) Пьетро, Пассденделл и мисс Уиттакер садятся на подъемник в «Белла висте».

16.50 (прибл.) Стейнз, Герда и полковник прибывают в «Олимпию».

17.00 Пьетро и его класс прибывают в «Белла Висту».

17.20 Барон уходит из «Олимпии».

17.25 Остальные трое уходят из «Олимпии». Барон отъезжает на подъемнике.

17.30 Герда садится на подъемник, за ней полковник и Стейнз. Пьетро покидает «Белла Висту» и отправляется в деревню на лыжах.

17.32 Карло звонит Марио.

17.38 Марио садится на подъемник. Сын Карло приносит отцу кофе.

17.45 Пьетро прибывает в Санта-Кьяру и разговаривает с Карло.

17.50 Барон прибывает на верхнюю станцию подъемника.

17.55 Трое лыжников достигают верха.

18.03 Марио, застреленный, достигает нижней площадки подъемника.

Минут десять Генри провел в молчаливом и внимательном изучении документа. Наконец поднял голову и улыбнулся Спецци.

— Ах, эти ваши хронологические таблицы! — сказал он.

— Что вы имеете в виду?

— Из первой было совершенно ясно, кто убийца, — ответил Генри. — Но вот эта делает второе убийство абсолютно невозможным.

— Невозможным?

— Смотрите сами. Сразу видно, что никто из упомянутых в этой таблице людей не мог убить Марио. А никто другой и близко не подходил к месту преступления. Вы не думали, что это могло быть самоубийство?

— Вы шутите, друг мой, — откликнулся капитан со смешком, который не мог скрыть его замешательства.

— Да, шучу, — серьезно ответил Генри. — Но как бы мне хотелось, чтобы это было правдой.

— Однако, говоря, что второе убийство невозможно, вы...

— У всех безупречное алиби, — перебил его Тиббет. — На первый взгляд. Но поскольку Марио явно застрелен, в одном из этих алиби должна быть протечка, только вот разрази меня гром, если я ее вижу.

— Но те, кто ехали на подъемнике...

— Взгляните на свою хронологию, — сказал Генри. — Ваши люди нашли пистолет под пилоном на нижней половине пути. Если вы посмотрите на указания времени в своей таблице, то увидите, что никто из четверых ехавших наверх не мог встретиться с Марио, пока не перевалил на верхнюю половину. И как же кто-то из них мог выбросить оружие до того, как застрелил старика?

Спецци, глядя в таблицу, сказал:

— У нас нет неопровержимых доказательств, что они сели на подъемник именно в половине шестого.

— Вы пришли сообщить мне о смерти Марио в половине седьмого, — сказал Генри. — К тому времени, когда мы с вами спустились в холл — скажем, минуту спустя, — барон и Герда уже поднимались по лестнице, а Роджер и полковник стояли в холле. Всем им перед тем пришлось пешком пройти от подъемника до отеля и поставить лыжи в сарай. Чтобы встретиться с Марио до того, как они достигли половины пути, они должны были бы сесть на подъемник самое раннее в семнадцать сорок, а это значит, что никто не смог бы доехать до верхней площадки к половине седьмого.

Спецци мрачно поразмыслил, потом спросил:

— А что насчет остальных?

— Джимми и Каро были уже в отеле, — ответил Тиббет. — Так же как и троица Книпферов — я проверял, и Анна подтвердила: все они пили чай в баре. Пьетро уже приближался к основанию первого маршрута, когда Марио сел на подъемник. Россати писал письма у себя в кабинете — он видел тех, кто сидел в баре, а они видели его.

— Про миссис Бакфаст ничего не известно, — вдруг вспомнил капитан.

— Знаю, — согласился Генри, — но она, конечно же, находилась в отеле. Я это еще проверю. Но в целом я абсолютно не сомневаюсь, что решил загадку, несмотря на то, что второе убийство меня озадачило. А первое — совершенно очевидно.

— Первое очевидно? — потрясенно повторил Спецци. — Что вы имеете в виду?

— Я вам объясню, — сказал Генри. — У вас есть при себе первая хронологическая таблица и протоколы допросов? Отлично. Если вы их внимательно сравните, то поймете, что все должно было произойти вот как...

Глава 18

Только два часа спустя Спецци наконец встал из-за стола, закурил и сказал:

— Да. Да, конечно. Теперь все ясно. Я должен был сам до этого додуматься. Но что же теперь делать? И потом Марио... Как убили Марио?

— Именно этот вопрос я задаю себе весь день, — ответил Генри. — А насчет того, что делать... Вчера я сказал вам, что наша единственная надежда — это подsunуть убийце достаточно длинный конец веревки. Мы это сделали, но, думаю, следует пойти дальше. Я предлагаю освободить ди Санти, снять все ограничения — за исключением, разумеется,

запрета покидать Санта-Кьяру — и ждать развития событий.

— Может, когда мы поговорим с Пьетро... — с надеждой предположил капитан.

— Очень сомневаюсь, что мы узнаем от него что-либо, что нам и так не было бы известно, — возразил Генри.

— Если бы только у нас было твердое доказательство первого убийства... — посетовал Спецци.

— Если бы, — повторил Тиббет. — Однако теперь, когда Марио мертв, предполагаю, что у нас его никогда не будет — достоверного доказательства. Но вы согласны с моими умозаключениями?

Спецци кивнул.

— У меня нет выбора.

— Есть еще кое-что, что я, с вашего разрешения, хотел бы сделать, — добавил Генри.

Он коротко изложил свой план, и Спецци сказал:

— Конечно, Энрико. Все, что вам угодно.

— Ничего иного, кроме как ждать, я не вижу. Ждать и принимать меры предосторожности.

— Вы правы, — согласился Спецци. — Но выяснить, как произошло второе убийство, — это проблема. Интересно, удастся ли нам ее решить?

— Мне тоже интересно, — ответил инспектор.

Спустя несколько минут раздался стук в дверь, и в кабинет вошел молодой карабинер, ведя очень встревоженного Пьетро. Напряженное лицо инструктора немного расслабилось, лишь когда он увидел Генри.

— В чем дело, Энрико? — спросил он. — В лыжной школе мне сказали, чтобы я явился в полицейский участок...

— Простите, что пришлось вызвать вас сюда, — сказал тот, — но мы никак не могли вас найти. Просто нам необходимо задать вам несколько вопросов; вероятно, это поможет выяснить, кто убил вашего отца.

Пьетро явно испытал облегчение, взял у Спецци предложенную сигарету и сел.

— Вы будете задавать вопросы, капитан, или я? — спросил Генри.

— Вы, пожалуйста. Но по-итальянски, — добавил капитан с улыбкой.

Послали за стенографом, в ожидании его Генри разглядывал Пьетро. Смерть отца оставила на нем глубокий отпечаток. Молодой человек казался сейчас старше, чем прежде, в выражении его лица появились решительность и целеустремленность, словно бы изменившие саму его индивидуальность.

Когда все было готово, инспектор приступил к допросу.

— Сегодня утром я виделся с вашей матушкой, Пьетро. От нее я узнал, что между вашим отцом и вами вчера после обеда состоялся разговор, в результате которого Марио окончательно решил прийти ко мне и что-то рассказать. Естественно, нас интересует, о чем шла речь.

Пьетро нахмурился.

— То, что сказала вам мама, правда. Но с тех пор я все время прокручиваю в голове тот разговор и не могу понять, что же такое я ему сообщил.

— Тогда просто перескажите то, о чем говорили.

— Я не помню наш разговор дословно, — сказал Пьетро, — но отец расспрашивал меня обо всем, что было за чаем в «Олимпии» в тот день, когда застрелили Хозера. Он хотел знать, что говорили люди, когда кто приходил и уходил. Спрашивал про Россати и барона; тоже — когда пришли, что делали.

— Он знал, что Хозер носил в портфеле пистолет?

— Да. Мы все это знали. Фриц показывал его нам забавы ради.

— Отец задавал вам какие-нибудь другие вопросы?

— Нет. Только насчет того вечера.

— Больше ничего?

— Нет, это все.

— И вы не догадываетесь, какая кроха информации оказалась ему полезной?

— Абсолютно. После того как я закончил, он немного подумал и сказал: «Да, теперь все ясно. Сегодня я увижусь с синьором Тиббетом и скажу ему, кто убил Фрица».

— А вы пытались его отговорить. Почему?

Пьетро пожал плечами.

— Кто бы ни убил Хозера, он мог убить снова... Я не хотел, чтобы мой отец ввязывался в подобное дело, поэтому сказал: «Предоставь это полиции. Прав ты или нет, всем станет известно, что ты предоставил информацию, и ты можешь подвергнуть себя опасности».

— Вы не верили, что мы можем его защитить? — спросил Генри.

Пьетро посмотрел на него.

— Вы не смогли его защитить. Его убили. И все же, — тихо добавил он, — в конце концов это моя вина.

— Ваша вина?

— Да, — сказал Пьетро — Я сделал глупость. Мама умоляла меня отговорить отца встречаться с вами, и я пытался, когда приехал к нему наверх на подъемнике. Но нас подслушали — и вот он убит. Если бы я мог отомстить убийце... — Он замолчал, не закончив фразы.

— Откуда вы знаете, что вас подслушали?

— Я не заметил, что синьор Роджер находился прямо у меня за спиной. Когда я отвернулся от отца, тот стоял рядом и должен был все слышать, а он прекрасно владеет итальянским. Прошу понять меня правильно, — поспешно добавил Пьетро, — я его не обвиняю. Просто он наверняка рассказал другим о том, что узнал.

Генри поразмыслил над этим с минуту, потом сказал:

— Меня интересует еще один разговор. Тот, что состоялся между вашим отцом и Хозером в день первого убийства.

Пьетро насторожился.

— Ах, тот. Ничего особенного.

— Мне все же хотелось бы знать, что именно было сказано, — настаивал инспектор.

Пьетро немного подумал, потом сказал:

— Фриц Хозер очень любил моего брата Джулио. Он пришел, чтобы выразить нам соболезнования по поводу его смерти, и говорил в основном о нем.

— Понимаю, — кивнул Генри. — Кстати, насколько я знаю, вы первым обнаружили Джулио. Можете рассказать нам об этом?

Пьетро как будто удивился, но ответил:

— Да что тут рассказывать? Я ехал по его следу — было еще достаточно светло, лыжня была хорошо видна, и она привела меня на край расселины. Там я его и увидел.

— Как вы думаете, почему он сорвался?

— Точно этого уже никто не узнает, — ответил Пьетро, — но у меня есть догадка. Это очень коварный склон, со скрытыми расселинами, их не видно, когда подъезжаешь сверху. Когда спуск открыт, трасса ясно обозначена, но Джулио поехал тогда, когда вех не было. И оказался слишком близко к обрыву. Заметив опасность, он, скорее всего, попытался свернуть, но на пути оказался пень с разветвленными корнями, скрытый под снегом. Должно быть, он наткнулся на него, лыжа отскочила в сторону, и прежде чем он успел восстановить равновесие...

— Итак, вы его увидели. Вы к нему спустились?

Слабая печальная улыбка появилась на лице Пьетро.

— Вы, я вижу, разговаривали с членами поисковой группы... Да, я спустился к нему. Не мог же я оставить его там без...

Молодой человек запнулся, потом продолжил:

— Он был мертв, бедный Джулио. Тогда я поехал в Имменфельд, чтобы вызвать

спасателей. Когда они прибыли со своими фонарями, то увидели, что я уже побывал внизу, но пообещали никому об этом не рассказывать. Ради мамы. Это было безрассудством, и она страшно расстроилась бы. Она всегда расстраивалась из-за подобных поступков — моего отца, брата, моих. Нам нравилось рисковать, но мама не должна была знать об этом.

— Пьетро, — неожиданно спросил Генри, — Джулио вез в Австрию контрабанду по поручению Фрица Хозера, когда погиб?

В глазах молодого человека вспыхнул неподдельный страх.

— Нет, нет, — сказал он. — Нет, брат бы никогда не стал этого делать.

— Насколько я знаю, у него всегда были деньги.

— Энрико, он был очень востребованным инструктором.

— Более востребованным, чем все остальные? Чем вы?

— Да, конечно. Он был чудом. И таким красавцем. Все эти американки...

— Послушайте, — перебил его Генри, — мне прекрасно известно, что не было никаких американок. Джулио зарабатывал деньги по-другому, и вы должны были об этом знать.

— Нет-нет, Энрико. Вы глубоко заблуждаетесь.

— Увидим, — строго заключил Тиббет. — Ладно, сейчас вы можете идти.

Вернувшись в отель, Генри нашел Россати, ожидавшего его в холле с печальным видом.

— Увы, синьор Тиббет, боюсь, у меня плохие новости...

У Генри упало сердце.

— Что?! — выкрикнул он.

— Бедная синьора Тиббет... так жаль... так жаль...

— Эмми! — Генри похолодел. — Что с ней?

— Несчастный случай, синьор... Говорят, это был несчастный случай...

Но инспектор уже не слушал его, он несся по лестнице, перескакивая через две ступеньки, потом по коридору, словно за ним гналась тысяча демонов. Облегчение при виде Эмми, лежащей в постели и спокойно читающей книгу, было так велико, что он расхохотался.

— Ты находишь это забавным? — обиженно спросила она. — Могу тебя заверить, мне чертовски больно.

— Прости, дорогая. Я смеюсь над собой, потому что ударился в страшную панику, думал, с тобой произошло... нечто более серьезное.

— Разве Россати не рассказал тебе?

— Да я его и не дослушал. — Генри подошел к кровати и нежно поцеловал жену. — Расскажи сама.

— Ах, это была такая глупость, — сказала та. — Мы спускались по третьему маршруту, а это оказалось не так просто из-за нападавшего снега. В общем, я сделала поворот на слишком большой скорости, свалилась и подвернула чертову щиколотку.

Она подняла правую ногу, демонстрируя распухшую и перебинтованную щиколотку.

— Видел бы ты эту картину: одна лыжа у меня отстегнулась и с рекордной скоростью помчалась вниз сама по себе, человек десять французов — за ней вдогонку, а я рухнула на острое ребро другой лыжи и на обе палки. Мой задний фасад теперь напоминает те решетчатые платформы возле пилонов подъемника, а болит еще сильнее, чем щиколотка.

— Бедная девочка, — посочувствовал Генри. — Как же ты добралась до отеля?

— В карете «скорой помощи», — не без самодовольства сообщила Эмми.

— В чем?

— Это то, что они называют салазками и на чем доставляют вниз травмированных лыжников, — объяснила она. — Надо признать, у них тут все прекрасно организовано. Меня закутали в одеяла и привязали — я ощущала себя египетской мумией. А затем меня на фантастической скорости спустили с горы головой вперед. Это было захватывающе.

— Звучит ужасно, — сказал Генри.

— Ничего подобного, честно, — возразила Эмми. — Они такие умелые, эти люди, и

мне ничуть не было страшно. Мы сразу поехали к доктору, который оказался ангелом. Он зафиксировал мою лодыжку и отвез меня к подъемнику на своей машине, а Беппи встретил наверху и принес прямо сюда, как маленький чемоданчик с повседневными принадлежностями. Он невероятно сильный.

— Что сказал врач? — спросил Генри. — Это серьезно?

— Да нет, ерунда. Просто растяжение связок. Но покататься на лыжах в этом году мне уже не удастся, и это меня страшно огорчает.

— Какое невезение, дорогая. Ты должна оставаться в постели?

— Господи, конечно, нет, — бодро ответила Эмми. — Сегодня же собираюсь спуститься на ужин. Я умею очаровательно скакать, опираясь на лыжные палки.

Новость о травме миссис Тиббет быстро распространилась по отелю, и вскоре комната заполнилась сочувствующими. Джимми принес бутылку бренди и колоду карт, чтобы взбодрить инвалида. Выяснилось, что они с Каро — энтузиасты бриджа. Генри с сожалением отказался быть четвертым, сославшись на то, что у него еще много работы, но припомнил замечание миссис Бакфаст во время ее сенсационной беседы со Спецци и предложил ангажировать ее. Оставив довольную четверку игроков, поглощенную весьма сомнительным малым шлемом, который опрометчиво объявил Джимми («Всего десять очков, партнерша, но я подумал — чем черт не шутит»), — весело заметил он, обращаясь к недовольной миссис Бакфаст и выкладывая карты), Тиббет отправился на поиски Роджера.

Он нашел его в его номере, тот передевался.

— Садитесь, старина, — гостеприимно сказал он. — Я очень огорчился, услышав про Эмми. Как она?

— Спасибо, с ней все в порядке, — ответил Генри и добавил: — Боюсь, Роджер, что это не светский визит. Вам придется кое-что объяснить, и лучше сделать это немедленно.

— О? — Стейнз моментально перестал завязывать галстук и повернулся лицом к Генри. — Даже так? Ну и что вы хотите, чтобы я объяснил?

— Помимо прочего, вот это, — сказал инспектор, взяв с прикроватной тумбочки книгу «Cara Teresa» в бумажной обложке.

— Об этом я вам уже говорил.

— Боюсь, старое объяснение не пройдет. Нам известно, что эту книжку вы купили в Имменфельде. К несчастью для вас, продавщица все запомнила.

После довольно долгой паузы Роджер сказал:

— Понятно. Вы все тщательно проверяете, да?

— Это дело об убийстве, — ответил Генри. — И еще кое-что. Думаю, я обязан вас предупредить: Каро могут арестовать в любую минуту по обвинению в фальсификации — без вашего ведома и согласия — инкриминируемого вам документа. Вы от ее имени устроили отличный блеф вчера, но, боюсь, Спецци собирается его разоблачить. Я не должен был вам этого говорить, но случайно узнал, что он намерен произвести арест завтра утром. Так что, если у вас есть что нам сообщить, чтобы помочь ей...

Роджер побелел как полотно, с минуту смотрел на инспектора, потом сказал:

— Хорошо. Вы победили. Расскажу вам правду.

— Вы обещаете это уже третий раз, — любезно напомнил Генри. — Надеюсь, не ждете, что это произведет на меня очень уж сильное впечатление?

— Но на сей раз это действительно будет правда, — сказал Стейнз с оттенком отчаяния. — Вы не можете обвинить Каро в том, что она состряпала эту записку без моего ведома и согласия, потому что я сам попросил ее это сделать.

— Ценю ваш рыцарский порыв, — откликнулся Тиббет, — но вы, конечно, не ждете, что капитан поверит вам просто так.

— Это правда, говорю вам. Однажды вечером мы играли в дурацкую игру, пытаюсь копировать почерк друг друга. Я вырвал для нее листок из своего ежедневника, и когда она спросила, что ей писать, я по какой-то необъяснимой причине продиктовал эти слова. Подсознательно, полагаю, — мысли о «Нэнси Мод» не шли у меня из головы. А потом

бумажка попала к Хозеру.

Генри покачал головой.

— В этом не больше смысла, чем воды в решете. Почему именно эти слова? Как записка попала к Хозеру? Зачем вы нам сказали, что он начал вас шантажировать, как только вы приехали? Попробуйте еще раз. Вам не удастся вытащить Каро из беды с помощью подобных измышлений.

Роджер сверкнул на него глазами, но ничего не сказал, а инспектор продолжил:

— Может, вам будет легче, если я расскажу, что случилось на самом деле. А вы поправите меня, если что-то окажется не так.

Снова наступило молчание. Выражение лица молодого человека стало мрачным и опасным. Тем не менее Генри продолжил:

— Я как-то уже говорил вам, Роджер, что ваша беда — чрезмерное хитроумие. Никакой простой план вас не устраивает, в том числе обычная ложь. У вас отличный быстрый ум, который мог бы быть чрезвычайно полезным, если бы вы направили его на что-нибудь стоящее. Вы же только и делаете, что изобретаете замысловатые схемы, которые обычно рушатся под тяжестью собственной изощренности.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, — едва ворочая языком, вставил Стейнз.

— Объясню. Записка, которая попала к Хозеру, была, разумеется, подлинной. Он был слишком опытным манипулятором, чтобы пользоваться подделкой. Что бы ни решил римский суд, в первую же минуту знакомства я понял, что вы именно тот человек, который с удовольствием поучаствовал бы в относительно безопасной контрабанде, особенно если это можно сочетать с катанием на небольшой яхте. В то же время, думаю, о том, что Донати украл «Нэнси Мод», вы сказали правду.

Роджер открыл было рот, чтобы что-то произнести, но передумал и закрыл.

— Вы, конечно, намеревались совершить путешествие сами и наняли Донати и остальных в качестве команды, потому что одному вам было бы не под силу загрузить и разгрузить яхту. Вы написали Донати записку на листке, вырванном из вашего именного еженедельника — кстати, вы каждый год пользуетесь одинаковыми еженедельниками, не так ли?

Нехотя молодой человек признал:

— Мой букмекер присылает их на каждое Рождество.

— Но, — продолжил Генри, — Донати перехитрил вас. Он не только отчалил раньше времени, надеясь продать груз и присвоить всю выручку, но также использовал вашу записку, чтобы обезопасить себя, если вы предпримете какие-нибудь действия.

— Тогда почему он не предъявил ее в суде? — вспыхнул Роджер.

Генри догадался, что это был момент, который чрезвычайно беспокоил Стейнза.

— Потому что, — ответил Тиббет с улыбкой, — к тому времени записки у него уже не было. Хозер забрал ее еще до суда. Именно Хозер был его настоящим боссом, а вас намеренно заманили в сеть. Видите ли, убитый любил, чтобы его подельники были полностью у него под каблуком. И он понял: раз вы охотно согласились нелегально возить часы и сигареты, то, вполне вероятно, пойдете и дальше, к наркотикам.

— Наркотикам? — переспросил Роджер. Теперь он выглядел искренне потрясенным.

— Конечно, — сказал Генри. — Это был его настоящий бизнес. А тут вы — оправданный по делу «Нэнси Мод», но, словно наскипидаренный, горящий желанием еще раз рискнуть. И Хозер с помощью Россати в прошлом году заманил вас сюда.

Стейнз беспомощно кивнул.

— Россати прислал мне проспект отеля, приложив к нему письмо, в котором говорилось, что они установили специальные цены для привлечения английских туристов. Те цены, которые он указывал, были смехотворно низкими, а поскольку я безумно люблю горные лыжи, но стеснен в средствах... — Он сделал паузу. — Но почему Хозер ждал так долго после дела «Нэнси Мод», чтобы связаться со мной?

— По двум причинам, — объяснил Тиббет. — Во-первых, чтобы затих интерес к тому

делу, и во-вторых, потому, что он думал, будто здесь у него уже есть надежный исполнитель. Но в прошлом году у него зародились сомнения. И тогда Хозер вспомнил о вас. Следующий эпизод вы описали нам вполне достоверно. Все было оговорено. Вы несказанно радовались. Вам было велено приехать сюда снова на следующий год, а прикрытием служила респектабельная компания англичан. А когда Хозер предъявил записку, это стало для вас неприятным сюрпризом.

Генри вопросительно посмотрел на Роджера, ожидая подтверждения, но тот хранил угрюмое молчание, поэтому Тиббет продолжил:

— Большинство людей на вашем месте удовлетворились бы кражей записки. Но ваш не в меру хитроумный мозг выработал схему позаковыристей. Вы решили поменяться с Хозером ролями. Для этого вы уговорили Каро сделать фальшивую копию записки на страничке из вашего еженедельника и подменили оригинал. В сущности, вы сделали то, в чем сами обвиняли Хозера, — только наоборот. Потом вы бы спровоцировали его обнаружить записку. Ничто не могло доставить вам большего удовольствия, чем предъявление этой бумажки полиции. Она являла собой очевидную фальшивку, и Хозер попал бы впросак. Разумеется, вы рисковали тем, что руку Каро идентифицируют, но это было маловероятно. Чудовищным невезением оказалось то, что вы забыли о надписи, которую мисс Уиттакер сделала на обороте вашей багажной описи. Я вам еще не наскучил?

— Продолжайте, — сказал Роджер.

— Ваш план провалился, так как вы недооценили Хозера. Он был для вас слишком умен. Заметив подделку и обратив внимание на оброненное Каро в баре замечание о ваших «играх с карандашом и бумагой», он сложил оба факта. Не особо рискуя ошибиться, Хозер предположил, что Каро сделала это для вас. Таким образом, он мог теперь еще более надежно прижать вас, когда понадобится. Во время того знаменательного чаепития, о котором вы нам поведали, думаю, он пригрозил вам представить в полицию фальшивую записку вместе с образцом почерка Каро. В конце концов, ему не составило бы труда завладеть книгой регистраций отеля. Когда Герда увидела вас выходящим из комнаты Хозера, вы наверняка предприняли последнюю лихорадочную попытку найти подделку и уничтожить ее. Записку вы не нашли, но... пистолет лежал на столе.

— Я его не брал! — закричал Роджер.

— Возможно, не брали — тогда. Но у вас возникла идея. И на следующий день, увидев багаж Хозера в «Олимпии»...

— Неправда! — вскрикнул Стейнз. — Ладно, все остальное признаю, но пистолета я не брал! Я не убивал его!

— Но вы согласитесь, не правда ли, — мягко сказал Генри, — что у вас не то что не отсутствовал, а напротив, был самый сильный из всех возможных мотивов. Единственный, полагаю, какой может довести человека, подобного вам, до насилия: безопасность Каро.

— О господи! — Роджер тяжело опустился на кровать. — Говорю вам, я не брал пистолета... Что вы хотите, чтобы я сделал теперь?

— Хочу, чтобы вы написали заявление, — быстро сказал Генри, — с признанием... всего, в чем вы готовы признаться. Остальное можно добавить потом.

— Но... Каро? — Было очевидно, до какой степени Стейнз расстроен. — Что будет с ней?

— Вы сказали мне, — вкрадчиво произнес Генри, — что играли в игру, когда попросили ее написать ту записку, и что девушка не знала, зачем вам эта записка нужна. Если вы упомянете это в своем заявлении, это снимет с нее всякую вину. Конечно, в таком признании есть очевидные неудобства для вас самого, но...

— Я сейчас же все напишу. — Роджер встал, внезапно сделавшись спокойным и решительным. — И на сей раз это действительно будет правдой.

— Очень на это надеюсь, — без особого оптимизма ответил Генри.

Оставив молодого человека бешено строчащим, он пошел в бар.

В холле его поджидала Герда. На ней были облегающие черные брюки и белая

хлопчатобумажная блузка, что делало девушку похожей на черно-белую фотографию.

— Герр Тиббет, — сказала она. — Я хочу попросить вас о помощи.

— Чем могу служить?

— Я оказалась в очень трудном положении, — спокойно продолжила Герда. — Мне хорошо известно, что капитан Спецци считает меня убийцей. Это не так. Но, герр Тиббет, мне нужно уехать из «Белла Висты». Барон меня уволил, как вы знаете, с уведомлением в одну неделю. Я не могу позволить себе жить в отеле, не имея работы. Мне нечем платить. Я должна вернуться в Германию и найти другую работу. Но капитан Спецци не позволит мне уехать.

— Вы его спрашивали?

— Звонила сегодня. Он решительно отказал.

— Понятно. — Генри задумался. — Да, ситуация сложная. Я скажу вам, что бы сделал на вашем месте. Я бы поговорил с бароном. Мне кажется, по справедливости он должен согласиться оплатить ваш счет за тот период, пока вы остаетесь здесь не по своей воле.

Герда нетерпеливо вздохнула.

— Это не главное, герр Тиббет. Я должна найти другую работу. Мне необходимо уехать отсюда.

— Очень сожалею, но не вижу, чем я еще могу вам помочь. Я согласен с капитаном — до окончания расследования мы никому не можем позволить уехать, особенно в другую страну.

Герда посмотрела на него в упор.

— Значит, вы мне не поможете? Что ж... Придется самой позаботиться о себе, как сумею.

Она резко развернулась, быстро пересекла холл и стала подниматься по лестнице.

Единственными посетителями бара были Книпферы, пившие пиво в своем углу, и полковник Бакфаст, сидевший у стойки с виски с содовой. Он тепло приветствовал Генри.

— Я начинаю чувствовать себя здесь лишним, — признался он. — Жена играет в карты с вашей женой... Сочувствую вам в связи с несчастным случаем... Хотелось бы думать, что ничего серьезного.

Генри заверил его, что Эмми на пути к выздоровлению, и полковник пробормотал что-то насчет того, как он рад, потом громко откашлялся и наконец сказал:

— Надеюсь, вы не обижаетесь... ну, за британского консула и прочее... я должен был как-то защищаться, знаете ли... Выпейте со мной.

— Спасибо, — принял его приглашение Генри. — Мне мартини, пожалуйста, чистый, без джина.

— Чудные все же напитки у этих итальянцев, — заметил полковник. — Анна, мартини! Терпеть их не могу. А что до виски... так этот «подлинный» скотч произведен в Неаполе, если вы меня спросите.

Пока Анна наливала инспектору мартини, в разговоре наступило затишье, потом полковник продолжил:

— Вы слышали про молодого Пьетро?

— А что с ним?

— Галли. Первое, что он сделал сегодня утром. Потрясающе. Я сам видел след от его лыж, когда катался утром, до снегопада, иначе ни за что бы не поверил. Снимаю шляпу. Потрясающе. Я бы взял его в команду.

Удостоив Пьетро высшей известной ему похвалы, полковник вернулся к своему виски.

— Он сделал это на спор, насколько я понимаю? — спросил Генри.

— Да. Карло мне рассказывал. Он и другие местные это видели. Вся деревня об этом говорит.

— А вы сами когда-нибудь там съезжали?

— Много лет назад, — ответил полковник. — Честно признаться, для меня это слишком крутой спуск. Старость, наверное. Скорость — это, конечно, прекрасно, но она

может превратиться в одержимость.

— Мне очень-очень далеко до того, чтобы начинать об этом беспокоиться, — с улыбкой ответил Генри.

— Вот взять молодого Стейнза... Он помешан на скорости. Хочет каждый спуск превратить в гонки. Заявил, что может спуститься по первому маршруту за семь минут. Я не верю. Знаете, он измеряет свою скорость секундомером, — понизив голос, сообщил полковник; можно было подумать, что он обвиняет Роджера в некоем не поддающемся описанию извращении.

— А какое ваше лучшее время? — спросил инспектор.

— Для первого маршрута? Все зависит от условий. Десять или одиннадцать минут, полагаю, если ехать действительно быстро. При плохой видимости, конечно, гораздо больше — наверное, минут двадцать с лишком.

— У меня при идеальных условиях на это уходит час, — сокрушенно признался Генри.

— Не огорчайтесь, — по-доброму успокоил его полковник. — В конце концов, это же ваш первый сезон. Еще наберете.

Он окинул инспектора критическим взглядом и добавил:

— У вас крепкие ноги.

— Спасибо, — сказал Генри, истолковав это как комплимент.

Через некоторое время в бар явились Роджер и Каро, которые дали знак инспектору, что хотят поговорить с ним. Они втроем уселись за дальний стол, и Роджер передал Тиббету несколько плотно исписанных листов бумаги.

— Вот, — сказал он. — Подписано и скреплено печатью. Каро я это уже показал.

— Хорошо, — ответил Генри. Он бегло просмотрел рукопись и положил в карман.

— Ну, — обратился он к Каро, — и почему вы мне раньше об этом не рассказали? Глупышка... Но теперь вам не о чем беспокоиться.

— Мне — нет. Зато Роджеру есть о чем беспокоиться.

— Главное, что следует помнить, — наставительно произнес Тиббет, — всегда нужно говорить правду, особенно если речь идет об убийстве. Надеюсь, ни один из вас больше не совершит такой глупости.

— Но Генри, — озабоченно сказала Каро, — что будет с Родж...

Инспектор предупреждающе поднял руку.

— Больше ни слова об этом сегодня вечером, — сказал он. — Контора закрыта, официальный прием окончен. Предлагаю всем выпить.

Глава 19

Казалось, что следующие два дня — пятница и суббота — не кончатся никогда. Какое-то время Генри провел со Спецци, обсуждая план предстоящей кампании. Внешне все выглядело безмятежно; итальянская пресса выдала лишь несколько едких комментариев в адрес полиции, до сих пор не добившейся особого прогресса в расследовании.

В ту пятницу Франко ди Санти выпустили из тюрьмы. Он не вернулся в «Белла Висту», но, не имея разрешения покидать Санта-Кьяру, снял комнату в небольшом деревенском пансионе. Держался скульптор обособленно, на лыжах катался в одиночестве.

Генри снова присоединился к своей группе в пятницу днем и обнаружил, что за время его отсутствия они ушли далеко вперед, — теперь все, иногда успешно, выполняли поворот на параллельных лыжах. Он поделился наблюдением с Каро, когда они в ожидании своей очереди стояли вдвоем на верху склона. Девушка вместо ответа сказала:

— Генри, я очень беспокоюсь из-за заявления Роджера.

— Знаю, — кивнул инспектор.

— Видите ли, — призналась она, — там не совсем правда. Я...

— И это мне тоже известно, — перебил ее Генри и, не позволив продолжить, оттолкнулся палками и заскользил вниз по склону.

В пятницу вечером Тиббет выполнил данное капитану обещание и расспросил миссис Бакфаст о том, где та была в момент убийства Марио. Дама холодно ответила, что, как инспектору хорошо известно, до половины пятого она находилась на террасе, пока не стало холодно. После этого поднялась к себе и стала писать открытки.

Генри еще раз поговорил с Россати. Владелец отеля снова подтвердил, что холл постоянно находился в поле его зрения с четверти шестого и далее.

— Никто не входил и не выходил через парадную дверь, — сказал он. — Я бы увидел. А синьора Бакфаст спустилась вниз гораздо позже.

— Вход в лыжный сарай вам наверняка также был хорошо виден, — предположил Тиббет. — Существует ли еще какой-нибудь выход из отеля?

— Только через кухню, — ответил Россати, — но там все время находились Беппи и Анна.

Погода улучшалась, приближаясь к идиллической. В субботу официально открыли Галли, но трассой воспользовались только самые отважные лыжники. Генри наблюдал, как несколько инструкторов неслись по расселине, и восхищался невероятной скоростью, которую они развивали. Снежная пыль летела из-под лыж, словно инверсионный след самолета. В субботу днем Спецци отменил свой запрет на Имменфельдский спуск. Однако лыжная школа выпустила предупреждение о том, что спуском пока пользоваться нельзя, поскольку они не успели разметить трассу, а последний этап маршрута представляет собой опасность. Еще одним событием того дня — по-своему значительным — было первое успешное исполнение Генри Тиббетом разворота на параллельных лыжах.

Несмотря на личный спортивный триумф, Генри никак не удавалось заснуть той ночью. Он был доволен действенностью своей тактики, но его очень тревожило, что, подойдя к рубежу окончательного решения дела, он все еще блуждал в темноте. Не в смысле личности убийцы — в том, что знает его имя, инспектор был теперь уверен, — а в смысле способа действий. Снова и снова в его голове прокручивался калейдоскоп фактов и соображений, в которых — Тиббет не сомневался — был спрятан ключ к решению загадки... Обрывки разговоров, хронологические таблицы Спецци, сам капитан с его снисходительной улыбкой, елейная подобострастность Россати, утонченные черты лица Пьетро, чистосердечный взрыв откровенности Роджера и слезы Каро; грубоватая сердечность полковника и постоянно дурное настроение его жены; Мария Пиа, трогательная в своей простодушной безнравственности; барон с его суровым, уязвленным чувством справедливости; Джимми, судя по всему, ужасно обеспокоенный и совершенно невиновный; Книпферы: лицо матери, залитое внезапным потоком неудержимых слез, отец — мрачный и негнибемый, Труды — себе на уме, с ее секретным дневником и потаенными мыслями; Роза Веспи, объятая горем, и незнакомый Джулио...

В половине третьего Генри встал и долго пил воду. Потом сказал себе: «Ложись и спи. Ты сделал все что мог. Завтра... посмотрим, что случится завтра...»

Он снова забрался в постель, нечаянно толкнув при этом Эмми, которая что-то пробормотала во сне. Бедная Эмми... надо же было так покалечиться... дорогая Эмми... Он стал проваливаться в беспокойный сон.

Когда Генри резко вскинулся ото сна, жена сидела в кровати и читала, солнечный свет лился в окно.

— А, вынырнул наконец, — улыбнулась она. — Ты так крепко спал, что я не решилась тебя будить.

— Который час? — спросил Генри.

— Почти десять.

— Господи! — Он сел в постели. — Зачем ты позволила мне так долго спать?

— А это имеет какое-то значение? — лениво произнесла Эмми. — Сегодня же воскресенье.

— Конечно, имеет! У меня дел по горло.

Генри выпрыгнул из кровати, откинув пуховое одеяло, и Эмми посетовала:

— Эй, осторожнее! Ты забываешь о моем вывихе.

Внезапно Тиббет застыл, словно громом пораженный, — невыразительная фигура с седеющей головой, в сине-белой полосатой пижаме. Потом хлопнул себя по лбу и закричал:

— Понял!

— Понял — что? — в замешательстве спросила Эмми.

— Ты мне сейчас подсказала! Ты — мой обожаемый мудрый ангел! Как же я сам этого не увидел?.. Вообще не заметил. Подожди минутку, дай подумать. — Он начал мерить шагами комнату. — Да. Это возможно. Очень возможно.

Внезапно остановившись, Генри попросил:

— Скажи-ка мне кое-что.

И задал вопрос, который очень удивил Эмми.

— Да, полагаю, что так, — ответила она. — В то утро. Но какое это имеет отношение к делу?

— Мне нужно одеваться! — закричал Генри и стал вихрем носиться по комнате, собирая белье, лыжные брюки, рубашку, свитер, носки со скоростью крупье, сгребаящего фишки. На то, чтобы надеть лыжные ботинки, казалось, ушел целый час, но наконец он был готов.

— Дорогой, — беспомощно сказала Эмми, — я не понимаю. Ты должен мне объяснить...

— Позже, — ответил он. — Сейчас я не могу задерживаться.

Он скатился по лестнице и бросился к подъемнику. Там схватил телефонную трубку, позвонил Карло, задал ему два вопроса и получил именно те ответы, каких ожидал. Потом помчался обратно в отель и в холле едва не сбил с ног миссис Бакфаст.

— Торопитесь, мистер Тиббет? — язвительно-холодно спросила она.

— Да, — ответил он. — Где все?

— На лыжах, полагаю, — хмыкнув, ответила она. — Тут воскресенье ничем не отличается от прочих дней. Кроме того, разумеется, что сегодня нет занятий в лыжной школе.

Она величественно проплыла мимо него на террасу. В этот момент с улицы вошел Джимми, его брюки были в снегу, на щеках играл здоровый румянец.

— Привет лежебокам, — сказал он. — Почему вы не там? Я выехал, еще девяти не было, и отлично покатался на первом маршруте, а теперь, думаю, заслужил кружку грога.

— Где все остальные? — требовательно спросил инспектор.

— Каро еще не встала, Книпферов я не видел, все остальные без особого удовольствия отправились в Имменфельд.

— Что вы имеете в виду?

— Это довольно забавно, — объяснил Джимми. — Роджер, Герда и полковник сказали за завтраком, что на сегодня берут тайм-аут. Но только что на подъемнике, я их видел. Думаю, они прятались у себя в комнатах — наверное, ждали, пока все остальные уйдут подальше, чтобы выйти тайком и отправиться кататься своей компанией, — а тут все неожиданно встретились, и оказалось, что каждый направляется в Имменфельд. Пьетро тоже был наверху и собирался туда же. Полковник посмотрел на них, словно видел впервые, подумал и сказал: «Так-так. Значит, передумали? Похоже, мы все направляемся в Имменфельд. Так почему бы нам не объединиться?»

— И они объединились? — отрывисто спросил Генри.

— Пьетро сказал, что после снегопада спуск опасен и вряд ли его откроют. Ему-то официально поручили испытать трассу, но им туда ездить не стоит. Но они горели желанием, так что в конце концов все отправились вместе. Просто умора.

— Это все что угодно, только не умора, — возразил Генри. — Это смертельная опасность.

— Боже милостивый, как драматично, — удивился Джимми. — Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду убийство, — очень серьезно ответил инспектор. — Как давно они ушли?

— Да вот только что.

— Что ж, кому-то придется отправиться вдогонку, причем немедленно, черт возьми! — воскликнул Тиббет. — О господи, да ведь в отеле не осталось ни одного горнолыжника!

— Беппи, — вспомнил Джимми.

Генри бесцеремонно ворвался в кабинет Россати, однако был огорошен вежливо-сокрушенным сообщением о том, что у Беппи сегодня выходной и он отправился в Монтелунгу навестить родственников. Джимми, который все еще не был склонен серьезно относиться к сложившейся ситуации, принялся строить легкомысленные предположения, но инспектор оборвал молодого человека с такой горячностью, что тот замолк, пристыженный. В отчаянии Генри обратился к Россати:

— Но должен же быть кто-то, кто умеет кататься на лыжах! Говорю вам, в той группе находится убийца, и все остальные — в смертельной опасности. Я очень сомневаюсь, что они живыми доберутся до Имменфельда.

Длинная узкая тень упала на стол. Генри поднял голову и увидел стоявшего в дверях барона.

— Я пришел за счетом, — сообщил он, — и случайно услышал то ваши слова. Вам нужен лыжник?

— Отчаянно, — взмолился Генри.

— Я поеду, — ровным голосом предложил барон.

— Но у вас нет лыж... и это опасный спуск, которого вы не знаете...

Барон холодно взглянул на инспектора.

— Естественно, у меня есть лыжи, — сказал он. — Просто я пока ими не пользовался. И, возможно, вам будет интересно узнать, что я был чемпионом Австрии по горным лыжам двенадцать лет тому назад. Имменфельдский спуск я знаю отлично. Говорите, что я должен сделать.

Пока барон надевал лыжи, Генри максимально коротко изложил ему ситуацию.

— Объяснять подробней нет времени, — беспомощно закончил он. — Вам придется просто поверить мне на слово.

Барон не выразил ни малейшего сомнения, только сказал в своей рубленой неприятной манере:

— Понимаю. Итак, Спецци в Имменфельде. Полагаю, вы присоединитесь к нему. Если к тому времени я еще не достигну деревни, садитесь на подъемник, а потом карабкайтесь вверх насколько сможете.

Он повернулся к Джимми.

— Нельзя терять времени. Не окажете ли вы мне любезность попрощаться за меня с женой?

— Конечно, — ответил тот едва ли не шепотом.

— Они стартовали минут десять назад, — сказал барон. — Группой они не смогут ехать так же быстро, как отдельный лыжник, так что я поднимусь быстрее и наверняка их перехвачу. Надеюсь успеть.

Он коротко кивнул Тиббету.

— Увидимся в Имменфельде, инспектор, — и с этими словами ушел.

Позднее, когда историю героического рейда в Имменфельд передавали из уст в уста, никому не пришло в голову отдать должное проявленным Генри Тиббетом выдающимся отваге и силе духа, которые требуются от лыжника его класса, чтобы преодолеть спуск в Санта-Кьяру за четырнадцать минут. Между тем это был в своем роде подвиг. Генри хорошо понимал, что десять минут, сэкономленные благодаря тому, что он съедет вниз на лыжах, а

не на подъемнике, могли оказаться решающими, так что выбора не было. Он позвонил в полицейский участок Санта-Кьяры, распорядился, чтобы самая быстроходная машина с лучшим водителем ждала у подножья лыжной трассы, а также продиктовал сообщение, которое надлежало немедленно передать капитану Спецци, разыскав того по телефону в Имменфельде. После этого встал на лыжи.

Впоследствии инспектор не мог восстановить в памяти подробности того лихорадочного спуска. Осталось лишь смутное впечатление о бешеной неконтролируемой скорости, безумном полете вниз по опасным склонам и смазанных лицах других лыжников, с ужасом наблюдавших, как мимо них со свистом пронесется сумасшедший, судя по всему, тип, неумело размахивавший палками. Он часто падал, неуклюже, но быстро вскакивал и, не давая себе возможности перевести дух, снова бросался вперед. Бормоча под нос правила, которым его обучили: «Наклон наружу... центр тяжести на опорную ногу... согнуть колени...», Генри срезал углы скольжением на крыло, устремляясь на длинные обледеневшие, почти отвесные участки спуска, падал на полпути и проделывал остальной отрезок болезненным скольжением на пятой точке. После всего этого безумия, длившегося, казалось, целую вечность, он наконец увидел впереди финальный, пологий склон, пролетел его, словно ветер, и в последний раз мешком свалился, прямо возле ожидавшей его полицейской машины. Поднявшись на ноги, он поймал себя на том, что дрожит как осиновый лист и колени у него ватные. Единственное, что он смог сделать, это отстегнуться. Молодой полицейский закрепил его лыжи и палки на крыше автомобиля рядом со своими, и машина рванула вперед.

По пути Генри получил от водителя общее описание сложностей Имменфельдского спуска. Тот начинался с широкого крутого и ухабистого снежного поля, которое было видно даже от «Белла Висты», — очень скоростного, но не чрезмерно трудного для опытного лыжника. Поле заканчивалось в небольшой высокогорной долине, откуда следовало вскарабкаться к вершине следующего хребта. Далее — очень сложный боковой откос, потом относительно легкий открытый склон, который вскоре уходил под сень леса, по нему вились коварные лесные тропы — узкие и крутые, с U-образными разворотами. Затем — снова подъем на вершину хребта, маркирующего австрийскую границу, откуда начинался последний отрезок трассы. Поначалу он хоть и крутой, но открытый, а вот там, где снова начинались деревья, лыжников подстерегали по-настоящему опасные ловушки. Глубокие скалистые расселины прорезают здесь горный склон, и особенно важно следовать строго по размеченной вешками трассе, чтобы не сорваться, поскольку заметить ущелье можно, только оказавшись на краю обрыва. Джулио стал не единственной жертвой такой расселины.

Склон настолько крутой, рассказывал водитель, что очень просто утратить контроль над собственным скольжением, вот почему маршрут открыт для лыжников только при самых благоприятных погодных условиях. Этот опасный отрезок составляет примерно два километра. После него лес становится гуще, и трасса, хоть опасная и требующая большого мастерства, ясно обозначена, так что преодолевать ее легче. Есть там и другая, более прямая и крутая тропа, по которой можно пройти через лес наверх. А в конце трасса выходит на просторные пологие склоны, разрешенные даже для катания детей. Их обслуживает подъемник, который подвозит лыжников от Имменфельда до той высоты, где начинается лес.

Пока водитель все это объяснял инспектору, машина во весь опор неслась по опасным заснеженным дорогам, цепи на задних колесах лязгали и гремели, соприкасаясь со скользкой поверхностью. Появилось предупреждение о близости границы, и длинный красно-белый полосатый шлагбаум бесшумно поднялся, пропуская автомобиль. Последний участок пути тянулся по узкой неогороженной горной дороге, серпантин уходил вниз, до самой деревни Имменфельд. Когда машина, накрываясь и скользя, делала очередной разворот, Генри закрывал глаза, а открывая их снова, видел счастливую улыбку на лице водителя.

— Классная дорога, правда? — сказал молодой карабинер, и он не шутил.

— Довольно узкая, — еле слышно ответил инспектор.

— Ее скоро собираются расширить. Так мне сказали.

— Счастлив слышать.

— Для автобусов, как вы понимаете. Частным автомобилям и грузовикам хоть бы что, а автобусам сложновато на поворотах.

Эту порцию информации Генри проглотил молча, без дальнейших комментариев по поводу ширины дороги.

Ровно через тридцать пять минут после отъезда инспектора из «Белла Висты» машина, выпустив фонтан снега из-под колес, остановилась перед полицейским участком Имменфельда. У дверей в ожидании стоял австрийский полицейский.

— Мы связались с капитаном Спецци несколько минут назад, — сообщил тот. — Он уже направляется к подъемнику.

Еще через две минуты Генри, Спецци и водитель стояли во главе очереди на подъемник — к неудовольствию имменфельдских спортсменов. Никогда еще не казалось, что подъемник ползет так медленно, но на самом деле они достигли верхней станции всего через десять минут, взвалили на плечи лыжи и начали пеший подъем через лес.

Водитель назвал эту тропу крутой. Генри с горькой иронией подумал, что более подходящим определением для нее было бы «вертикальная». Там и сям попадались подобия ступенек, вырубленные для облегчения подъема, но они обледенели и даже для человека в лыжных ботинках были весьма ненадежны. Генри гордился тем, что поддерживал хорошую физическую форму: он круглый год регулярно играл в сквош и не терял навыков в крикете, но рядом с этими выросшими в горах итальянцами чувствовал себя восьмидесятилетним стариком, страдающим ожирением. Задыхаясь, он старался не отставать. Лыжи с каждым шагом казались тяжелее и больно впивались в плечо. Весь мир сузился до этой петляющей тропы. Вперед и вперед, выше и выше. Генри карабкался, изо всех сил напрягая мускулы, каждый из которых вопил о пощаде, дыхание было шумным и прерывистым, в горле пересохло, ноги налились свинцом. И в тот момент, когда он почувствовал, что без передышки не сможет больше сделать ни шагу, лес вдруг стал редеть; Спецци, шедший впереди, остановился и крикнул: «Вон они!»

Тиббет, пытаясь, вскарабкался еще на несколько метров выше и присоединился к своим спутникам; с минуту они стояли, прячась в тени деревьев и глядя наверх. Меж разрозненных темных стволов пихт сверкал снежный простор, паривший в воздухе до самой головокружительной вершины горного кряжа. И на этом белом фоне выделялись четыре маленькие фигурки. Они находились слишком далеко, чтобы понять, кто из них кто, все казалось черными муравьями на склоне горы, и у Генри в голове пронеслась мысль: должно быть, Пьетро решил не надевать сегодня свой обычный красный анорак. Четверо лыжников на большой скорости скользили вниз, прокладывая четкие извилистые следы на нетронутом снегу.

— Надеть лыжи, — скомандовал Спецци. — Без них бесполезно карабкаться вверх по мягкому снегу. У вас есть камусы?³⁵ — обратился он к инспектору.

— Нет.

— Тогда мы пойдем вперед. А вы старайтесь по возможности держаться за нами, не отставая.

Генри судорожно завозился, пристегивая лыжи. Не успел он надеть первую, как капитан с карабинером уже двинулись вверх по склону, карабкаясь с поразительной быстротой: щетинки жесткого меха на скользящей поверхности их лыж надежно цеплялись за снег. Инспектор защелкнул крепление на другой лыже и двинулся за ними.

Высоко вверху четверо лыжников один за другим, словно паря, стремились вниз изящными змейками, оставляя за собой веера снега. Потом Генри заметил, что ведущий

³⁵ Специальная подкладка на скользящую поверхность лыжи для того, чтобы лыжа не проскальзывала при подъеме.

лыжник делает знаки остальным, взмахивая лыжными палками, — похоже, он предостерегал их от внезапно возникшей опасности. Все четверо сделали резкий поворот влево и увеличили скорость. В этот самый момент на гребне склона появилась пятая фигура. На миг задержавшись наверху, человек пустился вниз, грациозно пересекая склон быстрыми широкими виражами. Мало-помалу преследователь приближался к четверке. Теперь он был уже совсем близко, и Генри услышал крик, повторявшийся снова и снова:

— *Achtung!*³⁶ Стойте! Стойте!

И вдруг, безо всякого предупреждения, лыжник, ехавший первым, сделал крутой разворот вправо.

— *Achtung!*

Трое остальных наконец тоже услышали крик, развернулись на всей скорости и остановились, всколыхнув фонтаны снега. Но лидирующий лыжник лишь увеличил скорость. Теперь это была погоня последнего за первым — охотника за дичью. В этот миг Специ и карабинер выскочили из-под деревьев на открытое пространство. Убегавший лыжник увидел их и молниеносно развернулся. Его преследователь сделал такой же разворот. Генри, с трудом карабкавшийся вверх по склону, услышал голос — тонкий вопль, донесшийся сквозь ветер:

— Я это сделаю!

Он остановился как вкопанный в тени деревьев и с ужасом наблюдал за происходящим. Преследователь сокращал расстояние до своей добычи. Но первый лыжник еще увеличил скорость, подгоняемый нечеловеческой силой отчаяния, и расстояние между ними снова увеличилось. Один за другим они прочерчивали свой зигзагообразный путь на белом склоне горы, рисуя на нем мрачный узор смерти и безнадежности с точностью и грацией балетных танцоров, исполняющих последний акт драмы зла на неуместно-прекрасном фоне сверкающего снега и слепящего солнечного света. Лишь горные вершины, бесстрастные и неумолимые, словно фурии мщениия, соответствовали высокому и ужасному духу этой гонки, ставкой в которой была сама жизнь.

Медленно, но неотвратно охотник снова достигал свою добычу. Когда они почти сравнялись, тот, что ехал первым, вдруг, без всякой подготовки, совершил эффектный поворот в прыжке, полностью изменив направление и устремившись под укрытие густого леса в стороне от трассы, ведущей в Имменфельд. Преследователь, застигнутый врасплох, попытался направиться за ним, но потерял равновесие и упал. Секунду-другую не было видно ничего, кроме беспомощного размахивания палками, между тем как торжествующая добыча стрелой летела к лесу. Второй лыжник снова вскочил на ноги, но, судя по всему, шанс перехватить преследуемого был упущен.

Именно в этот момент Генри и остальные наблюдатели увидели то, что будет всплывать у них в памяти до конца жизни. Преследующий, перестав катиться по следу своей добычи, полетел по опасному склону вниз, будто черная шаровая молния. Душераздирающий треск раздался в момент столкновения, и все сплелось воедино — лыжи, палки и тела. Катясь по склону, мужчины, казалось, продолжали бороться, а потом оба вмиг исчезли.

Специ остановился. Генри, дотащившись до него, встал рядом. Заметив, что трое лыжников, все это время неподвижно следивших за погоней, начали медленно спускаться, капитан отрывисто скомандовал карабинеру:

— Велите им оставаться на месте!

— Пойдемте, — обратился он к инспектору и повел его к месту, где исчезли те двое. Следуя позади него, Генри увидел, что Специ снова остановился и смотрит куда-то вниз.

— Осторожно! — предупредил капитан.

Тиббет робко подошел ближе и оцепенел от ужаса: то, что издали представлялось

³⁶ Внимание! (нем.)

длинным сугробом нанесенного снега, на самом деле оказалось краем глубокой расселины, открывавшейся прямо у его ног.

— Барон? — спросил он.

— Боюсь, что да, — ответил Спецци.

Генри опасливо шагнул вперед, встал рядом с капитаном и заглянул вниз. На дне расселины в пятидесяти футах под ними лежали два тела, изломанные и неподвижные. Высокая худая фигура барона — орлиным лицом вниз, а рядом, на спине, в гротескно вывернутой позе, но каким-то чудом с совершенно не поврежденным лицом — Пьетро Веспери.

Тень легла на снег рядом с капитаном. Генри поднял голову и увидел Герду. Спецци тоже повернулся к ней и на сей раз, похоже, не рассердился, что его приказ нарушен. Тихим голосом он сказал:

— Фройляйн, сможете ли вы когда-нибудь простить меня за подозрения?

Герда не ответила, и Генри увидел, что она плачет.

— Фройляйн... — начал было Спецци, но Герда очень мягко перебила его:

— Со мной все в порядке, герр капитан. Это слезы счастья.

Генри развернулся и начал медленно спускаться к Имменфельду.

Глава 20

Когда Генри наконец добрался в тот вечер из Имменфельда до «Белла Висты», его встречала мрачно-сдержанная компания. Книпферов не было видно, и Герда находилась при Марии Пиа, но все остальные собрались в баре. Эмми, естественно, забрасывали вопросами, ответить она могла лишь одно:

— Мне известно не больше, чем вам, если не считать того, что Генри уже сегодня утром знал правду о Пьетро. Придется подождать его возвращения.

— Не могу поверить, — без конца повторял Роджер. — Пьетро — последний, на кого я мог бы подумать! Неужели он действительно хотел нас убить?..

— В этом нет никаких сомнений, — угрюмо заявил полковник. — Он ведь сказал нам, что нужно съехать с трассы и что, если мы будем держаться левее, то прямо, как *Schuss*³⁷, выедем на лесную дорогу.

— И мы ему, разумеется, поверили, — подхватил Роджер. — В конце концов, до того мы ездили по этой трассе всего один раз, и погодные условия тогда были совсем другими. Мы бы влетели прямо в расселину, остановиться на краю не удалось бы. Собственно говоря, мы были уже почти на краю, когда барон окликнул нас...

— Стыдно вспомнить, что мы говорили о бароне, — добавил Джимми. — Я чувствую себя подлецом...

— Но Пьетро... — сказала Каро в беспомощном замешательстве. — Эмми, как это может быть, чтобы Пьетро...

Разговор продолжался, возвращаясь по кругу к одному и тому же.

Когда вошел Генри, наступила мертвая тишина. Все были потрясены тем, каким утомленным и постаревшим он выглядел. Инспектор подошел к столу, за которым все сидели, поцеловал Эмми и выдвинул стул для себя.

— Я бы выпил виски, — устало выдохнул он.

Все мужчины разом вскочили на ноги, и Джимми опередил Роджера на одну секунду у

³⁷ Выстрел, полет снаряда (нем.).

самой барной стойки. Генри с благодарностью выпил и сказал:

— Полагаю, вы жаждете разъяснений. Думаю, вы их заслужили.

Он окинул взглядом сидевших за столом и поинтересовался:

— А где Герда?

Эмми ответила, он согласно кивнул, после чего приступил к повествованию:

— Эту историю трудно рассказать, хотя на самом деле она чрезвычайно проста. Наверное, вы хотите, чтобы я обратился к началу?

Все хором подтвердили свое желание, и инспектор продолжил:

— Ключом ко всему, конечно, были личность и род занятий Фрица Хозера. Рискну предположить, что к настоящему времени всем известно: львиную долю своих прибылей он получал от контрабанды наркотиков.

Все кивнули, а миссис Бакфаст густо покраснела — быть может, впервые в жизни.

— Хозер, — продолжил Генри, — вел необременительную и безбедную жизнь в Берлине, потом в Риме. Он был квалифицированным врачом и пользовался своей медицинской практикой как прикрытием. Главным же его занятием, приносящим доход, было снабжение кокаином сомнительных личностей, имевших больше денег, чем разума. И только когда его обнаружившаяся связь с делом Карони сделала это занятие слишком опасным, он решил переключиться на контрабанду. Родился и вырос он в этой долине, ему ли было не знать, как идеально она расположена для переброски через границу контрабанды: зимой — на лыжах, летом — с помощью альпинистов. Первое, что он сделал, — установил полный контроль над этим отелем, внедрив сюда в качестве управляющего человека, находившегося в его власти. Тут он устроил себе штаб-квартиру. Поначалу, думаю, он рассматривал только возможность переправлять наркотики через австрийскую границу — там у него была масса клиентов, ведь он когда-то практиковал в Вене. Отдыхающие были здесь не более чем камуфляжем. Потом Хозеру пришла в голову идея использовать некоторых туристов в качестве курьеров, чтобы доставлять эту дрянь в Англию. Но в это нам сейчас незачем углубляться: к счастью, эта часть операции закончилась без особого успеха.

Стараясь не пересекаться с виноватыми взглядами Роджера и миссис Бакфаст, инспектор продолжил:

— Для осуществления австрийской операции ему требовались услуги первоклассных лыжников и альпинистов. По временам жизни в Санта-Кьяре, он знал, что семейство Веспи может предоставить ему человека, обладающего необходимыми умениями, хладнокровием и беспринципностью. Должно быть, он пришел в восторг, выяснив, что оба молодых человека, Джулио и Пьетро, унаследовали от деда не только безрассудную храбрость, но и алчность, — качества, которые он мог с легкостью эксплуатировать. Одержимость богатством, видимо, передалась через поколение, ведь в Марио ее не было и в помине. Так или иначе, Хозер выбрал Джулио — старшего брата и более опытного лыжника. С самого начала я был уверен, что смерть Джулио играет чрезвычайно важную роль в этой драме. Разумеется, все в деревне знали, чем он зарабатывает деньги, — контрабанда как таковая в здешних местах рассматривается как своего рода спорт, а не преступление. Но я ни минуты не сомневаюсь — местные жители даже не подозревали, насколько отвратительна торговля, в которой тот замешан.

— Но что вызвало у вас подозрения с самого начала? — не удержался от вопроса Джимми. — В конце концов, каждый лыжник может стать жертвой несчастного случая.

— В рассказах о его смерти меня все время смущала маленькая неувязка, — ответил Генри и посмотрел на Роджера. — Думаю, вы догадываетесь, о чем я.

Роджер кивнул.

— Лыжные палки.

— Именно, — подтвердил инспектор. — Одну палку выбило у Джулио из рук, когда он падал, и она, очевидно, сама собой съехала вниз и утонула в сугробе. Это вполне объяснимо. Но нам сказали, что ни одну из палок так и не нашли. Помимо того, что кожаная петля прикрепляет палку к запястью так, что ее трудно потерять, естественно, что, падая подобным

образом и стараясь спастись, человек машинально цепляется за лыжные палки как за соломинку. Палки должны были упасть вместе с Джулио, а стало быть, кто-нибудь их бы нашел. Когда я услышал, что Пьетро первым обнаружил тело брата, я понял, что нашел их он — нашел и спрятал.

— Зачем? — спросила Каро.

— Именно этот вопрос задал себе и я. Ответ оказался прост. Лыжные палки внутри полые, и в каждую из них можно спрятать приличное количество кокаина. Простой и надежный способ. Джулио спускался в Имменфельд, шел в один из лыжных магазинов и менял свои палки на другую пару такой же конструкции — с отвинчивающейся под кожаным ремешком верхушкой. Получал плату и возвращался в Санта-Кьяру за следующей партией.

— Вы вычислили человека из лыжного магазина? — спросил Роджер.

— Да, — коротко ответил Генри. — Ваши поиски оказались чрезвычайно полезны. Они подсказали мне, в какой магазин обращаться.

— Это тот коротышка с крысиной мордочкой? — спросил Роджер. — Он перепугался до чертиков, когда я спросил его, принимают ли они заказы на особые палки. Но я не понимаю, чем это могло вам помочь.

— Эмми провела расследование в обоих магазинах, — ответил Генри. — И хозяин одного из них честно признал, что вы интересовались лыжными палками. А вот тот, что с крысиной мордочкой, сказал, будто вы заходили, чтобы смазать лыжи. Мне это показалось неправдоподобным. Я знаю, что вы всегда носите мазь в кармане анорака. И даже если бы вы свою забыли, у полковника Бакфаста мазь наверняка имелась. Кстати, а зачем вам это было нужно? Небольшое неофициальное расследование?

Роджер почувствовал неловкость.

— Я, как вы знаете, попал в весьма затруднительное положение и подумал: если удастся раздобыть улики против Хозера... — Он запнулся, потом закончил: — Я не думал, что это может причинить какой-то вред.

— Расскажите же нам о Пьетро, — поспешила сменить тему Каро.

— Пьетро был гораздо более жесток, чем Джулио, и безумно завидовал богатству брата. Мне бы хотелось думать, что он спустился в расселину, искренне желая помочь Джулио, но, увидев сломанные палки и их содержимое, все понял. И тогда, как я уже сказал, он забрал палки и спрятал. Теперь в его распоряжении было солидное количество кокаина, и он твердо вознамерился получить за него сполна. Единственным препятствием было то, что он не знал, как сбыть порошок. Джулио хватало ума держать в строгом секрете подробности своих путешествий. Поэтому Пьетро решил связаться с Хозером и сделаться преемником Джулио. По правде говоря, думаю, ему и беспокоиться не пришлось. По моим соображениям, Хозер сам пришел к нему с этим предложением. Конечно, именно смерть Джулио заставила Хозера изменить свои планы и задержаться в Санта-Кьяре. Он хотел до отъезда найти нового курьера, и Пьетро был самым очевидным кандидатом.

— Тогда зачем, господи помилуй, Пьетро убил его? — проскрипел полковник.

— И как? — подхватил Джимми. — В тот вечер Пьетро был с нами в «Олимпии» и остался там после нашего ухода.

— И что насчет пистолета? — добавила Каро.

Генри обвел их грустным взглядом и сказал:

— Вы все неправильно поняли. Пьетро не убивал Хозера.

— Вы хотите сказать... кто-то другой... — начал было Роджер и осекся. В баре повисла тревожная тишина, которую наконец прервал Генри.

— В убийстве Хозера меня больше всего поразило то, что, если бы его застрелил кто-то из находившихся тогда на подъемнике, это было бы результатом неправдоподобной, фантастической случайности. Видит бог, у многих из вас был мотив, и это усложняло дело. Не буду вдаваться в детали, но минимум пять человек, ехавших тем вечером на подъемнике, были бы счастливы увидеть Хозера мертвым. Тем не менее это не отменяет того факта, что

ни один из вас не мог знать, что Хозер поедет вниз именно тогда, когда вы будете подниматься. Как справедливо заметила Герда, все вообще считали, что он уже покинул отель, причем гораздо раньше. Единственными находившимися в отеле людьми, которые точно знали, что он поедет вниз в это время, были Книпферы, Россати и миссис Бакфаст.

— Не хотите ли вы сказать?.. — взвилась миссис Бакфаст.

Инспектор предупреждающе поднял руку.

— Я сказал «единственными находившимися в отеле». Но было еще два человека. Барон и Марио.

— А они откуда могли знать? — спросил Джимми.

— Барон договорился встретиться с Хозером здесь, если ему удастся вовремя вернуться, — он ехал из Инсбрука на машине. Хозер согласился отложить свой отъезд из отеля и ждать до последнего.

— Понятно, — сказал Джимми. — А Марио?

— Хозер обедал у Веспы в день убийства, — объяснил Генри. — Он также поболтал с Марио утром о своих планах. Разумно предположить, что Марио знал, когда Хозер собирается воспользоваться подъемником.

— Но ни один из перечисленных людей не мог этого сделать, — сказал Джимми, озабоченно хмурясь. — Барон тогда только еще приехал в деревню. Книпферы находились в отеле, как и миссис Бакфаст...

— Первый вывод, к которому я пришел, заключался в том, что Хозер был застрелен не на подъемнике. Его посадили в кресло уже мертвым. Нашлась и небольшая улика, подтверждающая мою точку зрения. Герда упомянула, что Хозер раскачивался в кресле, но страховочная перекладина не позволяла ему выпасть. Однако, по словам Россати, Хозер настолько привык ездить на подъемнике, что не опускал страховочную перекладину. Стало быть, кто-то позаботился о том, чтобы тело надежно держалось в кресле.

— Вы хотите сказать, Хозера застрелили до того, как он покинул отель? — предположила Каро голосом, исполненным ужаса.

— Я рассматривал такую возможность, — сказал инспектор, — но ее пришлось отбросить. Фройляйн Книпфер и посыльный Беппи видели, как Хозер выходил из отеля. Было бы чересчур подозревать их в сговоре. Нет, Хозера застрелили на верхней площадке подъемника.

— Значит, это должен был быть... Марио? — с благоговейным ужасом произнес Джимми.

— Да, — подтвердил Генри. — Мысль о том, что убил Марио, пришла мне в голову давно. Единственное, что требовалось, — это неопровержимое доказательство и ясность, касающаяся мотива.

— Боже милостивый, — хрипло прошептал полковник. — Марио!..

— Но послушайте, — сказал Роджер. — Марио был стариком, сильно хромал. Вы хотите сказать, что он застрелил Хозера, сумел дотащить тело до подъемника и погрузить его вдвигающееся кресло?..

— А кресло не двигалось, — возразил Генри. — Если помните, подъемник сломался. И именно этот факт дал мне требуемое доказательство.

— Не понимаю, — усомнился Джимми.

Генри достал из кармана лист бумаги.

— Вот, — сказал он, — хронологическая таблица, составленная капитаном Спецци, в которой зафиксировано все, происходившее тем вечером. Вместе с тем, что отметил в своих показаниях полковник Бакфаст, она неопровержимо доказывает, что Марио лгал.

— ...что я отметил в своих показаниях? — краснея, повторил полковник.

— Да, — ответил инспектор. — Вы ведь сказали, что подъемник сломался, когда вы его еще ждали.

— Так и было, — подтвердил Джимми. — И я мог вам сказать то же самое. Это случилось сразу после того, как мы купили билеты.

Генри сверился с бумагой.

— Было пять минут седьмого, когда мы все ушли из «Олимпии», — сказал он. — Даже если допустить, что до подъемника мы тащились десять минут — а это слишком щедрое допущение, — Джимми был готов сесть в кресло в четверть седьмого. Когда есть очередь и все кресла заняты, каждую минуту на подъемник садится шесть человек — я проверял. Герда прибыла на верхнюю станцию и уже направлялась к отелю, прежде чем я остановил подъемник без четверти семь. А это означает, что семнадцать минут седьмого она должна была уже сидеть в кресле, а ведь она ехала последней. Вы, полковник Бакфаст, должны были сидеть в кресле в шестнадцать минут седьмого. А Марио утверждал, что поломка произошла в семнадцать минут, и тщательно зафиксировал это в журнале, который держал у себя в кабинке. Учитывая тот факт, что даже электрические часы могут немного отклоняться от точного времени, я не могу поверить, что вы шли от «Олимпии» до подъемника с пяти до семнадцати минут седьмого.

— Подъемник сломался, как раз когда мы к нему подошли, — сказала Каро. — Нам всем пришлось ждать, когда его снова запустят. Должно быть, остановился он сразу после десяти минут седьмого.

— Вот именно, — согласился Генри. — Что исключает из времени, указанного Марио, семь минут — довольно много. Просто чтобы еще раз убедиться, я спросил об этом у Карло. И хотя он, к сожалению, не ведет журнал, но вспомнил, что поломка случилась до четверти седьмого. И еще одна странность. Видели, как Хозер выходил из отеля в десять минут седьмого. Но даже с учетом поломки он сел на подъемник только в шестнадцать минут седьмого. Однако дорога от отеля до подъемника, конечно же, не занимает шести минут.

— Тогда что случилось на самом деле? — с нетерпением спросил полковник.

— А вот что. Марио увидел Хозера на дорожке около одиннадцати минут седьмого, сам вынул предохранитель — он ничем не рисковал, зная, что в течение ближайших двух минут никто не появится, — и застрелил Хозера, как только тот достиг площадки подъемника. Потом усадил тело в кресло и снова запустил подъемник.

— Но пистолет?.. Как он достал пистолет? — воскликнул Джимми.

— Нет ничего проще, — ответил Генри. — Я всегда был уверен, что Хозер забеспокоился бы, если бы не нашел пистолета, когда утром паковал вещи. Правда, кто-то из нас мог вскрыть его чемодан в «Олимпии», но это было бы чрезвычайно рискованно — замок в чемодане непростой, а по коридору все время спуют люди. А также, как я уже указывал, никто из нас не мог знать, что еще увидит Хозера. А теперь подумайте, какая замечательная возможность была у Марио. Утром багаж Хозера лежал в его будке без присмотра почти три часа. У старика было полно времени, чтобы залезть в чемодан и взять пистолет, прежде чем он отправит багаж вниз.

— И все же я не понимаю, почему вы так безоговорочно уверены, — не сдавался Джимми.

— Мне не были нужны неопровержимые доказательства, — сказал Генри. — Видите ли, все это я понял еще до того как сообразил, что существует свидетель убийства.

— Свидетель? Но это невозможно, — возразила Каро. — Все были либо в отеле, либо в «Олимпии», а из отеля платформа подъемника не видна, потому что дорожка сворачивает.

— Возможно, — сказал Генри. — Только из одной комнаты. Из комнаты на последнем этаже, окно которой выходит на парадную дверь. Она расположена достаточно высоко, чтобы видеть из нее поверх сугробов всю дорожку и платформу.

— Комната Труди Книпфер, — сказал Роджер.

— Точно. Она говорила нам, что видела Хозера, когда тот шел к подъемнику. На самом деле она видела гораздо больше. Она видела убийцу. И поняла, что ей делать: держать язык за зубами. У нее были серьезные основания не любить Хозера, и она твердо решила не выдавать Марио. Не думаю, что она допустила бы, чтобы за убийство ответил Франко, но рассказывать что бы то ни было до самого последнего момента не собиралась. Эта юная леди обладает железным характером.

— Чего я не понимаю, — сказал Джимми, — за каким чертом было Марио убивать Хозера. В конце концов, если его семья зарабатывала на нем столько денег...

— Марио был хорошим человеком, — к удивлению присутствующих сказал Генри. — Он боготворил сыновей и действовал по справедливости, исходя из собственных представлений о ней. Признаю, кое-что из сказанного — мои домыслы, а поскольку и Марио, и Пьетро мертвы, мы никогда не узнаем точно, что же произошло. Но для начала вполне разумно предположить, что Марио винил Хозера в смерти Джулио. Интересно было бы узнать, был он прав или нет. Конечно, Хозер втянул Джулио в наркоторговлю, но мне кажется, что предпринять этот безумный спуск молодого человека все же побудила алчность. В тот момент погода была неблагоприятной, а ему не хватило терпения дожидаться, пока она улучшится, чтобы получить очередной куш. Я также думаю, что о том, какого рода контрабандой занимается сын, Марио узнал только в день его смерти. Нам известно, что между ними произошла ссора, и Марио сделал все что мог, чтобы удержать старшего сына. А последней соломинкой для Марио стало то, что он узнал: Пьетро собирается занять место брата. Он решил любой ценой положить этому конец и не придумал ничего проще и надежнее, чем убить Фрица Хозера. Он украл пистолет, вероятно, намереваясь убить Хозера во время обеда. Но услышав, что тот днем еще вернется в отель, изменил план.

— Что же должна была подумать Труди Книпфер, когда убили Марио? — воскликнул Джимми.

Генри вздохнул.

— Она, разумеется, подумала, что Марио совершил самоубийство, и прямо-таки испепелила меня взглядом, когда я с ней не согласился. На самом деле я бы тоже так подумал, если бы не... — Генри выдержал паузу, потом продолжил: — Признаться честно, я на это надеялся. У меня не было никакого желания арестовывать старика. Наверное, это было очень неправильно с моей стороны, но в то утро я ходил по деревне и, думая об этом, подозревал Марио. Я знал, что он наверняка услышит это и в баре «Шмидт», и от жены, и боялся, что он воспользуется этим выходом для себя. Но, как выяснилось, он предпочел более благородную развязку.

— Что вы имеете в виду? — спросил полковник.

— Марио чувствовал себя очень подавленным из-за ареста Франко, — ответил Генри. — Все заметили, как плохо он выглядел, и в этом нет ничего удивительного. Поэтому, когда я после ленча приехал наверх на подъемнике, он спросил, могу ли я встретиться с ним вечером. Конечно же, он собирался во всем признаться. Принять такое решение его заставил разговор с Пьетро. Насчет этого разговора чего только нам не наплели. Но истинная его суть — я уверен — сводилась к тому, что Марио последний раз воззвал к совести Пьетро, умолял его отказаться от идеи перевозить наркотики, а Пьетро ответил отцу безоговорочным отказом. Тогда Марио выложил последний козырь — сказал Пьетро, что собирается признаться в убийстве, а попутно открыть нам все о своих сыновьях и контрабанде наркотиков.

Генри помолчал, потер затылок и продолжил:

— Не думаю, что Пьетро был законченным злодеем. Не думаю, что он убил отца только из-за боязни потерять доход. Но у Веспы свои законы, и Пьетро вполне могло показаться, что милосерднее избавить отца от душевных мук, связанных с судом и приговором. Я не знаю. В любом случае, наверное, этим он оправдывал сделанное. Пьетро стал одержим желанием завладеть деньгами, которые были так близко, почти у него в кармане. Он успел получить от Хозера очередную партию кокаина — мы нашли ее в кармане его анорака. Для Пьетро деньги, которые он мог получить за кокаин, были возможностью вырваться из этой долины, которую он ненавидел. Они означали возможность устроить свое будущее — вы ведь знаете, как он мечтал уехать в Америку и разбогатеть. Санта-Кьяра была тесна для него. Две вещи стояли между ним и его безумными амбициями. Первая состояла в том, что полиция закрыла Имменфельдскую трассу, вторая — в угрозе отца сделать признание. И он решил убить Марио.

— Чудовищно. — Каро передернуло.

— А как Пьетро достал пистолет? — спросил Роджер.

— С момента убийства Хозера Марио держал пистолет под замком, — пояснил Генри. — У него в кармане было только два ключа. Один — от входной двери, другой — от радиолы, купленной Джулио. Должно быть, в ней и был спрятан пистолет. Но Марио забыл, что у Пьетро тоже был ключ от радиолы. После того как старик ушел из дома в тот день, когда был убит, Роза нашла Пьетро стоящим возле радиолы. Скорее всего, он только что открыл ее и забрал пистолет. Когда я увидел радиолу на следующий день, она была отперта.

— Но, Генри, — взмолился Джимми, — все это очень складно, только Пьетро не мог убить Марио! Мы с вами оба видели, как он поехал вниз на лыжах, и, когда убили Марио, находился уже более чем на полпути домой. Вы что же, думаете, он стрелял в отца из-под подъемника?

— Нет, — сказал Генри. — И это была самая сложная загадка во всем деле. Когда убили Марио, меня охватили страшные сомнения. Я подумал, что ошибся во всем. Тогда я еще раз прошелся по всем фактам, связанным с первым убийством, и решил, что не мог ошибиться. Это должен был быть Марио. А если так, кому нужно было убивать старика... кроме его сына? Пьетро был единственным, у кого имелась причина принять радикальные меры, чтобы не дать Марио сделать признание. Тем не менее на первый взгляд это казалось невозможным. Пьетро уехал отсюда на лыжах в половине шестого и прибыл к нижней станции Карло без четверти шесть. Вполне разумное время для того, чтобы спуститься на лыжах, учитывая темноту.

— Он никак не мог убить Марио, — категорически заявил полковник. — Даже для первоклассного лыжника это была бы невозможная скорость.

— Я ломал голову над этим вопросом и не мог найти ответ, — согласился Генри. — Поэтому мы с капитаном Спецци решили предоставить Пьетро все возможности и попробовать поймать его в ловушку. Имменфельдскую трассу официально открыли в субботу. Мы знали, что Пьетро совершит попытку побега в воскресенье, потому что это единственный день, когда его до вечера не будут искать — ведь занятий в лыжной школе нет. У нас не было реальных подтверждений моей догадки, а следовательно, и надежды обвинить его в убийстве. А потом — в то самое утро — я вдруг понял, как он мог совершить убийство. И все из-за того, что сказала Эмми.

— Почти смешно, — вставила Эмми. — Я сказала что-то насчет своего заднего фасада.

— Вашего чего? — краснея, переспросил полковник.

— Моей задницы, — уточнила Эмми. — После того несчастного случая я рассказала Генри, что рухнула на острое ребро лыжи и моя задница стала похожа на платформу под пилоном.

— Не вижу, какой интерес это может представлять для всех нас, — холодно заметила миссис Бакфаст.

Инспектор усмехнулся.

— Я отступлю чуть-чуть назад. План Пьетро был в высшей степени хитроумным. Он выстроил все так, чтобы обеспечить себе алиби. Самым существенным моментом в плане было то глупое пари, которое Пьетро заключил с другими инструкторами, — что он рано утром в тот день спустится с Галли.

— И он это сделал, — подтвердил полковник. — Я сам видел его лыжно.

— И какое отношение к этому имеет задница Эмми? — спросила Каро.

— Эмми, — объяснил Генри, — наутро после убийства Марио спускалась на подъемнике в девять часов — до того как пошел снег. А теперь постарайтесь вспомнить: кто-нибудь из вас знает, что платформы под пилонами подъемника сделаны из гофрированного железа?

Все задумались, потом Джимми сказал:

— Я ни разу не видел их не покрытыми снегом.

— Вот именно! — воскликнул Генри. — Снег пошел около десяти. А в девять Эмми

видела одну платформу свободной от снега. Должно быть, она подсознательно отметила это.

— Это был третий пилон сверху, — сказала Эмми. — Я даже тогда не задумалась, просто мысленно отметила: странно, что на одной платформе снег смели.

— Зачем его смели? — Полковник был совершенно сбит с толку. — Я не понимаю, к чему вы клоните.

— А смести его пришлось, — ответил Генри, — чтобы не оставлять следов.

Все по-прежнему пребывали в недоумении, поэтому Генри продолжил:

— Вот что сделал Пьетро. Он отправился отсюда по первой трассе, позаботившись о том, чтобы Джимми и я видели, как он отъезжает, и запомнили точное время. Как вы знаете, первая трасса проходит под подъемником как раз у третьего пилона. Пьетро вихрем домчался до этого места — дорога заняла у него с минуту. Потом остановился, снял лыжи и по лестнице взобрался на платформу. Воспользовавшись инструментом для тушения огня, которые есть на каждом пилоне, он смел снег с платформы, чтобы не оставлять следов, а также разбил лампу на пилоне — на это Эмми тоже обратила мое внимание, но я был слишком глуп, чтобы сообразить, что это значит. Потом он запрыгнул в кресло — с платформы это сделать можно, хотя и трудно — и снова поехал наверх, прихватив, разумеется, лыжи. Там он застрелил Марио, посадил тело в кресло и оставил пистолет на коленях у отца, зная, что оружие либо упадет по пути, либо, оставшись на месте, послужит доказательством самоубийства, когда Марио обнаружат внизу. Все это заняло у него десять минут. И осталось еще пять минут, чтобы домчаться обратно до будки Карло.

— Это нереально, — сказал полковник.

— Да нет, — возразил Генри, — реально. Если уж он спустился по Галли...

Все потрясенно молчали, не веря собственным ушам.

— Вы хотите сказать, что он съехал с Галли в темноте?! — вымолвил наконец полковник голосом, преисполненным благоговения.

— Да, — подтвердил Генри. — В темноте. Это было выдающееся спортивное достижение, но Пьетро и был выдающимся горнолыжником. Так вот, он обеспечил себе алиби, поговорив с Карло. А на Галли оставил в качестве доказательства след своих лыж. На следующее утро Пьетро встал рано и, увидев, что снег не идет, забрался не слишком высоко на гору, так чтобы его не увидели из деревни. Карло был одним из тех, кто бился с ним об заклад, я сегодня утром поговорил с ним. Согласно договоренности, Пьетро должен был начать спуск без четверти девять, но когда участники пари явились туда, они увидели, что он его уже заканчивает, и приняли след от лыж как доказательство того, что он его только что совершил. Сдвиг же во времени Пьетро объяснил тем, что пришлось стартовать чуть раньше, чтобы выбраться из дому, пока не встала мать. Все знали, как боялась Роза Веспи этой авантюры сына, так что легко поверили.

— Галли... в темноте... — повторил полковник изумленно.

— Это был отчаянный план, — сказал Генри. — Не могу не признать, что только редкостное невезение не позволило Пьетро выйти сухим из воды. Если бы снег пошел на час раньше... если бы Эмми не заметила, что с платформы убран снег... Но имеем то, что имеем. Тем не менее, я как дурак не мог сложить два и два до сегодняшнего утра и вдобавок ко всему проспал. Можете себе представить, что я почувствовал, услышав, что вместе с Пьетро на Имменфельд отправились еще трое?

Он посмотрел на Роджера, потом на полковника и улыбнулся.

— К сожалению, все вы мыслили одинаково и, увы, синхронно. Имменфельдская трасса снова была открыта, и у всех четверых — включая Герду и Пьетро — имелась своя причина спуститься по ней в одиночку, поэтому, желая улизнуть незамеченными, вы решили выйти на лыжню позже остальных. Что касается вас двоих, — добавил он, — то вы, полагаю, просто старались избежать общества друг друга. Роджеру хотелось устраивать гонки, а полковник вечно его тормозил. Ни один из вас не желал признаться вслух, что вы надоели друг другу, но получилось так, что вам опять пришлось ехать вместе. Я прав?

Полковник залился краской и нечленораздельно пробормотал что-то насчет того, что

он уже не так молод, как прежде. А Роджер, уставившись в пол, ответил:

— Да, вы правы.

И, обращаясь к Бакфасту, добавил:

— Извините, сэр. Я, видите ли, пытаюсь работать именно над скоростью в надежде, что меня, может, возьмут в какую-нибудь команду.

— И я прошу прощения, — ответил полковник. — Должно быть, в качестве напарника я был для вас обузой.

И оба улыбнулись друг другу.

— Что касается Герды, — продолжил Генри, — то у нее тоже была своя причина покинуть Санта-Кьяру — сугубо личная. Похоже, она... впрочем, это неважно. Факт остается фактом: все вы, а также Пьетро, оказались на старте одновременно. Ему было совершенно некстати идти с вами, и, надо отдать ему должное, он попытался вас отговорить. Вы же понимаете, насколько лишним было для него ваше присутствие. Он ведь собирался не в заурядный курьерский рейс. Со смертью Хозера здешняя афера в любом случае заканчивалась. И Пьетро решил исчезнуть — навсегда. На его совести было убийство, а в карманах — маленькое состояние в виде незаконного наркотика. И он задумал инсценировать собственную смерть.

— Боже праведный! — воскликнул полковник.

— Конечно же, она должна была стать повторением смерти Джулио. Сломанная лыжа или еще что-нибудь в этом роде в качестве свидетельства — но без тела. Вряд ли это кого-нибудь сильно удивило бы. Порой жертв заваливает снегом, и их не могут найти до самой весны.

— Откуда вы все это узнали? — спросил Роджер. Он казался искренне потрясенным.

— От вашего друга из магазина в Имменфельде, — ответил Генри. — Его не пришлось долго убеждать, чтобы он рассказал нам всю историю. Пьетро обсудил с ним свой план по телефону. Он собирался изобразить якобы несчастный случай на опасном склоне, потом пешком углубиться в лес, где «крысиная мордочка» должен был ждать его с деньгами и полным набором фальшивых документов. Этот парень засветился во многих отвратительных аферах. Разумеется, план не сработал бы: капитан Спецци собрал в Имменфельде весьма внушительный «комитет по организации торжественной встречи». Но тут я услышал, что с Пьетро отправились вы трое. Ваш инструктор оказался в отчаянном положении, и я понял, что ему придется менять план. Оставался только один выход — несчастный случай с трагическим исходом для всех четверых. Однако тел должно было быть найдено только три. Не слишком благородная задумка.

— Значит, если бы барон вовремя их не догнал... — Голос Каро дрогнул, и она схватила Роджера за руку.

— Барон, — медленно произнес Генри, — был по-настоящему храбрым человеком. Он не просто спас сегодня три чужие жизни. Он сознательно пожертвовал своей.

— Чтобы Пьетро не смог уйти?... — догадался Джимми.

Генри опустил голову.

— Ну можно сказать и так.

Эпилог

Это было спустя четыре дня. Генри и Мария Пиа сидели на балконе ее номера, греясь на солнце. Внизу дети, Ганси и Лотти, обстреливали друг друга снежками под благосклонным присмотром Эмми, которая тоже нежилась на солнышке, сидя на скамейке перед входом в отель и делая вид, что читает журнал.

— Значит, вы сегодня днем уезжаете, — сказала итальянка. — Мы тоже. Вы

возвращаетесь к своей привычной жизни в Лондоне, а я... — Она замолчала и стала смотреть на игравших под балконом детей.

— А что собираетесь делать вы? — мягко спросил инспектор.

— Когда-то я попросила вас помочь мне решить проблемы, — медленно произнесла баронесса. — Это было глупостью. Никто не может решить за человека его проблемы.

— Знаю, — согласился Генри.

— Я вела себя очень дурно, — простодушно призналась Мария Пиа, — и весь этот ужас случился со мной, потому что я его заслужила. Я была недостойна счастья, а теперь навсегда потеряла шанс его обрести. И это справедливо.

После недолгого молчания инспектор сказал:

— Ваш муж был выдающимся человеком, баронесса. Однажды я сказал вам, что он безумно вас любит. Скажу больше: думаю, он любил вас больше жизни.

— Что вы имеете в виду?

— Именно это. Он знал, что Имменфельд наводнен полицией и Пьетро не уйти. Герман исполнил то, о чем я его просил, и исполнил превосходно — он вовремя предупредил троих лыжников об опасности. Но то, что он сделал после, было его собственным решением.

Она не ответила, но глаза наполнились слезами.

— Никто не ждет, что вы оправитесь от удара быстро, — продолжил Генри, — но со временем наверняка снова будете счастливы. Думаю, именно этого хотел Герман.

Они долго молчали, потом Мария Пиа сказала:

— Вы знаете, что я увожу Розу и Марию Веспи с собой в Инсбрук?

— Да, — ответил Генри, — и считаю, что вы поступаете замечательно. Замечательно и характерно для вас.

Баронесса одарила его печальной улыбкой.

— Теперь, когда у меня больше нет Герды, кто-то должен присматривать за детьми. Я сама научу всему Марию. Из нее получится хорошая няня. А Роза будет моей домоправительницей.

Инспектор улыбнулся.

— Герда снова отправилась на лыжную прогулку с галантным капитаном Спецци, полагаю?

— Да, — сказала Мария Пиа. — Знаете, она поступила на службу в «Олимпию».

Баронесса снова улыбнулась, и в ее голосе послышалось что-то от былой оживленности, когда она сказала:

— Уверена, они будут очень счастливы.

— Надеюсь, — согласился Генри. — Бедняга Спецци. Должно быть, он испытывал муки ада, когда думал, что Герда виновна. Неудивительно, что она пыталась сбежать.

— Она действительно хотела пересечь австрийскую границу и удрать? — грубовато поинтересовалась Мария Пиа.

— Уверен, что да, — подтвердил Тиббет, — хотя я, конечно, даже намекнул ей, что догадываюсь об этом. Ее положение оказалось ужасным. Она потеряла работу, а человек, в которого Герда была влюблена, считал ее убийцей. Однажды, когда арестовали Франко, она пришла в такое отчаяние, что хотела положить конец всему, взяв убийство на себя. К счастью, мне удалось подавить ее порыв в зародыше.

— Слава богу, что вам это удалось. Это было бы и впрямь чудовищно.

— Она хотела это сделать ради вас, — заметил Генри. — Знаете, она вас очень любит.

Мария Пиа широко открыла свои огромные карие глаза.

— Господи!.. Я понятия не имела...

— Мы все вас любим, — сказал Генри. Он взял ее руку, слегка сжал и неожиданно поцеловал. Потом, заметно покраснев, быстро вышел из номера баронессы и стал спускаться по лестнице.

В холле он повстречал Труди Книпфер. С совершенно серьезным лицом та сказала ему:

— Я искала возможности поговорить, герр Тиббет. Считаю своим долгом извиниться

перед вами.

Генри ухмыльнулся.

— Официально, фройляйн, я, конечно, очень сержусь на вас за сокрытие жизненно важного доказательства.

Она посмотрела ему прямо в глаза и строго спросила:

— А вы бы выдали старика? Выдали бы, если бы ненавидели Фрица Хозера так же сильно, как я?

— На этот вопрос очень трудно ответить, — сказал Генри. — Вместо этого я задам вам другой: почему, испытывая такую ненависть, вы все равно готовились выйти за него?

— Этого хотел мой отец, — коротко ответила Труди.

— Почему?

Девушка немного помедлила, потом начала:

— Он думал...

Но с террасы донесся резкий окрик:

— Труди! Моя трубка у меня в комнате!

— Да, папа, — ответила девушка и тут же ушла.

— Вот еще одна маленькая тайна, которую никто никогда не постигнет... — пробормотал инспектор. — Ладно...

Он пошел в бар. Там в одиночестве пил кофе Роджер.

— Приятно видеть дружественное лицо, — заметил тот при виде Генри. — Все остальные собирают вещички.

— Я пришел, чтобы отдать вам это, — сказал Тиббет. — Думаю, вам бы этого хотелось. — Он достал из кармана заявление Роджера и добавил: — Я бы на вашем месте сжег его. Не думаю, что вам или Каро захочется когда-нибудь вспоминать о нем. Официально я, разумеется, ничего о нем не знаю и никогда не знал.

Он положил бумагу на стол и быстро удалился, прежде чем Роджер успел сказать хоть слово.

Снаружи, на солнечной скамейке, Эмми отложила журнал и спросила:

— Все улажено и готово к отъезду?

— Все сделано, — ответил Генри и сел на скамейку рядом. — Как сегодня твоя щиколотка?

— О, гораздо лучше. Хотя нагружать ее я пока еще не могу. Даже если бы мы остались здесь подольше, не думаю, что я смогла бы снова встать на лыжи в течение ближайшего месяца. Но на будущий год...

Генри взглянул на нее, и его брови поползли вверх.

— Ты хочешь вернуться сюда на будущий год? После всего, что здесь произошло?

— Конечно, хочу. Мы возьмем отпуск в январе и проведем две восхитительные недели, катаясь на лыжах, — безо всяких убийств. И я научусь делать поворот на параллельных лыжах — вот увидишь. — Она вдруг посмотрела на него с тревогой и добавила другим тоном: — Ты же хочешь приехать сюда снова, правда? Я имею в виду... ты ведь любишь кататься на лыжах?

— Ненавижу, — весело откликнулся Генри, — но прекрасно понимаю, что вернусь сюда на будущий год, и на следующий, и мы будем ездить сюда до тех пор, пока сможем себе позволить. Это такая же отравка, как хозеровский кокаин.

Несколько минут они сидели молча, отрешенно созерцая красоту залитой солнцем долины. Потом голос, прозвучавший у него за спиной, вернул Генри к действительности.

— Синьор Тиббет.

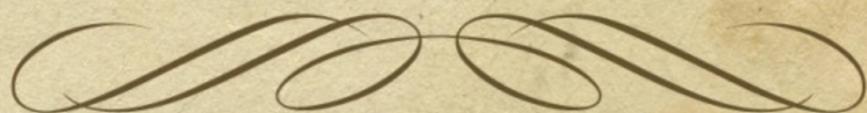
Он повернулся и увидел Россати. В руке у хозяина отеля была толстая стопка бумаг.

— Синьор Тиббет, — сказал тот, — для меня было честью и удовольствием принимать вас в моем отеле. Очень надеюсь, что все неприятные события не настроят вас против «Белла Висты», потому что я был бы счастлив, если бы вы снова приехали на будущий год. И если вы приедете, то увидите перемены: я собираюсь по-новому оформить бар и приглашать для

танцев небольшой оркестр. — Его глаза мечтательно затуманились. — Обставлю комнату отдыха и все номера для постояльцев новой мебелью, — продолжил он. — Оборудую две новые ваннные комнаты и буду устраивать по четвергам чай с танцами. Найму шеф-повара и поставлю в столовой угольный гриль. Мой отель станет самым прекрасным во всей Италии... мой собственный отель... Синьор Тиббет, — его голос дрожал от переполнявших его чувств, — синьор Тиббет, могу я предоставить вам ваш счет?

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Италия, Доломитовые Альпы, маленькая уютная деревенька в горах. Что может быть лучше для зимнего отдыха? Инспектор Генри Тиббет с женой отправляются в отпуск, чтобы отдохнуть от городской суеты и научиться кататься на лыжах. Но спустя пару дней пребывания в Санта-Кьяре в их идиллическое времяпрепровождение вмешивается смерть. В одном из кресел канатной дороги на нижнюю станцию подъемника спускается труп.

А через несколько дней еще один. Потенциальных подозреваемых не так много, но все осложняется тем, что почти у каждого из них есть мотив...

Семья Мансайпла всегда отличалась экстравагантностью. Но соседи уже привыкли к странным ирландцам и давно перестали их обсуждать.

Вот только труп Реймонда Мейсона на подъездной дорожке их дома спровоцировал новую волну слухов. Случайная ли это пуля со стрельбища Джорджа Мансайпла? Стоит ли принимать во внимание показания единственного свидетеля – девяностолетней старушки, увлекающейся спиритизмом? Имеет ли к случившемуся отношение сын покойного?

Генри Тиббету в очередной раз предстоит восстановить картину произошедшего и объяснить ряд странных событий, случившихся в доме Мансайплов.

Детективы Мойес написаны в классической английской традиции «подозреваются все».

Угадать истинного убийцу невозможно до последней страницы!

«Sunday Times»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-100960-1

9 785171 009601